

ЛЕГЕНДЫ ХОРРОРА

18+

УИЛЬЯМ ХЬЁРТСБЕРГ

СЕРДЦЕ АНГЕЛА

.....
ПРЕИСПОДНЯЯ АНГЕЛА

Легенды хоррора

Уильям Хьёртсберг

**Сердце Ангела.
Преисподняя Ангела**

«Издательство АСТ»

2017, 2018

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Хьёртсберг У.

Сердце Ангела. Преисподняя Ангела / У. Хьёртсберг —
«Издательство АСТ», 2017, 2018 — (Легенды хоррора)

ISBN 978-5-17-120884-4

1959 год. Частный детектив Гарри Ангел получает от таинственного заказчика по имени Луи Цифер поручение найти знаменитого певца Джонни Фаворита. Тот во время Второй мировой войны был ранен и с тех пор лежал в коме. Но недавно он исчез прямо из больницы, и теперь его нужно разыскать. Поначалу расследование кажется легким, но вскоре все те, кто причастен к этому делу, начинают погибать, а сам Ангел попадает в водоворот убийств, мрачных тайн, оккультизма, жертвоприношений и ритуалов вуду. Жизнь Гарри превращается в кровавый лабиринт, выход из которого обернется для детектива настоящим кошмаром и приведет к столкновению с невероятным злом.

УДК 821.111

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-120884-4

© Хьёртсберг У., 2017, 2018
© Издательство АСТ, 2017, 2018

Содержание

Сердце Ангела	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	34
Глава 12	38
Глава 13	41
Глава 14	44
Глава 15	46
Глава 16	48
Глава 17	50
Глава 18	52
Глава 19	55
Глава 20	57
Глава 21	61
Глава 22	64
Глава 23	67
Глава 24	71
Глава 25	75
Глава 26	78
Глава 27	81
Глава 28	84
Глава 29	87
Глава 30	89
Глава 31	94
Глава 32	96
Глава 33	99
Глава 34	103
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Уильям Хьёртсберг

Сердце Ангела. Преисподняя Ангела

William Hjortsberg
FALLING ANGEL
ANGEL'S INFERNO

Copyright © 2017 by William Hjortsberg
Copyright © 2018 by estate of William Hjortsberg
Edited by Maggie Crawford
© Ольга Исаева, перевод, 2020
© Сергей Карпов, перевод, 2020
© Сергей Неживясов, иллюстрация, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Сердце Ангела

Увы! Как страшно знать, когда от знания Один лишь вред!
Софокл «Эдип Царь» (перевод С. Шервинского)

Глава 1

На дворе у нас пятница, тринадцатое число, а вчера была метель, и на Седьмой авеню теперь что ни шаг – то проклятия и зубовный скрежет. Ноги по щиколотку увязают в слякотной каше. По ту сторону Седьмой возвышается терракотовая башня – здание газеты «Таймс», перехваченное светящейся лентой. По кругу бегут электрические буквы, слова складываются в заголовки: «232 голосами против 89 палата представителей окончательно одобрила присвоение Гавайям статуса штата; президент Эйзенхауэр готов подписать законопроект...»

О Гавайи! Благословенная земля сладкоголосой Халелоке¹, где солнце золотит ананас, где под треньканье гитары и бормотание волн тропический бриз играет травяными юбками местных красоток...

Я крутанул кресло, и взору моему предстала Таймс-сквер. Джентльмен с рекламы сигарет «Кэмел» пускал пухлые колечки настоящего дыма поверх автомобильной пробки. Этот элегантный красавец с губами, застывшими на выдохе в вечно-удивленном «О-о!», – наш бродвейский посланец весны. Пару дней назад он вдруг оброс лесами, на которых повисли бригады рекламных живописцев. В их руках темная фетровая шляпа с ленточкой преобразилась в канотье из панамской соломки, а зимнее пальто с бархатным воротником – в полосатый льняной костюм. Конечно, у нас здесь все обставлено проще, чем в Капистрано², и ласточки с рыжими хвостиками не прилетают к нам после долгой зимы, но, в общем и целом, суть перемены ясна.

Дом, в котором находилась моя контора, был построен еще в прошлом веке – четырехэтажный кирпичный инвалид, кое-как склеенный уличной копотью и голубиным помехом. Сооружение сие венчает что-то вроде короны из разноцветных реклам: туристические фирмы зовут в Майами, нескончаемые пивовары расхваливают свой продукт. На углу поместилась табачная лавка, рядом с ней – заведение, где играют в китайский бильярд, потом две палатки с хот-догами, и по центру – кинотеатр «Риальто». Вход зажат в узком простенке между магазином порнолитературы и сувенирной лавкой, выставяющей напоказ целые груды подушек-пукалок и гипсовых собачьих кучек.

Я трудился на втором этаже по соседству с косметическим салоном мадам Ольги («Удаляем ненужные волосы»), аудиторской конторой Айры Кипниса и мелкой импортерской фирмой под названием «Слезинка». Двадцатисантиметровые золотые буквы оттеняли мое превосходство над прочей публикой: «Детективная контора „Перекресток“». Название, как, впрочем, и саму контору, я выкупил у Эрни Кавалеро, моего бывшего шефа. В войну, когда я еще только приехал в Нью-Йорк, Эрни взял меня к себе с тем, чтобы я носился по городу и добывал для него сведения.

Я уже собирался пойти выпить кофе, как вдруг у меня на столе зазвонил телефон. Где-то далеко, на том конце провода, секретарша нежно пропела: «Мистер Гарри Ангел? Вас беспокоят из конторы „Пиппин, Штрейфлинг и Шафран“. Сейчас с вами будет говорить мистер Штрейфлинг».

¹ Знаменитая певица родом с Гавайев. (Здесь и далее – прим. перев.)

² В американскую деревеньку Сан-Хуан-Капистрано каждый раз в один и тот же день (ранним утром в День святого Иосифа) по весне прилетают ласточки. Их возвращение шумно празднуется.

Выслушав мое учтивое мычание, дамочка нажала кнопку селектора.

Вслед за тем трубку наполнил до сладострастия сдобный голос. Герман Штрейфлинг отрекомендовался поверенным, а это означало, что время его стоит недешево. Служители закона, без затей именующие себя юристами, берут, как правило, на порядок меньше. Зачарованный руладами собеседника, я предоставил ему полную инициативу.

– Я позвонил вам, мистер Ангел, дабы удостовериться в том, что в данный момент мы можем рассчитывать на ваши услуги.

– В смысле – ваша фирма?

– Не совсем. Я говорю от лица одного из наших клиентов. Так вы готовы предоставить ему ваши услуги?

– Смотря в чем там дело. Расскажите поподробнее, тогда я вам отвечу.

– Мой клиент предпочел бы побеседовать с вами лично. Он приглашает вас отобедать с ним сегодня ровно в час дня в ресторане на Пятой авеню. Это «Три шестерки», последний этаж.

– Хорошо, может быть, вы мне тогда хотя бы имя скажете? Или как мне его искать: по цветку в петлице?

– У вас есть, на чем записать? Я вам продиктую по буквам.

Я записал в блокнот. Получился какой-то Луи Цифер.

– Так. А как это произносится?

Мистер Штрейфлинг, с шиком грассируя, изобразил нечто французское.

– Он что, иностранец?

– У господина Цифера французский паспорт, но какой он национальности, право, не знаю. Я думаю, он сам с радостью ответит на все ваши вопросы. Так мне сказать ему, что вы придете?

– Да. «Три шестерки», ровно в час.

Прожурчав пару прощальных реплик, поверенный Герман Штрейфлинг дал отбой.

Я же извлек из коробки сигару «Монтекристо» – одну из тех, что берег с Рождества, – и торжественно закурил. Случай стоил того.

Глава 2

Дом номер 666 по Пятой авеню вырос на отрезке между Пятьдесят второй и Пятьдесят третьей улицей за два года до описываемых событий. Он являл собою неудачный гибрид международного «функционального» стиля и наших доморожденных полированно-хромовых тенденций. Фасад, отделанный рельефными алюминиевыми панелями, больше всего напоминал гигантскую терку. Внутри же все сорок этажей и миллион квадратных метров были отданы под всевозможные конторы. Правда, в холле было устроено железное подобие водопада, но и эта деталь не спасала общего впечатления.

Скоростной лифт вознес меня на последний этаж. Получив от гардеробщицы номерок, я некоторое время любовался видом города, пока метрдотель осматривал меня так, как инспектор саннадзора осматривает сомнительный кусок говядины. Даже то обстоятельство, что Цифер действительно значился в списке посетителей, не смягчило его сердца. Под благопристойный шепоток воротил, обсуждающих за ленчем свои дела, я проследовал за ним к столу у окна.

Цифер уже ждал меня. Он был в синем костюме в тонкую полоску, явно от хорошего портного, и с кроваво-красным бутоном розы в петлице. На вид ему можно было дать и сорок пять, и все шестьдесят. Белоснежные острые усики и квадратная борода контрастировали с зачесанной назад черной гривой над высоким лбом. Что еще? Солидная осанка, загорелая кожа, глаза – голубой ледок. На бордовом шелке галстука золотом поблескивала булавка – перевернутая пятиконечная звездочка.

Метрдотель выдвинул мне стул.

– Я Гарри Ангел, – сказал я. – Мне звонил Штрейфлинг, адвокат, и сказал, что у вас ко мне разговор.

– Люблю, когда сразу переходят к делу, – заметил Цифер. – Выпьете что-нибудь?

Я, недолго думая, заказал двойной «Манхэттен». Цифер побарабанил отполированным ногтем по своему бокалу и попросил повторить. Ох ты, какие руки! К таким рукам пошел бы хлыст. Должно быть, у Нерона были такие. И у Джека Потрошителя. Холеные длани императоров и убийц. Хищные пальцы сужены книзу, как злые когти. Безвольный взмах отвердевает в мертвую хватку. Руки для недобрых дел.

Когда официант отошел, Цифер чуть подался вперед и одарил меня заговорщицкой улыбкой:

– Знаете, сам я ненавижу формалистику, но мне все же придется попросить вас показать документы.

Я достал бумажник и показал ему фотокопию удостоверения и значок почетного полицейского:

– Еще есть лицензия на оружие и водительские права.

Изучив содержимое пластикового кошелька, мой собеседник улыбнулся еще лучезарнее и возвратил его мне.

– Я-то привык верить человеку на слово. Это все мои юристы – они настояли.

– Перестраховаться не вредно, – заметил я.

– Надо же. Я думал, вы, что называется, человек рискованный.

– Только в крайних случаях.

Я все прислушивался, пытаясь уловить хоть малейший намек на акцент, но Цифер говорил безупречно ровно и правильно, его голос был словно отполирован крупными банкнотами, не переводившимися у него с пеленок.

– Может быть, перейдем к делу? – предложил я. – Я не мастер вести светские беседы.

– Весьма похвальное качество.

Цифер достал из нагрудного кармана оправленный в золото кожаный портсигар и выбрал себе тонкую зеленоватую панателу.

– Не желаете?

– Нет, спасибо.

Цифер обрезал кончик сигары складным серебряным ножиком и погрел ее над огоньком газовой зажигалки.

– Вы часом не помните такого Джонни Фаворита?

Я задумался.

– Это тот, что до войны еще пел в каком-то свинговом ансамбле?

– Именно. Это была мгновенная сенсация, как выражаются пресс-агенты наших звезд. В сороковом он выступал с оркестром Симпсона по прозвищу Паук. Названия пластинок я не помню, я этот свинг всегда терпеть не мог, но у него было несколько громких вещей. В театре «Парамаунт» публика с ума сходила – Синатры тогда еще и в помине не было. Да вы, наверное, помните: «Парамаунт» – это же в ваших краях.

– Во времена Фаворита я был еще мальчишкой. Я в сороковом только-только закончил школу в Мэдисоне, пошел работать в полицию. Мэдисон – это в Висконсине.

– Так вы со Среднего Запада? Никогда бы не подумал. Мне казалось, вы местный, коренной нью-йоркец.

– Здесь местных вообще нет. В центре, по крайней мере.

– Тонко подмечено. – Цифер исчез в голубом табачном облачке.

Судя по запаху, сигара была отменная. Я даже пожалел, что отказался.

– Нью-Йорк – город пришлых. Я и сам такой, – добавил он.

– А вы откуда?

– Скажем так, я путешествую.

Цифер отогнал колечко сигарного дыма, причем на пальце у него блеснул изумрудный перстень, поцеловать который не отказался бы даже папа римский.

– Понятно, – кивнул я. – А зачем вам этот Фаворит?

Официант материализовался возле нашего столика, поставил бокалы и так же незаметно исчез.

– Что ни говори, у него был приятный голос. – Цифер по-европейски, молча, поднял стакан на уровень глаз, кивнул мне и продолжал: – Сам по себе свинг я не переношу: слишком громко. Суетливо как-то... Но Джонни – это другое дело. Джонни, когда хотел, пел, как херувим. Когда он только начинал, я взял его, если можно так выразиться, к себе под крыло. Он был этакий гаврош из Бронкса: круглый сирота, тощий, нахальный. На самом деле его звали Джонатан Либлинг – почти то же, что Фаворит, только по-немецки. Он потом для сцены сменил фамилию. Фаворит ведь лучше звучит – не находите? А потом... Знаете, что было потом?

– Понятия не имею.

– В январе сорок третьего года его призвали. Поскольку он пел, то попал в особую часть, ездил по фронтам с концертами. В марте его включили в тунисскую концертную бригаду... Собственно, я не так уж много и знаю. Знаю, что однажды вечером во время представления немецкие бомбардировщики разнесли эстраду. Почти вся труппа погибла, но Джонни выжил. Его ранило в голову и в лицо... Хотя слово «выжил» здесь вряд ли подходит. Жизнь как таковая для него закончилась. Я не врач, не могу сказать точно, но, по-моему, его контузило.

– Контузило? Знакомо.

– Так вы воевали?

– Пару месяцев, в самом начале. Мне повезло.

– Ну вот, а Джонни – нет. Когда его привезли обратно, это был не человек, а овощ.

– Невеселая история. Только вам зачем я? Что именно вы от меня хотите?

Цифер потушил сигару и повертел в руках пожелтевший от времени мундштук из слоновой кости в виде свернувшегося змея с головой петуха. Петушиный клюв был раскрыт в крике.

– Прошу вас, имейте терпение, мистер Ангел. Окольным путем я подвожу вас к главному. Как я уже говорил, я помог Джонни в начале его карьеры. Агентом его я не был, но использовал кое-где свое влияние. И поскольку я принимал в нем довольно большое участие, мы с ним заключили договор. Есть некий залог, который должен быть выплачен в случае его смерти. Больше я, к сожалению, ничего не могу вам сказать: по условиям договора не имею права раскрывать подробности. Но это и неважно. Важно то, что Джонни был безнадёжен. Его отправили в больницу для ветеранов в Нью-Гэмпшире, и казалось, что он проведет там остаток жизни. Тогда много было этих несчастных мальчиков. Но у Джонни были друзья, и у него были деньги. Немалые деньги. Он был далеко не скуп, но в последние два года зарабатывал столько, что даже ему не под силу было все это промотать. Часть этих денег он вложил в какое-то дело, причем его агент имел право распоряжаться доходами.

– История осложняется, – заметил я.

– Именно, мистер Ангел, именно.

Цифер задумчиво постукивал мундштуком по краю опустевшего бокала. Хрусталь звенел, словно далекий колокол.

– Друзья перевели его в частную клинику на севере штата, там применяли какие-то радикальные методы. Скорей всего, обычное шарлатанство: по крайней мере, Джонни эти методы не помогли. Но теперь деньги шли уже не от государства, а с его счета.

– А эти его друзья – вы их знаете?

– Нет. Надеюсь, вы не сочтете меня чудовищем, если я скажу вам, что судьба Либлинга интересует меня постольку, поскольку мы с ним связаны договором. С тех пор как Джонни ушел на фронт, я его больше не видел. Единственное, что мне нужно было знать, это жив он или умер. Мои поверенные пару раз в год связывались с больничным начальством и получали письменное подтверждение того, что Джонни еще жив. Так продолжалось до прошлого воскресенья.

– А в воскресенье?..

– В воскресенье случилась странная вещь. Я был по делу в Покипси и решил заехать в клинику: там недалеко. Так сказать, проведать старого приятеля. Зачем – не знаю. Может быть, из любопытства. Хотелось взглянуть на него: каково это шестнадцать лет не вставать с постели? Но меня к нему не пустили, сказали, что посещения – вечером по будним дням. Я настаивал. Тогда вышел его врач и сказал, что Джонни сейчас проходит курс терапии и его нельзя беспокоить до будущего понедельника.

– Такое впечатление, что вас хотели спровадить.

– Мне тоже так показалось. Этот врач – что-то мне в нем не понравилось...

Цифер убрал мундштук в жилетный карманчик и опустил на стол сложенные вместе ладони.

– Я остановился в Покипси, дождался понедельника и пошел в клинику – на этот раз уже точно в часы посещения. Доктора я не видел, но когда я сказал, что иду к Джонни, дежурная спросила: вы родственник? Я, естественно, сказал, что нет, и тогда она мне сообщила, что посещения разрешены только родственникам.

– А в первый раз вам этого не говорили?

– Нет. Честно сказать, я тогда слегка погорячился. Кажется, даже устроил скандал. Это, конечно, была ошибка. Медсестра пригрозила, что вызовет полицию, если я немедленно не уйду.

– И вы ушли?

– Ушел. Что же мне еще оставалось? Это частное заведение, я не хотел неприятностей. Поэтому мне и понадобились вы.

– Вы хотите, чтобы я съездил туда и все выяснил?

– Именно.

Цифер воздел ладони, словно желая показать, что ничего не скрывает.

– Прежде всего, мне нужно знать, жив он или нет. Это самое главное. Если жив – я хочу, чтобы вы его нашли.

Я извлек из нагрудного кармана блокнотик в кожаной обложке и механический карандаш.

– Похоже, дело несложное. Так. Что это за клиника и какой там адрес?

– Клиника «Аркадия» имени Прозерпины Харвест. Это на востоке, по дороге на Плезант-Вэлли.

Я все записал и спросил еще, как звали того подозрительного типа.

– Фаулер. Не то Альберт, не то Альфред...

– Так. А этот Джонни там записан как Либлинг?

– Да. Как Джонатан Либлинг.

– Хорошо. На первый раз достаточно.

Я спрятал блокнот и встал.

– Как мне вас найти?

– Лучше всего через поверенного, – сказал Цифер, кончиком пальца разглаживая усы. – Погодите, вы уже уходите? Я думал, мы пообедаем...

– От угощения я обычно не отказываюсь, но если выехать сейчас, то я еще успеваю в клинику до закрытия.

– Но там все время кто-то есть.

– Да, дежурный врач. А мне нужна картотека: кем бы я ни представился, все равно мне путь один – туда. Да и вам накладно ждать до понедельника: у меня такса полсотни в день плюс расходы.

– Что ж, если вы справитесь, цена разумная.

– Справлюсь. Об этом можете не беспокоиться. Как только что-нибудь узнаю, позвоню Штрейфлингу.

– Прекрасно. Рад был знакомству.

Принимая от гардеробщицы пальто и дипломат, я обернулся: на устах метрдотеля все еще играла презрительная усмешка.

Глава 3

Мой шестилетний «шевроле» дожидался меня в гараже «Ипподром» на Сорок четвертой улице неподалеку от Шестой авеню. Гараж! А ведь когда-то на его месте был театр. Легендарный театр «Ипподром», издававший Анну Павлову, гремевший собственным оркестром под управлением Джона-Филиппа Сузы! А что теперь? Бензиновая вонь да музыка из радиоприемника, прерываемая испанским тарахтением диктора-пуэрториканца.

Но сантименты побоку. В два я уже катил на север по Вестсайдскому шоссе. Пятничный исход горожан на природу еще не начался, и дорога была свободна. Чтобы было не так скучно, я остановился в Йонкерсе и купил пол-литровую бутылку бурбона. К тому моменту, как я миновал Пикскил, она наполовину опустела, и я убрал ее в бардачок: надо же оставить и на обратный путь.

Вокруг все было засыпано снегом, выдался хороший тихий денек, и мне совершенно не хотелось портить его еженедельным радиообзором гнусавых эстрадных подвываний. После городской желтоватой кашицы мир казался красивым и чистым, как картинка из детской книжки.

В три с небольшим я добрался до Покипси и выехал на дорогу, ведущую в Плезант-Вэлли. Несмотря на то, что в сих краях находится славный женский университет «Вассар», на пути своем я не встретил ни одной ученой девицы. Зато в пяти километрах от города я увидел кирпичную стену с затейливой аркой чугунных ворот, ограждающую дом и участок земли. На кирпиче красовались бронзовые буквы: «Аркадия». Неврологическая клиника имени Прозерпины Харвест». Я свернул на извилистую дорожку, посыпанную гравием, и, проехав еще с полкилометра в тоннеле из разросшейся туи, остановился перед шестиэтажным зданием красного кирпича в стиле короля Георга, больше походившим на университетское общежитие, чем на сумасшедший дом.

За приятным фасадом, однако, скрывалась типичная больница: стены казенного бледно-зеленого цвета и отдраенный донельзя серый линолеум. В случае необходимости местные хирурги могли бы оперировать прямо на полу. Напротив ниши, в которой помещался покрытый стеклом стол дежурной, висел большой портрет маслом. С холста на меня мрачно взидала весьма мужеподобная дама, облаченная в траур. Не удостоив вниманием небольшую табличку, привинченную к золоченой раме, я решил, что это и есть Прозерпина Харвест. Передо мной простирался длинный сияющий коридор, по которому белоснежный санитар катил пустую коляску. Потом он свернул и пропал из виду.

От лечебных заведений меня тошнит: слишком долго я провалялся по госпиталям после ранения. Меня угнетает деловитая стерильность, яркий свет, резиновые подошвы безликих накрахмаленных санитарок, шелестящие вдоль коридора, пропахшего хлоркой. Здесь никогда ничего не меняется – до такой степени, что даже вынос судна возведен в ранг ритуала. Собственные больничные воспоминания накатили на меня душным ужасом. Клиники, как тюрьмы, все похожи одна на другую.

Дежурная оказалась невзрачной девушкой в белом форменном платье с черной бирочкой, на которой красовалось имя во французском духе: «мисс З. Руно». В задней стене ее закутка был вход в комнату, заставленную картотечными шкафами.

– Здравствуйте. Слушаю вас.

Голос мисс Руно был нежнее пуха из ангельского крыла. В толстых стеклах ее лишенных оправы очков отражался свет флюоресцентных ламп.

– Здравствуйте. Надеюсь, вы сможете мне помочь. Меня зовут Эндрю Конрой, я из Национального института здравоохранения.

Поставив на стол дипломат из телячьей кожи, я показал ей одну из моих фальшивок. Для этих целей я даже ношу с собой второй бумажник. Распрощавшись с Цифером, я зарядил в прозрачное окошечко соответствующую карточку – и вот я уже ученый.

Дежурная недоверчиво посмотрела на меня. Ее бледные глаза плавали за толстыми стеклами, словно пара тропических рыб. Мой мятый костюм и галстук с пятнами от супа не внушали доверия, но, по счастью, солидный дипломат достаточно веско говорил в мою пользу.

– Кто именно вас интересует? – мисс Руно попробовала слегка улыбнуться.

– Да вы мне, наверное, сами подскажете. – Я убрал бумажник и оперся о стол. – Нас интересуют пациенты с невосстановимыми нарушениями мозговой деятельности, вызванными травмой. Я собираю информацию по частным клиникам. У вас ведь есть такой пациент?

– Имя-фамилия известны?

– Джонатан Либлинг. Вы не волнуйтесь, мы ничего разглашать не собираемся, в отчете даже имен никаких не будет.

– Одну минуту. – Невзрачное существо с ангельским голосом удалилось в картотечную и выдвинуло нижний ящик одного из шкафов. Вскоре мисс Руно вернулась с коричневой папкой, положила ее на стол и пододвинула ко мне.

– Да, был такой, только его давно уже перевели. Видите: «Переведен в клинику для ветеранов в Олбани». Тут только общие данные, все его бумаги там.

Действительно, перевод был оформлен по всем правилам, и дата была проставлена: 5 декабря 1945 года.

Я выписал кое-что в блокнот.

– А кто был его лечащий врач?

Она потянулась за папкой, перевернула ее и прочла надпись:

– Доктор Фаулер. – Она постучала пальчиком по буквам.

– Он у вас еще работает?

– Конечно. Он сегодня как раз дежурит. Позвать его?

– Если вам не трудно.

Еще одна натужная улыбка:

– Сейчас проверю, может быть, он занят...

Мисс Руно прошла к селектору и склонилась над небольшим микрофоном. Ее тихий голос, усиленный динамиками, эхом улетел в даль коридора.

– Доктор Фаулер, подойдите, пожалуйста, к дежурной. Доктор Фаулер...

– А в прошлые выходные вы не работали?

– Нет, взяла отгул на несколько дней: у сестры свадьба была.

– Ну и как, букет поймали?³

– Куда там.

На матерчатых подошвах по-кошачьи неслышно и неожиданно подошел доктор Фаулер. Это был старик лет семидесяти, под два метра ростом, сутулый, почти горбатый. Голый череп его был еще кое-где прикрыт серо-седыми волосами. Коричневый костюм в елочку был ему здорово велик и висел на нем мятым мешком.

Мисс Руно познакомила нас, и я повторил свою легенду, правда, на этот раз с небольшим дополнением:

– ...Так что если у вас что-нибудь есть по Джонатану Либлингу, я бы вам был очень благодарен...

Доктор повертел в руках папку. Пальцы его дрожали: это могло быть и старческое, но мне почему-то так не показалось.

³ По поверью, девушка, поймавшая подброшенный невестой букет, выйдет замуж в этом же году.

– Да, помню. Дело давнее. До войны он был артистом. Тяжелый случай. Внешне – никаких признаков неврологических нарушений, но при этом он абсолютно не поддавался лечению. Держать его здесь смысла не было – деньги идут, а улучшений нет. Мы его перевели в Олбани: он же ветеран, государственная койка ему обеспечена до конца жизни.

– Значит, его теперь в Олбани искать?

– Вероятно, да. Конечно, если он еще жив.

– Ну все, доктор, спасибо, больше вас отрывать не буду.

– Пустяки. В общем-то, я ведь вам ничем не помог...

– Что вы! Еще как помогли.

И это была истинная правда. Раз взглянув в его зрачки, я понял все.

Глава 4

Я вернулся в Покипси и притормозил возле первой же забегаловки. Первым делом я позвонил в Олбани. После недолгой возни с бумагами на том конце ответили, что никакого Либлинга у них нет и не было. Ну, разумеется. Я поблагодарил собеседника за помощь, оставил трубку болтаться на шнуре и принялся искать в справочнике фамилию Фаулер. Ага, вот: адрес и телефон. Переписав все к себе в блокнот, я набрал номер славного эскулапа, но его не оказалось дома. На двенадцатом гудке я повесил трубку.

Опрокинув стаканчик, я спросил бармена, как проехать на улицу Киттридж, дом 419. Тот взял салфетку и начертил мне некое подобие карты, с напускной небрежностью заметив, что район это дорогой. Произведение бармена привело меня куда нужно. Мне даже довелось лицезреть пару вассаровских студенток в качестве бесплатного довеска.

Киттридж оказалась приятной обсаженной деревьями улочкой в нескольких кварталах от университетского городка. Деревянный дом доктора Фаулера был выстроен в викторианском готическом стиле⁴. Один из его углов венчала круглая башенка, а карнизы, обильно украшенные кружевной резьбой, были как воротничок на бабушкином платье. Вокруг всего дома шла широкая веранда с дорическими колоннами, а высокая живая изгородь из сиреневых кустов скрывала двор от взглядов соседей по обе стороны.

Я медленно прокатил мимо, дабы оценить обстановку, и припарковался за углом напротив церкви, облицованной тесаным камнем. Если верить табличке, то в будущее воскресенье все желающие приглашались на проповедь под названием «Спасение – внутри нас». Прихватив дипломат, я направился к дому номер 419 – ни дать ни взять страховой агент в поисках новой жертвы.

Заглянув в овальное, с граненым узором, окошечко на двери, я увидел кусок неосвещенного коридора, стены, обитые деревянными панелями, и покрытую ковром лестницу, ведущую на второй этаж. Я дважды позвонил и подождал какое-то время, но никто не шел. Тогда я в третий раз нажал кнопку звонка и подергал дверь. Заперто. Замку было лет сорок, и мне нечем было его вскрыть.

Я обошел всю веранду, пробуя каждое окно, но и тут мне не повезло. Зато на задней стороне дома обнаружилась дверь в погреб. Правда, на ней красовался висячий замок, но отодрать ломиком петлю от разошедшегося некрашеного дерева было минутным делом.

В подвале было темно, лестницу покрывала паутина. Хорошо, что я захватил с собой фонарик: без него я рисковал свернуть себе шею. Посреди подвала языческим идиолом расселась угольная печь. Отыскав лестницу, ведущую в дом, я начал восхождение.

Дверь оказалась не заперта, и я вошел в кухню. Лет тридцать назад такая обстановка считалась бы чудом техники: газовая плита на высоких гнутых ножках, а к ней еще и холодильник, увенчанный шляпной коробкой мотора. Вокруг чистота: тарелки перемыты и аккуратно расставлены на сушилке, линолеум натерт воском. Если доктор Фаулер был холостяк, то холостяк опрятный. Оставив дипломат на покрытом клеенкой столе, я принялся осматривать дом.

Столовая и гостиная имели нежилой вид. Пыльная мебель в мрачной задумчивости замерла в геометрически выверенных положениях.

На втором этаже было три спальни. В двух из них шкафы оказались пусты. Доктор жил в третьей, самой маленькой, с односпальной железной кроватью и простым комодом, в котором я не обнаружил ничего подозрительного: рубашки, носовые платки, белье – самый обычный набор. В шкафу рядом с высокой стойкой для обуви висело несколько затхло пахнущих шерстяных костюмов. Я машинально ощупал карманы, но там было пусто. Зато на тумбочке рядом

⁴ Архитектурный стиль, вошедший в моду в середине девятнадцатого века, в царствование английской королевы Виктории.

с небольшой Библией в кожаном переплете лежал револьвер «Уэбли марк 5» сорок пятого калибра. Такие выдавали английским офицерам в Первую мировую. Происхождение Библии я определить не смог. Револьвер был не заряжен.

Из спальни я прошел в ванную, и там мне наконец-то повезло. На умывальнике дымился стерилизатор. Внутри оказалось штук шесть иголок и три шприца. В зеркальном шкафчике опять ничего, если не считать аспирина, сиропа от кашля, зубной пасты, глазных капель и прочего. Я проверил аптечные пузырьки, но содержимое их было вполне дозволенным: никаких наркотиков.

Зная, что они все равно должны быть где-то в доме, я спустился вниз и заглянул в старомодный холодильник. Ага, вот он где! Морфий на одной полке с молоком и яйцами. Двадцать пузырьков по пятьдесят кубиков, а то и больше. Таких запасов хватило бы на целый отряд наркоманов.

Глава 5

Понемногу темнело. Очертания голых деревьев во дворе почернели на фоне кобальтового неба, а потом слились с сумерками. Я курил одну сигарету за другой, в девственно-чистой пепельнице росла горка окурков. Потом, когда стрелка часов подошла к семерке, по дорожке, заворачивающей к дому, пробежали светлые пятна автомобильных фар. Когда они погасли, я прислушался, надеясь различить шаги доктора, но вокруг стояла полнейшая тишина. Потом в замке повернулся ключ.

Фаулер включил верхний свет, и яркий прямоугольник, прорезав гостиную, выхватил из небытия мои вытянутые ноги. Я выдохнул сигаретный дым и замер, сознавая, что это бесполезно, так как Фаулер все равно учует запах табака. Но доктор ничего не учуял. Он повесил пальто на столбик перил и, шаркая, прошел в кухню. Увидев, что в кухне зажегся свет, я двинулся туда.

Фаулер, похоже, не заметил даже мой дипломат. Когда я вошел, он что-то искал в холодильнике. Я наблюдал за ним, привалившись к арке, ведущей из кухни в столовую.

– Ну что, укольчик и в постельку?

Фаулер резко обернулся, обеими руками прижимая к груди пакет с молоком.

– Как вы сюда попали?

– Под дверь пролез. Садитесь, пейте молоко, разговор будет долгий.

– Кто вы такой? Вы не из Института здравоохранения?

– Нет. Я частный детектив из Нью-Йорка. Моя фамилия Ангел.

Я пододвинул ему стул, и он устало опустился на сиденье, вцепившись в свое молоко так, будто, кроме этого пакета, у него ничего в жизни не осталось.

– А вам известно, что, вломившись сюда, вы нарушили закон?! – Доктор вдруг перешел в наступление. – Вы понимаете, что если я сейчас позвоню в полицию, то вы останетесь без лицензии?

Я развернул стул, уселся на него верхом и сложил руки на гнутой спинке.

– Не позвоните. У вас тут морфия в холодильнике – на хороший притон.

– Я врач, я имею право хранить...

– Бросьте. Видел я в ванной, как вы храните. Что, давно подсели на иглу?

– Я... я не наркоман. Я не позволю! У меня ревматический артрит. Сильнейшие боли. Да, иногда я принимаю слабые наркотические анальгетики. А теперь уходите, а то я и правда позвоню в полицию.

– Звоните. Я вам даже номер наберу. Заодно и на наркотики проверитесь.

Фаулер сразу обмяк и осел в складки своего мешковатого костюма. Бедняга усыхал прямо на глазах.

– Что вам надо? – Он оттолкнул пакет с молоком и схватился за голову.

– То же, что и в клинике. Что вы знаете о Либлинге?

– Я вам все уже сказал.

– Слушайте, доктор, я ведь не маленький. В Олбани я сам лично звонил, никакого Либлинга к ним не переводили. Как-то вы неумно врете. – Я вытряс из пачки сигарету, сунул в рот, но закуривать не стал. – И еще ошибка: взяли и шариковой ручкой отметили перевод. Какие шариковые ручки в сорок пятом году?

Фаулер со стоном уронил голову на руки.

– Я знал. Когда к нему недавно пришли, я понял: это конец. К нему же пятнадцать лет никто не приходил.

– Да, популярностью он явно не пользовался.

Я крутанул колесико зажигалки и слегка разжал губы. Сигарета качнулась вниз, прямо в огонек.

– И где он в таком случае?

– Не знаю. – Доктор подтянулся и сел прямо – надо было видеть, чего ему это стоило. – Я его с войны не видел.

– Но ведь куда-то же он делся?

– Не знаю. Ничего не знаю. Это было давно... Вечером за ним приехали друзья, он сел в машину, и больше я его не видел.

– Как это «сел»? Он же в коме был.

Доктор потер глаза и устало мигнул.

– Первое время да. Но он быстро восстановился: через месяц уже ходил. Мы с ним в пинг-понг играли по вечерам.

– То есть, когда его забрали, он уже был нормальный?

– Что значит нормальный? Вот тоже гнусное словечко! Совершенно бессмысленное! – Пальцы Фаулера, нервно барабанившие по выцветшей клеенке, судорожно сжались в кулаки. На левой блеснул золотой перстень-печатка с пятиконечной звездочкой. – Но я понимаю, что вас интересует. Нет, он был не такой, как мы с вами. Все функции у него восстановились: зрение, слух, координация и прочее, но у него была полнейшая амнезия.

– То есть он ничего не помнил?

– Ничего. Ни кто он такой, ни откуда. Даже на свое имя не реагировал: утверждал, что он кто-то другой и что со временем вспомнит, кто именно. Я вам сказал, что его забрали друзья?

– Да.

– Так вот, это они так представились. Он их не узнал.

– Эти его друзья – кто они? Имена помните?

Доктор закрыл глаза и прижал дрожащие пальцы к вискам.

– Господи, вы знаете, сколько лет прошло? Я все время старался забыть...

– Э, нет, доктор, амнезия не пройдет.

– Хорошо. Их было двое. Мужчина и женщина, – он говорил медленно, тоскливо, словно распутывая клубок. – Про женщину ничего не знаю: она сидела в машине. Было темно, я ее не разглядел. В любом случае, раньше я ее никогда не видел. А мужчина несколько раз приезжал. Это он со мной договаривался.

– Как его звали?

– Он назвался Эдвардом Келли. Правда это или нет, не знаю.

Я записал имя к себе в блокнотик.

– Так. А договаривались о чем? Что у вас с ним за дела были?

– Деньги. – брезгливо бросил Фаулер. – Говорят же, что каждого можно купить. Вот меня и купили. Этот Келли как-то пришел и предложил денег...

– Сколько?

– Двадцать пять тысяч долларов. Сегодня это не слишком много, но в войну я и мечтать о таком не мог.

– Ну почему же немного? Сумма внушительная, о такой и сейчас помечтать не грех. И что вы должны были сделать?

– То самое: отпустить Либлинга, ничего не регистрировать, уничтожить все доказательства его выздоровления. Главное – продолжать вести бумаги так, как будто он до сих пор в клинике.

– Что вы и делали.

– Да. Это было не так уж сложно. Им никто не интересовался, только этот Келли и еще его агент... или импресарио – не помню.

– А как его звали?

– Вагнер, кажется... Имя забыл.

– В этих ваших делах с Келли он каким-то боком участвовал?

– Насколько я знаю, нет. По крайней мере, вместе я их никогда не видел. И потом, когда Либлинга уже забрали, Вагнер еще где-то с год продолжал звонить. Он никогда не приезжал, только звонил раза три-четыре, спрашивал, нет ли улучшений. Потом перестал.

– А как же в клинике? Начальство им разве не интересовалось?

– А зачем им? Карту его я вел, деньги из фонда шли. Пока деньги идут, никто ни о чем не спрашивает.

Для сестер я что-то придумал, но им было не до того: и так много больных. А посетители к нему не ходили. В конце концов, свелось к тому, что мне присылали бланк, а я его заполнял, писал, что да, Либлинг еще жив. Раз в полгода мне его присылали – как по часам.

– Кто? «Пиппин, Штрейфлинг и Шафран»?

– Да.

Фаулер оторвал взгляд от клеенки и тоскливо посмотрел на меня.

– Эти деньги – я не для себя взял. Я хочу, чтобы вы знали... Элис, жена, у нее нашли опухоль, нужна была операция, а денег не было. И я согласился. Заплатил за операцию, свозил ее на Багамы... А она умерла. Года не прожила. От беды не откупишься. Никакими деньгами.

– Так. Теперь расскажите про Либлинга.

– Что рассказать?

– Все. Всякие мелочи, привычки, вкусы, что любил, что не любил, как яйца ел: в мешочек или вкрутую. Кстати, глаза у него какого цвета были?

– Я не помню.

– Давайте, что помните. Начнем с внешности...

– Да ведь я не знаю, как он выглядел.

– Шутки шутите? – Я подался вперед и пустил ему дым прямо в водянистые глаза.

Доктор закашлялся.

– Я не шучу. Его к нам перевели из реконструктивной хирургии. У него была какая-то серьезная операция.

– Пластическая?

– Да. Все это время у него была забинтована голова. перевязки делал не я, соответственно лица не видел.

– Хорошее дело пластическая операция, – заметил я, потрогав собственный нос. – Залепляют пластилином дырки в физиономии.

Доктор профессиональным взглядом окинул мою картофелину:

– Это у вас воск?

– Так точно. На память о войне. Пару лет ничего смотрелось, а потом заснул я как-то в августе на пляже: у моего шефа был летний дом в Нью-Джерси – в Барнегате, на побережье... Так вот, заснул, просыпаюсь, а в носу у меня все растаяло.

– Сейчас уже воск не используют.

– Знаю. – Я встал и налег на стол. – Так. Теперь переходим к Эдварду Келли. Прошу.

– Я же уже говорил: это было давно... Да и люди меняются.

– Когда именно Либлинга забрали?

– В сорок третьем или сорок четвертом, точно не помню. В войну.

– Что, опять амнезия?

– Послушайте, ведь пятнадцать лет прошло, больше даже! Каких вы от меня чудес ожидаете?

– Правды я ожидаю. – Я начинал понемногу терять терпение.

– Я говорю правду – все, что помню.

– Хорошо. Как этот Келли выглядел? – рыкнул я.

– Молодой человек, на вид лет тридцать – тридцать пять. Сейчас ему, наверное, под пятьдесят.

– И все? Не верю.

– Да поймите вы, я его видел-то всего три раза!

– Слушайте, доктор, не надо будить во мне зверя. Я ведь могу и по-другому поговорить. – Я взял его за узел галстука и чуть-чуть потянул вверх. Фаулер тут же безо всякого сопротивления пустым мешком качнулся мне навстречу.

– Я вам все сказал.

– Зачем вы покрываете Келли?

– Я никого не покрываю! Я его почти не знал. Я...

– Будь ты покрепче, старый дохляк, я бы тебе показал «почти»!

Доктор попытался вырваться, но я пресек эту самостоятельность, малость затянув ему узел галстука.

– Хотя зачем напрягаться, я тебе по-другому мозги прочищу.

В налитых кровью глазах Фаулера промелькнул страх.

– Что, не терпится? Думаешь, спровадишь меня – и к холодильнику?

– Каждый по-своему ищет забвения, – прошептал Фаулер.

– Э нет, доктор. Вы у нас не забываться будете, а как раз наоборот.

Я взял его под локоть и препроводил из кухни в прихожую.

– Вот так, сейчас пойдем в спальню, вы там лежите, подумаете, может, вспомните что.

А я пока перекушу в городе.

– Господи, что вам еще нужно?! Ну хорошо, он был с темными волосами, с такими усиками тонкими, как у Кларка Гейбла. Тогда все такие носили.

– Мало, – отрезал я.

Ухватив доктора за ворот твидового пиджака, я втащил его вверх по лестнице.

– Ну вот. Пару часиков помаетесь, может, и в голове прояснится.

– Постойте! – взмолился Фаулер. – Еще он всегда очень дорого одевался. Классические костюмы, чувствовался вкус...

Я толкнул его в узкий проем двери. Фаулер не удержался на ногах и повалился на свое убогое ложе.

– Подумайте, док, подумайте.

– Еще зубы! Прекрасные зубы, прекрасная улыбка... Не уходите!

Я закрыл дверь и повернул в замке длинный ключ. Такими ключами моя бабушка запирала свои секреты. Сунув его в карман, я, насвистывая, стал спускаться по лестнице.

Глава 6

Вернулся я за полночь. На втором этаже в спальне Фаулера горела одинокая лампа: видимо, доктору не спалось. Но совесть моя была спокойна, как у младенца: я со вкусом отужинал в гриль-баре, отсидел половину двойного сеанса в местном кинотеатре – и все это без малейших угрызений. Что поделаешь, такая профессия.

Я открыл дверь, пересек темную прихожую и вошел в кухню. Во мраке урчал холодильник. Мне нужен был решающий аргумент в беседе с доктором. Я взял с верхней полки ампулу морфия и двинулся вверх по лестнице, освещая себе путь фонариком. Дверь в спальню была, естественно, заперта.

– Вот и я, док! У меня для вас кое-что есть! – возвестил я, роясь в карманах в поисках ключа.

Я открыл дверь и вошел в комнату. Доктор молчал. Он лежал, откинувшись на подушки, в одежде, левой рукой прижимая к груди обрамленную фотографию какой-то женщины. В правой у него был «Уэбли марк 5».

Пуля попала ему в правый глаз. Теперь на его месте был кратер, наполненный густеющей кровью, а левый выпучился от выстрела и глядел на меня, словно око тропической рыбы.

Я тронул его руку. Она была холодная, как кусок мяса в витрине. Прежде чем осмотреть комнату, я поставил дипломат на пол, открыл его и извлек из кармашка на кнопке пару хирургических перчаток.

...Нет, что-то тут не так. Свести счета с жизнью, выстрелив себе в глаз, – идея странная, но, может, в этом и была какая-то медицинская тонкость. Но представить себе, чтобы Фаулер вот так вот запрокинул голову, прижал револьвер к глазу и спустил курок? Нет. Так капли закапывают, а не стреляются.

С другой стороны, дверь была заперта, а ключ у меня в кармане. Значит, единственное логическое объяснение – самоубийство. «Если глаз твой соблазняет тебя...»⁵ Нет, что-то тут не вяжется, это точно. Только что? Я огляделся вокруг, но в комнате все было как раньше. На комод – расческа военного образца и зеркало – аккуратные, как солдатики на параде. В ящиках непотревоженные стопки белья.

Я взял с прикроватного столика Библию... Под ноги мне упала и покатилась начатая коробка с патронами. Тайник. Книга-пустышка. Вот я кретин! Я подобрал патроны и еще пошарил под кроватью: не закатились ли. Потом сложил все в коробку, а саму ее положил в Библию.

Теперь самое время замечать следы: местный шериф вряд ли обрадуется, если узнает, что частный детектив из Нью-Йорка довел до самоубийства одного из видных жителей его родного Покипси. Вооружившись носовым платком, я стер отпечатки, которые оставил, когда в первый раз обыскивал комнату. Я понимал, что если это самоубийство, то «пальчики» никто снимать не будет. И все-таки продолжал тереть.

Так. Ручка чистая, ключ чистый. Дверь в спальню я закрыл, но запирать, естественно, не стал. Я спустился вниз, вытряс пепельницу себе в карман пиджака, отнес ее на кухню, хорошенько вымыл и оставил на сушилке рядом с тарелками. Убрал в холодильник морфий и пакет с молоком и тщательно протер все места в кухне, где могли оставаться мои отпечатки. Хорошо. Теперь назад на улицу через подвал. По дороге я прошелся платком по всем перилам и дверным ручкам. Правда, с подвальной дверью уже ничего не поделаешь. Я, конечно, приладил

⁵ Отсылка к фразе из Евангелия от Матфея: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну»

обратно шурупы, благо дерево было совсем мягкое, но кто понимает, сразу сообразит, что дело нечисто.

Путь до города был неблизкий, и времени на печальные раздумья у меня имелось предостаточно. Меня мучили досада и смутные угрызения: нельзя было запирасть его там с пистолетом. И старика угробил, и себе добавил работы: он еще многое мог рассказать мне, этот старикан.

Я снова и снова представлял себе эту картину. Вот Фаулер лежит на кровати. Глаз выбит, стеганое одеяло забрызгано мозгами. Рядом с Библией на тумбочке лампа. Лампа горит. В Библии устроен тайник для патронов. Дальше. Фаулер взял с комода фотографию жены, и теперь она зажата в его мертвой руке. Палец доктора застыл на спусковом крючке.

Вроде бы все на месте, но все равно кажется будто чего-то не хватает. Куда-то подевался кусочек от головоломки, но какой именно и из какой части? Никаких улик. Только мое собственное чутье и неотвязное беспокойство. Может быть, конечно, я просто боялся признаться себе, что сам во всем виноват. Но почему-то я был уверен, что смерть доктора – не самоубийство. Фаулера застрелили.

Глава 7

Утро выдалось солнечное и холодное. Остатки снега машины сгребли и свалили в океан. Покинув свою резиденцию в отеле «Челси», я поплавал в бассейне напротив, а потом прыгнул в машину и поехал в гараж «Ипподром». Оставив там своего железного друга, я направился к себе в контору. По дороге остановился у киоска с пригородными газетами на северном углу небоскреба «Таймс». В «Нью-Йоркере Покипси» о смерти доктора Фаулера ничего не говорилось.

В десять с небольшим я был уже в своем кабинете. Электрическая лента высветила привычные нерадостные новости: «Ожидается новое нападение Ирака на Сирию... Отряд из тридцати человек... вылазка... погиб один пограничник».

Я набрал номер Пиппина и Компании. Секретарша, вооруженная новейшими достижениями телефонной техники, немедленно соединила меня с поверенным мистером Штрейфлингом.

Снова маслянистые рулады:

– Мистер Ангел? Чем могу служить?

– Я вам звонил в выходные, но горничная сказала, что вы в Сэг-Харборе.

– Да, в Сэг-Харборе я отдыхаю, поэтому никаких звонков. А что случилось? Вы обнаружили что-то важное?

– Об этом я могу рассказать только мистеру Циферу, а в справочнике нет телефона.

– В таком случае вы как раз вовремя: мистер Цифер сейчас у меня в кабинете. Я приглашу его к аппарату.

Штрейфлинг прикрыл рукой трубку, послышались приглушенные объяснения, и потом на другом конце возник знакомый вальяжный рокоток.

– Какая удача, что вы позвонили, мистер Ангел! Скорее говорите, что вы узнали.

Я рассказал ему почти все, опустив только историю со смертью Фаулера. Цифер молчал. Слышно было только его тяжелое дыхание. Я ждал.

– Невероятно! – выдавил он наконец сквозь стиснутые зубы.

– Тут одно из трех, – сказал я. – Или Келли и эта женщина хотели избавиться от Либлинга – тогда его, конечно, ищи-свищи. Или их кто-то для этого нанял – результат соответственно тот же. Или же у Либлинга не было никакой амнезии, и он все это подстроил. В любом случае сработано чисто: человек как в воду канул.

– Найдите мне его! – проговорил Цифер. – Неважно, сколько это будет стоить. Можете всю жизнь его искать, но найдите! Мне нужен этот человек.

– Слишком уж темное дело. Пятнадцать лет, сами понимаете... никаких зацепок не остается. Вам, наверное, не ко мне нужно, а в службу поиска без вести пропавших.

– Полиция?! Нет уж, увольте. – В едком голосе Цифера зазвучало патрицианское презрение к черни. – Это частное дело, и я не хочу, чтобы в него совали нос чинуши...

– У них хотя бы достаточно людей. Этот ваш Фаворит может быть где угодно – и здесь, и за границей. А я один. Естественно, у них больше возможностей: у них связи, сведения со всего мира...

– Не будем тратить время, господин Ангел. Вы готовы продолжать поиски или мне лучше обратиться к другому детективу? – Это было сказано с таким ядом, что я испугался, как бы серная кислота не проглотила мне ухо.

– Нет, я готов продолжать, просто вы мой клиент: было бы нечестно с моей стороны, если бы я преуменьшил сложность дела.

Что же было такого в этом человеке, что, разговаривая с ним, я чувствовал себя желторотым мальчишкой?

– Я вас прекрасно понимаю и ценю вашу честность, мистер Ангел. Поверьте, я сознаю, насколько это непомерная работа.

Цифер замолчал, и я услышал, как щелкнула зажигалка. За щелчком последовал вдох, и, слегка умиротворенный великолепной панателой, мой клиент продолжал:

– Начните прямо сейчас. Действуйте по собственному усмотрению, но не забывайте: все это должно оставаться в тайне.

– Если нужно, я в таких делах как отец-исповедник.

– В вашей скромности я не сомневаюсь. Мой поверенный вышлет вам сегодня чек на пятьсот долларов. Это аванс. Если будут еще какие-то расходы, обращайтесь к мистеру Штрейфлингу.

Я заверил Цифера, что пятисот долларов должно хватить в любом случае, и мы распрощались. В течение следующих пяти минут я испытывал жесточайшее искушение откупорить заветную бутылочку и поднять тост за собственные успехи, но все же устоял и вместо этого закурил сигару. Пить до обеда – плохая примета.

Итак, прежде всего нужно было позвонить моему приятелю Уолту Риглеру – репортеру из «Таймс». Обменявшись вводными репликами и пару раз подколов друг друга, мы перешли к делу.

– Слушай, Уолт, есть у тебя что-нибудь по Джонни Фавориту?

– У клиентов пошла мода на забытые имена?

– Ладно, шутки побоку. Найдешь мне что-нибудь?

– В морге должна быть подборка. – «Моргом» Уолт, по газетной традиции, именовал справочный отдел. – Дай мне минут пять-десять, я тебе к тому времени что-нибудь откопаю.

– Спасибо, друг. Я всегда знал, что на тебя можно положиться.

– Ладно, пока, – буркнул Уолт и повесил трубку.

Я докурил сигару, просматривая почту. В тот день мне не пришлось ничего важного: только счета, реклама и тому подобная ерунда. Потом я запер контору и двинулся к лифту. Конечно, по пожарной лестнице сбежишь куда быстрее, чем съедешь в этом гробу без лифтера, но торопиться мне было некуда. Я нажал на кнопку и принялся ждать под лихой треск арифмометра, доносившийся из конторы Айры Кипниса.

Небоскреб «Таймс» на Сорок третьей улице был совсем рядом: практически за углом. Чувствуя себя богачом, я вошел в мраморный вестибюль и обменялся недовольной гримасой со статуей газетного магната Адольфа Фокса. Затем я проследовал к лифту и взлетел на четвертый этаж, где помещался отдел новостей. Сообщив старику за конторкой, что мне нужен Уолт Риглер, я стал ждать. Через минуту из недр редакции возник Уолт без пиджака и с распущенным галстуком – прямо как репортер в каком-нибудь голливудском фильме.

После приветственного рукопожатия он провел меня в свой отдел, где в сигаретном дыму сто машинок разом бешеным стаккато выстукивали последние новости.

– С тех пор как Майк Бергер умер, у нас тут тоска. Целый месяц уже. – Уолт кивнул в сторону стола, где рядом с машинкой в чехле стоял стакан с поникшей красной розой.

Под треск и стрекот отдела литературной обработки я прошел за ним к столу в середине зала. Там в сетчатом лотке для бумаг лежал толстый коричневый конверт. Внутри – куча пожелтевших вырезок.

– Слушай, а если я кое-что из этого заиграю, а?

– Вообще-то, это не положено. – Уолт пальцем подцепил шерстяной пиджак, висевший на спинке крутящегося кресла. – Так. Я пошел обедать. Конверты в нижнем ящике. Главное, ничего не потеряй, и тогда совесть моя будет спокойна.

– Уолт, ты – гений! Если тебе когда-нибудь...

– Знаю-знаю. А ты не безнадежен, хоть и читаешь свою «Джорнал Американ».

Уолт помахал кому-то из редакторов в отдельном загончике и неуклюже затопал к выходу, огибая столы и обмениваясь шуточками со своей журналистской братией. Я сел на его место и принялся изучать содержимое конверта.

Большая часть вырезок была не из «Таймс», а из других газет и журналов. В основном в них говорилось о выступлениях Джонни с оркестром Симпсона по прозвищу Паук. Там же было и несколько больших статей о нем – эти я изучил как следует.

Он был сирота, подкидыш. Некий полицейский наткнулся на коробку с младенцем, завернутым в одеяло, к которому была приколота записка с именем и датой рождения: 2 июня 1920 года. Первые месяцы жизни Джонни провел в Доме малютки, что на Восточной Шестидесят восьмой улице, после чего был переведен в детский приют в Бронксе. В шестнадцать лет он жил уже сам по себе и работал в ресторанах помощником официанта. Год спустя он начал петь и играть по придорожным забегаловкам на севере штата, а в тридцать восьмом его «открыл» Паук Симпсон. В скором времени юноша уже собирал залы с оркестром из пятнадцати человек. В сороковом году у него был недельный ангажемент в театре «Парамаунт», и за ту неделю он поставил рекорд посещаемости, который смог побить лишь Синатра в сорок четвертом, когда был на пике. В сорок первом году было продано больше пяти миллионов его пластинок. Поговаривали, что его доходы перевалили за семьсот пятьдесят тысяч.

За этим последовало несколько заметок о том, что Джонни был ранен в Тунисе. Кто-то писал даже, что «по имеющимся данным, певец погиб». Потом ничего: ни о госпитале, ни о возвращении Джонни в Америку.

Я перебрал остальные вырезки и сложил небольшую стопочку из того, что хотел оставить себе. Там, среди прочего, были два глянцевых снимка из фотоателье. На одном Джонни был в смокинге, темные волосы намертво склеены бриолином в подобие волны. На обратной стороне был штамп с именем и адресом его агента: «Уоррен Вагнер, театральный агент. Бродвей, Брилли-билдинг, 1619, тел. 9-3500».

На другой фотографии, помеченной сороковым годом, был запечатлен оркестр Симпсона в полном составе. Джонни стоял сбоку, сложив руки на груди, как мальчик из церковного хора. Рядом с каждой фигурой было подписано имя музыканта.

Еще я взял три вырезки, которые как-то выпадали из общей картины.

Во-первых, фотография из журнала «Лайф»: на ней Джонни с бокалом в руке стоял, облокотившись на небольшой рояль. Звездный мальчик пел, а аккомпанировал ему черный пианист Эдисон Свит по прозвищу Ножка. Все это дело происходило в баре Дикки Уэллса в Гарлеме.

Во-вторых, статья из «Мира джаза»: если верить журналисту, Джонни был до крайности суеверен и, когда бывал в Нью-Йорке, то каждую неделю навещался на Кони-Айленд⁶ к гадалке, цыганке по имени мадам Зора.

В-третьих, колонка светских сплетен Уолтера Уинцелла от 20 ноября сорок второго года. Сообщалось, что Джонни Фаворит разорвал двухлетнюю помолвку с Маргарет Крузмарк, дочерью Итана Крузмарка, судовладельца и миллионера.

Я взял из нижнего ящика коричневый конверт и спрятал в него свою добычу. Потом по вдохновению вынул фотографию Джонни и набрал отпечатанный на обратной стороне номер театрального агента Вагнера.

Раздался бодрый голосок секретарши:

– Компания Уоррена Вагнера.

Я представился и попросил аудиенции. Мне назначили на двенадцать.

⁶ Знаменитый район Нью-Йорка, в котором были расположены пляж и три огромных развлекательных парка: «Луна-парк», «Стипл-чез» и «Дримленд». Вдоль улиц Бовери и Серф-авеню, а также в прилегающих переулках было множество разнообразных аттракционов.

– Только у него в полпервого встреча, так что он сможет уделить вам всего несколько минут.

– Ничего, уложусь.

Глава 8

«Все улицы в мире делятся на две категории: Бродвей и грязный закоулок» – сие авторитетное заявление сделал в пятнадцатом году Артур Байер по прозвищу Клопс, чью колонку в «Джорнал Американ» я читаю каждый день уже не помню сколько лет. Возможно, в пятнадцатом году все так и было – не знаю, ибо не видел. Даже вполне вероятно, ведь то была эра роскошных театров, роскошных ресторанов и роскошных красоток Зигфельда⁷. В мое же время Бродвей напоминал именно закоулок с тирами, забегаловками и утлыми лотками торговцев хот-догами. От золотого века, воспетого Клопсом, вдовствующими герцогинями остались только башня «Таймс» и гостиница «Астор».

Контора Вагнера располагалась в доме под названием Бриль-билдинг на углу Бродвея и Сорок девятой улицы. Я шел от Сорок третьей и пытался вспомнить, какой была Таймс-сквер в тот вечер, когда я впервые увидел ее. Многое изменилось с той поры.

...Сорок третий, зима, канун Нового года. Армейский госпиталь съел у меня год жизни, но вот я наконец на свободе, с новым лицом и терять мне нечего, кроме пары монет в кармане. Остальное мое имущество – водительские права, справка о демобилизации, солдатский жетон и прочее – перекочевало вместе с бумажником к карманнику, обработавшему меня в тот вечер. Меня несло и крутило в огромной толпе среди мерцания неоновых реклам. Прошрое, как змеиная шкура, сползало с меня: вот он я, без документов, без дома, без денег, и план моих действий состоит из единственного пункта: добрести до центра города. Час ушел у меня на то, чтобы от входа в театр «Палас» добраться до середины площади, где по двум сторонам глядят друг на друга «Астор» и знаменитый «Бонд», магазин мужского платья, где впервые появились костюмы с двумя парами брюк. Я стоял и смотрел, как золотой электрический шар падает на крышу башни «Таймс»⁸. Еще час, и я был там. Тогда-то я и увидел свет в окнах детективной конторы «Перекресток» и по какому-то наитию пошел на него. Так я познакомился с Эрни Кавалеро и получил свою нынешнюю работу.

В те дни здание «Бонда» венчали непомерной высоты бутафорский водопад и два нагих колосса: мужчина и женщина. Сегодня на их месте возвышаются две гигантские бутылки с надписью «Пепси-Кола». Я думал иногда: что же случилось с гипсовыми людьми? Может быть, они и сейчас там, на крыше, спят, закованные в листовое железо, словно личинки в коконах?

У входа в Бриль-билдинг мотался взад-вперед бродяга в потрепанной шинели, бормоча «сволочь!» на каждого встречного. Дойдя до конца узкого Т-образного коридора, я сверился с перечнем контор и обнаружил имя Вагнера в окружении десятков столь же славных имен. Тут были и боксерские импресарио, и рекламные агенты фирм грамзаписи, и сами эти фирмы, впрочем, весьма сомнительные. Я поднялся в скрипучем лифте на девятый этаж и, порывав в полутемном коридоре, обнаружил нужную мне дверь. Контора Вагнера располагалась в угловой части здания и представляла собою несколько сообщающихся кроличьих садков.

Когда я вошел, секретарша подняла голову от вязания:

– Вы мистер Ангел? – спросила она, перегнав во рту жевательную резинку.

Я подтвердил ее догадку и извлек из кармана свой «рабочий» бумажник, а из него – липовую визитку. Сегодня я был мистер Ангел, представитель страховой компании. Хорошо иметь приятеля – владельца типографии. Благодаря ему я овладел десятком ремесел, от юриста-транспортника до профессора зоологии.

Девушка зажала мою визитку блестящими ноготками, выкрашенными в цвет зеленого жука-короеда. Природа наделила ее пышным бюстом и стройными бедрами, и оба эти досто-

⁷ Популярное бродвейское варьете.

⁸ Давняя традиция: в новогоднюю ночь, ровно в 12 часов по шпилю башни спускается светящийся шар.

инства ей удалось эффектно подчеркнуть посредством пушистого розового свитера и узкой черной юбки. Что касается цвета волос, то тут налицо было стремление к медно-платиновому колеру.

– Минутку подождите, – продолжала она, улыбаясь и не переставая жевать. – Вы пока присядьте, что ли...

С этими словами девушка прошагала к двери с табличкой «Не беспокоить» и, единожды стукнув по ней костяшкой, вошла. Напротив этой двери была другая такая же, с такой же точно табличкой. Стены были увешаны фотографиями, на которых в рамке и под стеклом убиенными бабочками замерли выцветшие улыбки. Я огляделся и нашел фотографию Джонни Фаворита – точно такую же, как та, что я держал под мышкой в коричневом конверте. Она висела на левой стене, довольно высоко, рядом с портретами чревовещательницы и толстяка, играющего на кларнете.

За спиной у меня открылась дверь, и девушка произнесла:

– Заходите, мистер Вагнер вас ждет.

Я поблагодарил ее и вошел в клетушку вполтину меньше первой. Фотографии на стенах были поновей, но и здесь улыбки уже поблекли. Большую часть кабинета занимал деревянный стол, весь в ожогах от сигарет. За столом сидел молодой человек в жилете и брился электрической бритвой.

– Пять минут. – В подкрепление своих слов он растопырил пятерню.

Я поставил дипломат на вытертый зеленый ковер и принялся наблюдать за молодым человеком. Он был ржаво-рыж, кучеряв и веснушчат. Очки в роговой оправе не прибавляли ему солидности: на вид ему было года двадцать четыре. Ну, может, немного больше.

– Простите, вы мистер Вагнер? – поинтересовался я, когда бритва умолкла.

– Да.

– Мистер Уоррен Вагнер?

– Он самый.

– Но вряд ли вы могли быть агентом Джонни Фаворита?

– А-а. Так это мой отец. Я – Уоррен Вагнер-младший.

– Ага. Значит, мне нужно к вашему отцу.

– Вам не повезло: папа четыре года как умер.

– Понятно.

– А что у вас там за дело? – Вагнер откинулся в кресле, обитом кожаменителем, и сцепил руки на затылке.

– Понимаете, Джонатан Либлинг значится как получатель по одному страховому полису, а адрес указан ваш.

Вагнер-младший засмеялся.

– Деньги небольшие, скорей всего, подарок от старого поклонника. Так вы мне подскажите, где его искать?

Вагнер чуть на пол не свалился от смеха:

– Ну и дела! Джонни Фаворит – новоявленный наследник! Нет, это просто комедия!

– А что тут, собственно, смешного? – спросил я.

– Что смешного? Да то, что он уже лет двадцать как в психушке. И в голове у него не мозги, а пюре!

– Действительно забавно. Вы всегда такой остроумный?

– Да нет, вы не поняли. – Он снял очки и вытер глаза. – Папаша крупно погорел на этом Фаворите. Он его выкупил у Паука, все деньги вложил, сам остался без штанов, а только пошли барыши – этого подлеца призвали. Там и с киношниками контракты были, и бог знает что еще. Нет, каково, а? Парень стоит миллион долларов, так они его отправляют в Африку, а обратно привозят мешок картошки.

– Не повезло.

– Не то слово! Отец после этого так и не оправился. Все ждал, что Фаворит вдруг выздоровеет. Тогда, мол, он ему устроит шикарное возвращение и станет Ротшильдом. Так и не дождался, бедолага.

Я встал.

– А как называется больница? У вас адреса нет?

– Спросите у секретарши. У нее должно быть где-то.

Я поблагодарил Вагнера за аудиенцию и вышел. Секретарша нашла и выписала мне адрес клиники имени Прозерпины Харвест.

– А вы, часом, не бывали в Покипси? – спросил я, пряча листок в кармашек рубашки. – Чудный городок.

– Что вы! Да я и в Бронксе ни разу не была.

– И в зоопарке не были?

– В зоопарке?! Да что я там забыла?

– Ну, не знаю. Съездите как-нибудь, может, понравится.

Последнее, что я увидел, закрывая за собой дверь, был ее безмолвно округлившийся рот и розовый язык с комком жевательной резинки в обрамлении красной помады.

Глава 9

На первом этаже Брилль-билдинга по обе стороны от входа на Бродвей было два бара. В заведение Джека Демпси стекались на водопой любители бокса, «Площадка» же, что на углу Сорок девятой, была местом встреч музыкантов и композиторов. Снаружи голубые зеркальные стекла обещали прохладу каприйских гротов. Внутри помещалась обычная пивная.

Я прошел вдоль стойки и нашел того, кого искал: Кенни Помроя. Кенни аккомпанировал певцам и писал аранжировки, когда меня еще и на свете не было.

– Ну что, Кенни, как делишки? – бросил я ему, взбираясь на соседний стул.

– Кого я вижу: Гарри Ангел, великий сыщик! Где пропадал, а?

– Да закрутился как-то. А что это у тебя стакан пустой? Так, сиди, сейчас мы все исправим.

Я подозвал бармена и заказал себе «Манхэттен», а Кенни – еще виски.

– Ну, твое здоровье. – Кенни поднял стакан.

Кенни Помрой был лысый толстяк с носом грушей и целым каскадом подбородков. Он носил костюмы в ломаную клетку и сапфировый перстень на мизинце. Кроме репетиционного зала его можно было найти только здесь, в пивной «Площадка».

Потрепавшись немного и вспомнив минувшие дни, мы перешли к делу.

– Что это тебя к нам занесло? – спросил Кенни. – Все злодеев ловишь?

– Да не то чтобы... Есть одно дело, нужна помощь.

– К твоим услугам.

– Джонни Фаворит – это что за тип такой?

– Фаворит? Что это тебя на древность потянуло?

– Ты его знал?

– Да нет. Видел пару раз, еще до войны. Последний раз вроде бы в Трентоне, в «Звездном салоне».

– Так. А последние лет пятнадцать не доводилось встречать?

– Ты что, он помер давно!

– Помер – да не совсем. Он сейчас в клинике на севере штата.

– Ну и как бы я его встретил, если он в клинике?!

– Ну, не всегда же он там лежит. Посмотри-ка вот. – Я достал из конверта фотографию симпсоновского оркестра и протянул Кенни. – Который из них Симпсон? А то тут не подписано.

– Симпсон – на барабанах.

– А что он сейчас делает? Все со своим оркестром?

– Нет. Из барабанщика никогда хороший солист не получится.

Кенни задумался, потягивая виски, и собрал на лбу целую сотню морщин до самой макушки.

– Знаешь, в последний раз он, по-моему, работал на студии, где-то на побережье. Попробуй-ка позвонить в Кэпитол-билдинг Натану Фишбину.

Я записал имя себе в книжечку.

– Еще кого-нибудь знаешь?

– С ихним тромбонистом я играл как-то в Атлантик-Сити. Лет сто назад, правда. – Кенни ткнул куцым пальцем в фотографию. – Вот он, Ред Диффендорф. Сейчас у Лоренса Велка⁹ играет.

– А остальные? Их где искать?

⁹ Лоренс Велк (1903–1992) – аккордеонист, руководитель собственного ансамбля, популярный телеведущий.

– Имена знакомые. Играть-то они все до сих пор играют, а вот кто где – неизвестно. Придется тебе тут поспрашивать или в профсоюз позвонить.

– Ладно. А знаешь такого Эдисона Свита? Негр, на пианино играет.

– Ножку-то? Еще б я его не знал! Такого второго нету! У него левая, как у Арта Татума¹⁰. Высокий класс. Ну, этого искать не надо. Он лет пять уже в «Красном петухе» играет. Это на Сто тридцать восьмой.

– Кенни! Ты просто кладезь. Отобедать со мной не желаешь?

– Не имею привычки. А вот выпить – выпил бы.

Я велел официанту повторить, а себе заказал еще бургер с сыром и к нему – жареной картошки. Пока готовился мой заказ, я нашел таксофон и позвонил в Американскую музыкальную федерацию. Представился как внештатный журналист, пишущий статью для журнала «Лук»¹¹, и сказал, что хочу взять интервью у музыкантов из бывшего оркестра Симпсона.

Меня соединили с девушкой, ведающей членскими списками. Чтобы расположить ее к себе, я пообещал, что упомяну в статье об их профсоюзе, а потом продиктовал ей имена музыкантов и кто на чем играл.

Я ждал минут десять, пока она перебирала свои бумаги. Итак, из пятнадцати человек четверо умерли, а еще шестеро больше не значились в списках. Девушка дала мне адреса и телефоны оставшейся пятерки. Диффендорф, тромбонист, ныне играющий у Велка, живет в Голливуде. Сам Паук тоже обосновался в тех краях. Остальные трое в Нью-Йорке. Был еще саксофонист Вернон Хайд (корреспонденцию направлять на адрес студии «Эн-би-си»), затем Бен Хогарт – трубач, проживает на Лексингтон-авеню и еще Карл Валински из Бруклина. Этот играет на тромбоне.

Я от души поблагодарил девушку и тут же попробовал связаться с Хайдом, Хогартом и Валински, но мне не повезло. Тромбониста и трубача не оказалось дома, а в «Эн-би-си» мне удалось только оставить телефонистке мой домашний номер.

Я понемногу начинал чувствовать себя новичком на охоте. Таких несчастных ставят всегда в самый дальний, самый неинтересный овраг, и они сидят там день-деньской, тщетно ожидая своего часа. Один шанс на миллион, что кто-то из бывших товарищей видел Джонни после того, как тот вышел из больницы. И, что самое обидное, больше ни одной зацепки.

Я вернулся в бар, съел свой бургер и пожевал вялой картошки.

– Жить хорошо! – возгласил Кенни, брэнча льдом в опустевшем стакане.

– Не то слово, – отозвался я.

– А ведь некоторым работать приходится.

Я сгреб сдачу со стойки.

– Ты уж прости, Кенни, но я тоже пойду поработаю. А то есть будет нечего.

– Ты что, уже пошел?

– Посидел бы еще, да не могу. Оставляю тебя в объятиях зеленого змия, Кенни.

– Да ты скоро с хронометром ходить будешь. Ладно, захочешь еще что узнать – где найти меня, знаешь.

– Спасибо. – Я принялся натягивать пальто. – Кстати, не знаешь такого Эдварда Келли? Кенни наморщил лоб.

– В Канзас-Сити был Хорас Келли. Помнишь, Красавчик Флойд перестрелял полицейских на вокзале? Вот в те же годы примерно. Он еще на рояле играл в «Рено», перекресток Двенадцатой и Черри. Тотализатором баловался. А это что, родственник его?

– Надеюсь, что нет. Ну давай, еще увидимся.

– Как же, увидишь тебя, – хмыкнул Кенни.

¹⁰ Артур Татум (1909–1956) – знаменитый джазовый пианист.

¹¹ От английского «Look» – взгляд.

Глава 10

Я решил поберечь ботинки, проехал в метро одну остановку до Таймс-сквер и попал в контору как раз вовремя, чтобы на ползвонке подхватить телефонную трубку. Звонил Вернон Хайд, саксофонист из оркестра Симпсона.

– Как хорошо, что вы позвонили, – обрадовался я и повторил легенду про журнал «Лук».

Поскольку у мистера Хайда не оказалось ни вопросов, ни возражений, я предложил ему встретиться где-нибудь в баре, когда ему будет удобно.

– Я сейчас в студии, – сказал он. – Через двадцать минут репетиция, так что до полчетвертого я занят.

– А потом? Если сможете выкроить полчаса, может быть, встретимся? Вы на какой улице?

– На Сорок пятой. Театр Хадсона.

– Ясно. Там рядом «Орешник». Может быть, тогда в «Орешнике» без четверти пять?

– Идет. Я с саксом буду, так что ты меня узнаешь.

– ...А кто это – Сакс?

– Не кто, а что! Сакс – это са-ксо-фон. Инструмент такой. Ясно?

– Ясно.

На этом мы распрощались. Я выбрался из пальто, сел за стол и принялся разглядывать фотографии и вырезки, которые носил с собой в конверте. Я разложил их, как экспонаты на стенде, и любовался физиономией Джонни Фаворита, пока меня не начало мутить от его слащавой улыбки. Да, задачка. Как прикажете искать человека, которого будто никогда и не было?

Давешняя вырезка из газеты от старости распадалась в руках, как свитки Мертвого моря. Я перечитал сообщение о расторгнутой помолвке и позвонил в «Таймс» Уолту Риглеру.

– Привет, Уолт, это опять я. Теперь мне нужен Итан Крузмарк.

– Магнат-судовладелец?

– Он самый. Давай все, что есть, и адрес тоже. Главное – ищи про помолвку его дочери. У нее в начале сороковых была помолвка с Джонни Фаворитом, а потом они разошлись.

– Опять Фаворит! Что он тебе дался?

– Мне теперь без него никуда. Поможешь?

– Посмотрю в отделе светской хроники – это по их части. перезвоню минут через пять.

– Да пребудет с тобой Бог, сын мой.

Было без десяти два. Я попробовал позвонить в Лос-Анджелес, но у Диффендорфа никто не ответил, а у Симпсона трубку взяла горничная-мексиканка. По-испански я объяснялся не лучше, чем она по-английски, но все-таки мне удалось продиктовать свое имя и телефон конторы и даже внушить ей, что дело срочное.

В ту секунду, как я повесил трубку, телефон снова зазвонил. Это был Уолт.

– Значит, так. Этот Крузмарк сейчас возвращается в высшем обществе: благотворительные балы, светская хроника и все такое. Теперь адреса. Контора – в Крайслер-билдинг, особняк – Саттон-плейс, два, телефон найдешь в справочнике. Запомнил?

– Записал.

– Хорошо. Тогда идем дальше. Твой Крузмарк далеко не всегда был аристократом. Лет тридцать назад он плавал на торговом судне, говорят, провозил спиртное, так и заработал первые деньги. Правда, в тюрьме не сидел и в глазах общества чист, хоть рыльце и в пушку. В Великую депрессию понемногу обзавелся своими кораблями – все, естественно, ходят под панамским флагом.

Далее. Первый крупный успех: в войну поставлял армии суда с железобетонным корпусом. Его, правда, обвиняли в махинациях, говорили, что у него негодные материалы, – многие

корабли в шторм просто разваливались. Но потом Конгресс провел расследование, его оправдали, и больше никто об этом не вспоминал.

– Ясно. Теперь давай про дочку.

– Маргарет Крузмарк, год рождения двадцать второй. Родители развелись в двадцать шестом, в тот же год мать покончила с собой. С Фаворитом познакомилась на выпускном вечере в школе: он там пел в ансамбле. Помолвлены в сорок первом – самый громкий светский скандал года. Похоже, это он ее бросил, хотя почему, никто уже не знает. Вообще, считалось, что она со сдвигом, может быть, из-за этого...

– Со сдвигом?

– Ну да, знаешь, очередная провидица. Всюду носила карты таро, гадала на вечеринках. Сначала всем нравилось: оригинально. Ну а когда уж она начала при всех колдовать, тут аристократы не выдержали.

– Ты это серьезно?

– Абсолютно. Знаешь, какое у нее было прозвище? Уэлслейская ведьма. Светские юноши очень веселились.

– А где она сейчас?

– Я спрашивал, никто не знает. Ходил к редактору светской хроники: он говорит, что поскольку она с отцом не живет, а на балы ее не приглашают, то у них ничего нет. Последний раз мы о ней писали лет десять назад, она тогда уезжала в Европу. Может, и сейчас там.

– Спасибо тебе, Уолт, ты меня очень выручил. Жаль, что вы не печатаете комиксы, а то я бы вас читал.

– погоди, а что за история с этим Фаворитом – мне там нечем поживиться?

– Извини, друг, пока не могу распространяться. Но когда придет время, ты узнаешь первым.

– Премного благодарен.

– Я тебе тоже. Ну, счастливо.

Я раскрыл телефонный справочник на букве «К». Ага, судовладельческая корпорация «Крузмарк». И строчкой ниже: «Крузмарк М. Астрология». Вот астрологией мы и займемся. Какой там адрес? Седьмая авеню, 881.

Я набрал номер и стал ждать. Ответил женский голос.

– Здравствуйте. Мне вас порекомендовали, – начал я. – Сам я астрологией не увлекаюсь, но вот невеста моя во все это верит. Вот. И я хочу сделать ей сюрприз: составить гороскопы на нее и на меня.

– Гороскоп стоит пятнадцать долларов.

– Годится.

– И по телефону я консультаций не даю. Вам нужно будет приехать.

– Ладно. Сегодня можно?

– Да, после обеда у меня свободно. Можете приехать, когда вам удобно.

– А если прямо сейчас? Через полчаса, например?

– Прекрасно. Как вас зовут?

– Гарри Ангел.

– Какое красивое имя. Я живу в Карнеги-холл.

– Я знаю, как ехать.

Глава 11

Я доехал по Бруклин-Манхэттенской ветке до Пятьдесят седьмой улицы, поднялся наверх и оказался на углу забегаловки «Недик», что в здании Карнеги-холл. Не успел я дойти до двери, как притащился бродяга и выклянчил у меня десятицентовик. В квартале от меня, на Седьмой авеню, какие-то деятели митинговали у входа в отель «Шератон».

Я вошел в маленький пустынный холл и осмотрелся. Справа были два лифта, а между ними – почтовый ящик со стеклянным лотком. На Шестьдесят пятой улице был второй вход в бар «Карнеги» и табличка с именами жильцов. Так, вот оно: «М. Крузмарк. Астрология – 11 этаж».

Бронзовая стрелочка на указателе этажей полукругом двинулась справа налево, словно кто-то пустил часы в обратную сторону. Уперлась в семерку, потом – в тройку и, наконец, замерла на единице. Из лифта, что по левую руку, вылетел крупный дог, увлекая за собой толстую меху. Вслед за ней вышел бородач с виолончельным футляром.

Я вошел в лифт и назвал свой этаж дряхлому лифтеру в обвислой ливрее, похожему на пленного времен Балканской войны. Тот взглянул на мои ботинки и молча захлопнул решетчатую дверь. Лифт понес нас вверх.

До одиннадцатого этажа добрались без остановок. Коридор, широкий и длинный, был так же пуст, как и холл на первом этаже. По стенам через равные промежутки висели свернутые пожарные шланги. Из-за нескольких дверей доносилась нестройная перебранка нескольких пианино. Дальше по коридору распевалось сопрано, трели переливались из гаммы в гамму.

Я нашел дверь с золотыми литерами «М. Крузмарк» и значком, похожим на букву «М» с загнутым вверх хвостиком-стрелочкой. Позвонил. По ту сторону простучали высокие каблуки, щелкнул замок и дверь приоткрылась на длину цепочки.

Из темноты на меня глянул чей-то глаз, и голос вопросительно произнес:

– Да?

– Гарри Ангел, я звонил сегодня. Помните, мы договаривались?

– Ах да! Минутку.

Щель сомкнулась, звякнула снятая цепочка.

Затем дверь отворилась полностью, кошачий зеленый глаз засветился, обрел пару и обосновался на бледном угловатом лице в складках поблекших век под прикрытием густых черных бровей.

– Проходите. – Женщина отступила на шаг, чтобы дать мне дорогу.

Она была вся в черном, как одна из тех богемных девиц, что по выходным сидят в кафе на Лонг-Айленде. Черная шерстяная юбка, черный свитер и чулки. Даже тяжелый пучок смолых волос склот двумя китайскими палочками из черного дерева. Уолт говорил, что ей должно быть лет тридцать шесть-тридцать семь, но без косметики она казалась много старше. Она была худа, почти костлява, ее крошечные груди едва приподнимали тяжелые складки свитера. На шее у нее висело единственное украшение – перевернутая золотая звездочка на простой цепочке.

Ни она, ни я не произнесли ни слова. Я смотрел на покачивающийся кулон.

«Поймай падучую звезду...»¹² Фаулер барабанит пальцами по столу, а на руке – кольцо. Потом, в спальне, золотого кольца со звездочкой уже не было.

Вот он, пропавший кусок головоломки.

Мне на голову словно вылили ведро ледяной воды. По спине пробежал холодный ветерок, тронул волосы на затылке. Куда же делось кольцо Фаулера? Может, оно было у него в кармане –

¹² Строка из стихотворения английского поэта Джона Донна (1572 –1631)

я ведь не обыскивал его. Но зачем он снял кольцо перед смертью? Или это не он... Но тогда кто?

Женщина глядела на меня болотными огоньками глаз.

– Вы мисс Крузмарк? – спросил я, чтобы прервать молчание.

– Да, – отвечала она без улыбки.

– А что у вас там за значок на двери?

– Это Скорпион, мой знак. – Она заперла дверь и посмотрела так, словно могла сквозь зрачки заглянуть мне в душу. – Какой у вас знак?

– Не знаю, я в этих делах не силен.

– Когда вы родились?

– Второго июня двадцатого года. – Я специально назвал день рождения Джонни, чтобы посмотреть, как она отреагирует.

На секунду мне показалось, что в ее пристальном, ничего не выражающем взгляде мелькнула искорка.

– Близнецы. Интересно... У меня был знакомый – родился в один день с вами.

– Вот как? И кто же?

– Неважно. Это было слишком давно. ...Но что же это я? Держу вас в коридоре! Проходите, пожалуйста, садитесь.

Я прошел вслед за ней полутемным коридором и оказался в большой светлой гостиной с высоким потолком. Безликую обстановку из магазина Армии спасения¹³ скрашивали покрывала с пестрым индийским рисунком и множество вышитых подушечек. На фоне дешевой мебели ярко выделялись прекрасные туркестанские ковры с четким геометрическим рисунком. Повсюду стояли горшки с папоротниками, комнатные пальмы подпирали потолок. Из подвесных кашпо тянула ветки всевозможная зелень. Маленькие тропики исходили влагой под стеклянными колпаками террариев.

– Красиво тут у вас, – заметил я.

Хозяйка взяла у меня пальто и, сложив, повесила на спинку дивана.

– Да, действительно хорошо. Я была очень счастлива здесь, – сказала она.

Откуда-то донесся резкий свист.

– Хотите чаю? Я как раз ставила чайник, когда вы пришли.

– Ну, если вам нетрудно...

– Совсем нетрудно! Чайник уже вскипел. Какой вам: дарджилинг, улун, жасминовый?

– Какой вам нравится, я не знаток...

Она слегка улыбнулась вылинявшей улыбкой и быстро прошла на кухню, где по-прежнему пронзительно свистел чайник. Я тем временем огляделся как следует.

Повсюду стояла, лежала и висела всякая экзотическая дребедень. Храмовые флейты, магические круги, индейские фетиши, воплощения Вишну, выходящие из зева рыб и черепах. На книжной полке поблескивал обсидиановый ацтекский нож в виде птицы. Среди разрозненных томов я нашел «Книгу перемен»¹⁴, «Оаспе»¹⁵ и несколько книжек из серии «Тибет йогов».

Когда хозяйка вернулась с серебряным подносом, на котором стоял чайный прибор, я смотрел в окно и думал об исчезнувшем кольце.

Она поставила поднос на низенький столик у дивана и подошла ко мне. На углу Пятьдесят седьмой улицы, на крыше меблированных комнат Осборна красовалось нелепое сооружение – особняк в федеральном стиле с белыми дорическими колоннами.

¹³ Благотворительный магазин подержанных вещей.

¹⁴ Китайская книга гаданий 1 в. до н. э., содержащая также тексты по философии и космологии.

¹⁵ Спиритический трактат конца XIX века об уровнях Небесного царства, о богах истинных и ложных. Составлен путем механического письма американским дантистом Дж. Ньюбро.

– Что, кто-то купил Парфенон и перетащил сюда? – саркастически поинтересовался я.
– Причуда Эрла Блэвквелла. У него там бывают дивные вечеринки. По крайней мере, наблюдать забавно.

Я прошел за ней к дивану.

На стене висел портрет стареющего пирата в смокинге.

– Лицо знакомое, – сказал я.

– Это мой отец. Итан Крузмарк.

Чай витой струйкой потек в прозрачный фарфор.

Решительно сжатые губы Крузмарка, казалось, вот-вот дрогнут в разбойничьей улыбке. В знакомых уже мне зеленых глазах светился жестокий и хитрый ум.

– Так это тот самый пароходчик Крузмарк? – спросил я. – Я, помню, видел его фотографию в «Форбс»...

– Ему портрет не понравился. Знаете, что он тогда сказал? Что он похож на зеркало, в котором заело отражение. Вам с лимоном или со сливками?

– Без ничего. Спасибо.

Она протянула мне чашку.

– Мы заказали его в прошлом году. По-моему, очень похоже.

– Видный мужчина.

Она кивнула.

– Ни за что не скажешь, что ему за шестьдесят, правда? Он всегда выглядел на десять лет моложе. У него ведь Солнце в Юпитере, это очень удачное положение.

Я оставил без ответа всю эту галиматью и заметил, что Крузмарк похож на лихого капитана из детского фильма про пиратов.

– Да, правда. В колледже все девчонки думали, что он у меня Кларк Гейбл.

Я глотнул чаю, отдававшего подгнившим персиком.

– Знаете, когда мой брат учился в Принстоне, у него была знакомая девушка – фамилия тоже Крузмарк. Она училась в Уэллсли и даже гадала ему на выпускном...

– А-а, это, Маргарет, моя сестра. Она Маргарет, а я – Миллисент. Мы близнецы, только она у нас черная колдунья, а я – белая.

Я почувствовал себя человеком, который проснулся и понял, что сказочные богатства растаяли вместе со сновидением.

– Она тоже здесь живет? – спросил я, хватаясь за соломинку. Но ответ напрашивался сам собой.

– Что вы! Мэгги лет десять как в Париж переехала, а то и больше. Я и не вспомню, когда ее в последний раз видела... А как зовут вашего брата?

– Джек. – Моя выдумка лопнула и повисла сдувшимся шариком.

– Что-то не припомню. Хотя у нее тогда было так много знакомых... Ну, займемся городском. Мне нужно будет у вас кое-что спросить. – Она потянулась за кожаным блокнотом и карандашом.

– Спрашивайте. – Я взял из пачки сигарету и сунул в рот.

– Нет, не курите, пожалуйста. – Миллисент Крузмарк замахала рукой перед лицом, словно подсушивая лак. – У меня аллергия на дым.

– Хорошо, извините. – Я пристроил сигарету за ухом.

– Ну что ж, вы родились второго июня двадцатого года. Это уже о многом говорит.

– О чем же?

Миллисент уставилась на меня кошачьими глазами.

– Вы – прирожденный актер, легко играете любую роль. Вы меняете маски, как хамелеон меняет цвет. Вы мучительно ищете правду, но при этом лжете не задумываясь.

– Неплохо. Что еще?

– У вашего актерства есть и темная сторона. Поэтому, сталкиваясь с двойственностью своей натуры, вы теряетесь. Я бы сказала, вы много сомневаетесь. Вы сильно переживаете из-за собственных поступков. Вы слишком часто бываете жестоки, но не желаете себе в этом признаться. С одной стороны, вы методичны и упорны, а с другой – часто полагаетесь на интуицию. Что касается женщин, – она улыбнулась, – то вы предпочитаете молодых и темнокожих.

– В точку. Не зря я деньги потратил.

Я не льстил ей. Она действительно попала в точку. При таких способностях любой психоаналитик со своей кушеткой мог бы брать по двадцать пять долларов в час. Одна беда: я назвал ей чужой день рождения, а говорила она обо мне.

– Может, подскажите, где мне их искать, этих молодых и чернокожих?

– Очень скоро я смогу сказать вам гораздо больше.

Белая колдунья чертила что-то в своем блокноте.

– Не ручаюсь, что назову вам вашу суженую, но кое-что, конечно, узнать можно. Сейчас мы посмотрим, как стояли планеты в июне. Тогда можно будет сказать, как они влияют на вашу судьбу. Даже, наверное, не на вашу, а на судьбу того моего знакомого. У вас должны быть очень похожие гороскопы.

– Я весь внимание.

Глядя в свои записи, Миллисент нахмурилась.

– Сейчас для вас очень опасное время. Умер кто-то из ваших знакомых. Недавно, максимум неделю назад. Вы его не очень хорошо знали, но его смерть вас сильно беспокоит. Это как-то связано с медициной. Может быть, вы даже сами попадете в больницу. Очень сильное неблагоприятное влияние. Вам нужно быть осторожнее с незнакомыми людьми.

Я смотрел на странную женщину, одетую в черное. Страх щупальцами облепил мне сердце. Откуда она все это знает? Во рту у меня пересохло, губы склеились.

– Что это у вас за кулон?

– Это? – Ее рука птицей замерла у горла. – Это магическая фигура. На счастье.

Немного же счастья принесла Фаулеру его звездочка. Хотя в момент смерти он был без кольца... Или все-таки кто-то убил его и забрал талисман себе?

– Так. Но это не все. – Миллисент Крузмарк направила мне в сердце острие карандашика в филигранном золотом футляре. – Мне нужно знать день рождения вашей невесты и где она родилась. Нужно точное время и место, иначе я не просчитаю широту и долготу. И вы, кстати, тоже не сказали, где родились.

Я дал ей какие-то цифры и адреса и приступил к обычной процедуре прощания: глянул на часы, отставил чашку. Мы встали одновременно, как будто нас поднял какой-то механизм.

– Спасибо за чай.

Хозяйка проводила меня к двери и сказала, что гороскопы будут готовы на следующей неделе. Я обещал позвонить, и мы пожали друг другу руки с механическим безразличием заводных солдатиков.

Глава 12

Еще по дороге к лифту я вытащил из-за уха сигарету и, как только вышел из дома, закурил. Мартовский ветер овеивал улицу. До встречи с Хайдом оставался еще целый час. Я брел вдоль Седьмой авеню и все пытался понять причину безотчетного страха, охватившего меня в лиственных дебрях гостиной Миллисент Крузмарк. Я понимал, что никакого чуда тут нет, просто фокусы, ловкость рук, профессиональные штучки. «Берегитесь незнакомцев!» Да это мне любая гадалка скажет за полцента. Дамочка провела меня как мальчишку. Я клюнул на загадочное выражение ее глаз и замогильный голос.

Пятьдесят вторая улица выглядела неважно. В двух кварталах к востоку, правда, жив был еще бар «Двадцать один» – напоминание об элегантной эпохе сухого закона, но стриптиз-клубы по большей части уже вытеснили клубы джазовые. Навсегда закрылась легендарная «Дверь». Опочил «Оникс». Теперь на всем Бродвее в одном только «Птичьем раю» поклоняются еще божественному бибопу. Из пяти десятков заведений, торговавших спиртным из-под полы на Пятьдесят второй, выжили только «Орешник» и заведение Джимми Райана.

Я брел на восток мимо китайских ресторанчиков и злых проституток с круглыми сумочками из поддельной кожи.

В «Орешнике» должно было играть трио Дона Ширли, но до начала было еще далеко, и в баре царили тишина и полумрак.

Я заказал виски и уселся так, чтобы видеть дверь. Когда один за другим опустели два стакана, в бар вошел человек с саксофонным футляром. Он был одет в коричневую замшевую ветровку поверх светло-бежевой вязаной водолазки. Его короткие темные волосы были обильно сдобрены сединой. Я помахал ему, и он подошел.

– Вы Вернон Хайд?

– Он самый. – Хайд кривовато улыбнулся.

– Швартуйтесь. Пить будете?

– А то. – Он бережно положил футляр на стол и пододвинул себе стул.

– Значит, ты журналист? О чем пишешь?

– Да в основном для журналов. Интервью, биографии – все такое.

Подошла официантка. Хайд спросил бутылку «Хайнекена», и пока его несли, мы с ним немного поговорили ни о чем. Потом официантка вернулась, налила пиво в высокий бокал, Хайд сделал большой глоток и перешел к делу.

– Значит, про оркестр Паука пишешь? Тогда молодец: улицу выбрал правильно. Вся моя жизнь – здесь, на Пятьдесят второй.

– Знаешь, не хочу тебя обманывать. Оркестр я, конечно, упомяну, но в основном мне нужно узнать про Джонни Фаворита.

– Про Фаворита? – Улыбка Хайда превратилась в злую гримасу. – Еще и писать про эту сволочь!

– Так вы не ладили?

– Да кому он нужен сейчас? Про него уж все давно забыли!

– Выходит, не все. Редактор в «Лук» хочет, чтобы была статья. А ты, я вижу, хорошо его помнишь. Что он был за человек?

– Подонок он был. Такую свинью Симпсону подложить, а?!

– Что же он такое сделал?

– Да то, что Паук его из грязи вытащил. Он же в пивной пел, в дыре какой-то!

– Знаю.

– Паук для него все делал. Он ведь не только зарплату, он еще и со сборов получал, не то, что остальные. Уж, кажется, не на что было жаловаться. А он взял и ушел! Ему по контракту

еще четыре года оставалось. Ангажемент у нас был – дай-то бог! Все пришлось отменить из-за этого гада...

Я взял карандаш и блокнот и притворился, что записываю.

– А из оркестра никто с ним потом не общался?

– С покойничком?

– Как это?

– Да так. Бобик-то сдох. В войну еще.

– Да? А я слышал, он в клинике лежит...

– А может, и в клинике – черт его знает. Хотя я вроде помню, что помер.

– Мне говорили, что он был суеверный человек. Это правда?

Хайд криво усмехнулся.

– Правда. По гадалкам ходил, в шары смотрел. Мы один раз на гастролях, знаешь, что сделали? В Синси, кажется... Так вот, заплатили девке в гостинице, чтобы она ему сказала, что умеет по руке гадать. А она ему взяла и триппер нагадала. Он потом от девок до конца гастролей шарahalся.

– А у него же еще, кажется, подружка была из высшего общества. Она ведь тоже гадала?

– Да, что-то такое было. Правда, я ее не видел: мы с ним тогда не особенно пересекались.

– А когда он у вас пел, в оркестре все были белые?

– Белей некуда. Хотя вроде один год был какой-то кубинец, на виброфоне играл.

Хайд допил пиво.

– Тогда везде так было – черные отдельно, белые отдельно. У Эллингтона тоже сплошь черные были.

Я продолжал царапать карандашом в блокноте.

– Но после работы-то вы, наверное, встречались, играли?

При воспоминании об импровизированных концертах в прокуренных зальчиках едкая улыбка Хайда потеплела.

– Да, помню, когда приезжал оркестр Бейси¹⁶, и мы с ними сходились и всю ночь играли...

– А Джонни участвовал?

– Нет. Он черных вообще не любил, а уж чтобы после концерта с ними играть... Черным место в лакейской, а Джонни будет жить в апартаментах на Парк-авеню – он это так понимал.

– Интересно, я думал, он дружил с Ножкой Свитом...

– Дружил? Ну если только тот ему ботинки чистил. Я же говорю: он негров ненавидел. Говорил даже, что Джорди Олд лучше играет, чем Лестер Янг. Представляешь?!

Я сказал, что это ни в какие ворота не лезет.

– Они якобы несчастье приносят.

– Тенор-саксофонисты?

– Да какие саксофонисты! Негры! Шарахался от них, как от черных кошек, честное слово.

– А с кем-нибудь в ансамбле он дружил?

– Да он вообще ни с кем не дружил. Так и напиши. Он был сам по себе, все в себе держал. Нет, пошутить, посмеяться – пожалуйста. Улыбался всегда. Это он умел: посмотришь, прямо душа компании. Только ведь это было так, видимость, чтобы в душу никто не лез.

– А на личном фронте?

– А черт его знает. Я его только на сцене видел или ночью в автобусе, когда он уезжал. Его лучше всех Паук знал. Тебе бы с ним поговорить.

– Да у меня телефон есть, я просто не дозвонился еще. Ну что, может, еще пива?

– Давай.

¹⁶ Оркестр Уильяма Бейси – один из крупнейших биг-бэндов тех времен.

Мы взяли по пиву и еще час травили побасенки о славном прошлом Пятьдесят второй улицы. О Джонни Фаворите больше не говорили.

Глава 13

Незадолго до семи Вернон Хайд отбыл в неизвестном направлении, а я двинулся на запад, где в двух кварталах в заведении Галлахера подавали лучшие в городе бифштексы. Около девяти я докурил сигару, допил вторую чашечку кофе, заплатил по счету и поймал на Бродвее такси. Путь мой лежал к гаражу, в восьми кварталах оттуда.

Пересев в свою машину, я двинулся на север по Шестой авеню, потом вместе со всеми проехал Центральным парком; оставив позади Резервуар и Гарлемское озеро, выехал через Врата воинов на перекресток Сто десятой и Седьмой и очутился в мире многоквартирных домов и темных переулков. Я не был в Гарлеме целый год – в последний раз застал еще несенный впоследствии дансинг «Савой», – но за это время ничего здесь не изменилось. В этой части города Парк-авеню прорезана рельсами Нью-Йоркской Центральной железной дороги, поэтому приходится перебираться на Седьмую с ее бетонными островками для пешеходов в море двустороннего движения.

Перекресток со Сто двадцать пятой был ярко освещен и смотрелся не хуже Бродвея. Проехав дальше, я обнаружил, что «Парадиз Смолла» и клуб Каунта Бэйси не закрылись и вроде бы не собираются. Я высмотрел свободное местечко напротив «Красного петуха», припарковал машину, вылез и подождал зеленого света. Кофейного оттенка юнец с фазаньим пером на шляпе отделился от прохлаждавшейся на углу компании и подошел ко мне.

– Брат, часы не нужны? – Он отвернул рукава аккуратного пальто, показав мне по пять экземпляров на каждой руке. – Недорого отдаю, слушай. Чес-слово.

– Не надо, есть уже.

Загорелся зеленый, я перешел улицу.

В «Красном петухе» повсюду был плюш и полумрак. За столики у бара набились знаменитости из хороших кварталов, богатые господа с радужно-стразовыми декольтированными дамами.

Я нашел себе табурет у стойки и заказал стаканчик коньяку. Трио Ножки уже играло, но со своего места я видел только спину Свита, склонившегося над клавишами. Кроме рояля, слышны были еще контрабас и электрическая гитара.

Они играли блюз. Рояль пульсировал и рокотал, по временам гитара, словно колибри, влетала в переплетения мелодии. Кенни не солгал: Свитова левая была божественна. В барабанщике не было нужды. Поверх мрачных переходов контрабаса Свит вывел нежнейший узор печали, и когда запел, голос его был полон сладостного страдания:

Жизнь доконала, и я пою свой вуду-блюз.
Петро лоа, оставьте мой дом.
Зомби стонут всю ночь под окном.
Жизнь доконала, и я пою свой вуду-блюз.
Зузу-мамбо любила хунгана.
Зузу знала: с Эрзули¹⁷ не шути.
Зузу стала рабыней от заклятья тамтама.
Теперь у ней на могиле пляшет Барон Самди.
Жизнь доконала, и я пою свой вуду-блюз...

¹⁷ Эрзули – по вудуистским поверьям, могущественная богиня любви и луны. Имеет две ипостаси – добрую и злую. Одна из центральных фигур вудуистского пантеона.

Первая часть выступления закончилась. Музыканты переговаривались, смеясь, утирали лица большими белыми платками. Потом не спеша перебрались к бару. Я сказал бармену, что хочу угостить музыкантов. Он поставил перед ними стаканы и кивнул в мою сторону.

Двое из них взяли выпивку, глянули на меня и растворились в толпе. Ножка Свит уселся на табурет в дальнем конце стойки, привалился к стене большой сидящей головой и принялся наблюдать за людьми в зале. Я взял свой стакан и стал пробираться к нему.

– Спасибо вам, мистер Свит, – сказал я, взбираясь на соседний табурет. – Вы – гений.

– Зови меня Ножкой, сынок, я не кусаюсь.

– Как скажете, Ножкой так Ножкой.

Широкое бурое лицо Ножки было все изрезано морщинами, как плитка жевательного табака. Густые волосы были цвета сигарного пепла. Костюм из блестящей синей саржи, казалось, вот-вот лопнет по швам на его туше, однако ножки в черно-белых лаковых туфлях были маленькие и изящные, как у женщины.

– Мне понравилась последняя вещь.

– Я ее в Хьюстоне написал, на салфетке, лет сто назад.

Он засмеялся, и белый полумесяц улыбки осветил коричневые морщины, словно возвещая конец лунного затмения. На одном из передних зубов у него была золотая коронка с прорезью в виде перевернутой пятиконечной звездочки. Заметная штучка.

– Так вы в Хьюстоне родились?

– Еще чего! Так, проездом был.

– А вы откуда?

– Я? С Юга, откуда ж еще? Чистокровный орлеанец. Меня ампропологу показать – в обморок упадет. Да мне еще и четырнадцати не было, а я уже по барам играл. Всех ребят знал: и Банка Джонсона, и Джелли Мортон. С самим Армстронгом дружбу водил. Даже в Чикаго по реке наезжал, вот как.

Тут Ножка разразился гомерическим хохотом и хлопнул себя по коленям. В тусклом свете блеснули перстни на толстых пальцах.

– А вы меня, часом, не дурите?

– Ну, может, малость и дурю.

Я усмехнулся и понюхал свой коньяк.

– Хорошо, когда есть что вспомнить.

– А ты книгу, что ли, пишешь? Я вашего брата за версту чую, как лис несущку.

– Почти в точку, старый лис. Я сейчас пишу кое-что для «Лук».

– Да ну? «Лук» вспомнил про Ножку Свита! Тут Дорис Дэй¹⁸, а тут я, так, что ли? Здорово!

– Знаете, не хочу вас обманывать. Это будет статья про Джонни Фаворита.

– Про кого?

– Про Фаворита, певца. Он еще у Симпсона в ансамбле пел лет пятнадцать назад.

– Ну-у! Симпсона-то я помню. Он на барабанах стучал, как отбойный молоток.

– А про Фаворита что-нибудь помните?

Коричневая физиономия Ножки изобразила святую невинность ученика, не знающего ответа.

– Нет. Ничего не помню. Может, он потом имя сменил? Его теперь не Синатра зовут? Нет? Не Вик Дамон?

– Может быть, у меня неверные сведения, но, я так понял, вы с ним были друзья.

– Слушай, сынок, он как-то записал одну мою песню. За гонорар ему спасибо, но от этого мы с ним друзьями не стали.

¹⁸ Дорис Дэй (1922 – 2019) – популярная американская актриса и певица.

- А я видел в «Лайф» фотографию, вы там пели вместе...
- Да, помню. Это было в баре у Дикки Уэллса. Я его там видел пару раз, но он не ради моих красивых глаз приезжал.
- А ради чьих же?
- Ножка прикрыл веки и придал физиономии ернически постное выражение.
- Все тебе расскажи. Дела-то чужие...
- Так ведь теперь все равно уже: сколько лет прошло! У него тут что, дама сердца была?
- Да-а, то была дама. Тут уж ничего не скажешь.
- А как ее звали?
- Ну, в этом-то секрета нет. Кто здесь до войны жил, все знают, что у Евангелины Праудфут были шашни с Джонни Фаворитом.
- Смотрите-ка, а в газетах ничего не было.
- Эх, сынок, в то время, если уж с цветной связался, лучше было помалкивать.
- И кто же была эта Евангелина?
- Свит улыбнулся.
- Негритянка из Вест-Индии. Красавица. Королева. Она его лет на десять старше была, а то и на пятнадцать, а так держалась, что он за ней на веревочке бегал.
- И где мне ее найти?
- Не знаю, я ее уж лет сто не видел. Она ведь болела потом... А магазин-то ее стоит еще. Зайди, может, она там.
- А что за магазин? – Я изо всех сил старался избегать сыщицких интонаций.
- Гомеопатия какая-то. Это на Ленокс-авеню. Раньше она, кроме воскресенья, всю неделю до двенадцати ночи работала.
- Тут Свит театрально подмигнул:
- Ну все, труба зовет. Пора к роялю. Посидишь еще?
- Я попозже подойду.

Глава 14

Аптека мисс Праудфут располагалась на северо-западном углу перекрестка Ленокс-авеню и Сто двадцать третьей улицы. В витрине голубым неоном светились буквы размером с ладонь. Я проехал еще полквартала, припарковал машину и, вернувшись, стал осматриваться. В мутном голубом свете на круглых картонных подставках справа и слева пылились выцветшие коробочки с гомеопатическими снадобьями. К заднику был скрепками прилажен рекламный плакат. Человек, лишенный плоти и мышц, выставял напоказ кровавую путаницу нутра. От каждой полочки к соответствующему органу тянулась провисшая атласная ленточка. Сердцу в этом раскладе достался «целебный экстракт белладонны Е. Праудфут».

Поверх задника можно было немного заглянуть внутрь. Магазин освещали флуоресцентные лампы, подвешенные к потолку, обитому луженым листовым железом. Вдоль дальней стены стояли старомодные деревянные стеллажи со стеклянными дверцами. В аптеке не было заметно движения, только качался маятник часов.

Я вошел внутрь. Воздух был тяжелый и едкий от каких-то благовоний. Когда я стал закрывать дверь, над головой зазвенели колокольчики. Я быстро осмотрелся. У самого входа стоял вращающийся металлический стенд: сонники и брошюры с советами по сердечной части стремились перещеголять одна другую пестротой обложек. Пирамидкой стояли цилиндрические коробочки с волшебным порошком: утром присыпьте костюм, выберите число из сонника и отправляйтесь на скачки за крупным кушем.

Пока я рассматривал разноцветные ароматические свечи, приносящие удачу при постоянном использовании (гарантия фирмы), из подсобки вышла хорошенькая девушка кофейного цвета в белом аптечном халатике поверх платья. На вид ей было лет девятнадцать-двадцать. У нее были выющиеся волосы до плеч, цвета полированного черного дерева, и несколько звонких и круглых серебряных браслетов на тоненьком запястье.

Она встала за прилавок:

– Здравствуйте. Вам помочь?

Заученность интонации не могла скрыть нежной карибской напевности ее голоса.

Я сказал первое, что пришло в голову:

– Скажите, у вас есть Большой Иоанн?¹⁹

– Вам целиком или в порошке?

– Целиком – в амулете ведь главное форма?

– Амулетами мы не торгуем, сэр. У нас «зеленая аптека».

– А там, у двери, тоже лекарства?

– Да, у нас есть и сувениры. Ну и что? У Рексалла в аптеке торгуют открытками.

– Я шучу! Не хотел вас обидеть.

– А я и не обиделась. Вам сколько взвесить?

– А мисс Праудфут здесь?

– Я и есть мисс Праудфут.

– Вы – мисс Евангелина Праудфут?

– Нет, я Епифания. Евангелина – это так маму звали.

– Звали?

– Она умерла в прошлом году.

– Соболезную.

¹⁹ Корень Большого Иоанна Завоевателя – магический корень-амулет, приносящий деньги, удачу в игре и в любви. Есть также Южный Иоанн, помогающий при родах и облегчающий боли при менструациях, и Малый Иоанн, излечивающий желудочные болезни и приносящий победу в тяжбах.

- Она много лет болела, с постели не вставала. Отмучилась...
- Ваша мама дала вам прекрасное имя, Епифания. Оно вам очень идет. Кофейная девочка чуть порозовела.
- И не только имя. Аптека уж лет сорок доход приносит. У вас с мамой были какие-то дела?
- Нет, я ее не знал. Мне просто надо было ее спросить кое о чем...
- Топазовые глаза Епифании потемнели.
- Вы что, из полиции?
- Я улыбнулся, готовясь повторить легенду про журнал «Лук», но понял, что смышленная барышня не даст себя провести.
- Я частный детектив. Могу показать копию удостоверения.
- Нужна мне ваша копия! Что именно вы хотели от мамы?
- Я ищу Джонни Фаворита.
- Девушка вздрогнула и замерла, словно ей к шейке приложили кусочек льда.
- Он умер.
- Многие так думают, но это не так.
- Все равно, для меня он умер.
- Вы его знали?
- Нет, я его никогда не видела.
- Эдисон Свит сказал мне, что он был другом вашей мамы.
- Я тогда еще не родилась.
- А мама вам о нем не рассказывала?
- Послушайте, не знаю, как вас зовут, но вы явно не джентльмен. Я не собираюсь рассказывать вам мамины секреты.
- Я пропустил эту реплику мимо ушей.
- Хорошо. Но, может быть, вы или ваша мама видели его за последние пятнадцать лет?
- Я говорю вам: я его не видела. А я знала всех ее друзей.
- Я достал свой «настоящий» бумажник и протянул ей визитку, в которой значилась контора «Перекресток».
- Ладно, ничего не поделаешь. Я особенно и не надеялся. Вот моя карточка, там внизу рабочий телефон. Позвоните, если что-нибудь вспомните или узнаете, что кто-то его видел, хорошо?
- Она улыбнулась, но личико осталось настороженное.
- А что он сделал? Зачем вы его ловите?
- Я его не ловлю. Мне просто нужно узнать, где он.
- Епифания сунула карточку в окошко кассового аппарата, украшенного множеством медных завитушек.
- А если он умер?
- Это все равно. Деньги свои я так и так получу.
- В этот раз мне почти удалось ее рассмешить.
- Тогда лучше б вы его на кладбище нашли.
- Да я не против. Не потеряйте карточку, хорошо? Мало ли что может случиться.
- И правда...
- Ну, спасибо вам.
- Пойдите, а корень?
- Я приосанился:
- Неужто дела мои так плохи, что мне нужен корень?
- Ох, мистер Перекресток. – Аптекарьша рассмеялась настоящим, живым и теплым смехом. – Похоже, что дела ваши хуже некуда.

Глава 15

Пока я ездил, второе отделение закончилось, и Ножка снова восседал на том же месте. В его бокале пузырилось шампанское. Я стал пробираться к нему, на ходу закуривая сигарету.

– Ну что, узнал, что хотел? – равнодушно поинтересовался Свит.

– Евангелина умерла.

– Да ну? Вот это жалко. Женщина была – таких поискать.

– Я говорил с ее дочкой, но она мне почти ничего не сказала.

– Слушай, сынок, а может, ты про кого другого напишешь?

– Нет, теперь уж мне самому интересно. – Я просыпал пепел себе на галстук, попытался стряхнуть и обрел второе пятно, как раз рядом с тем, что осталось от супа. – Вот вы, кажется, неплохо знали Евангелину. Может быть, расскажете мне еще про ее роман с Фаворитом?

Свит с трудом слез с табурета и утвердился на своих крошечных ножках.

– Нечего мне рассказывать, сынок. Сам видишь, великоват я, чтобы под чужими кроватями прятаться. Да и работать пора.

Ножка улыбнулся, блеснув золотой коронкой, и двинулся к сцене. Я прицепился к нему, как дотошный репортер.

– А вы не помните, с кем они еще дружили? Ну, когда у них был роман...

Ножка уселся на табурет и оглядел зал в поисках запропавших музыкантов. Стреляя глазами от столика к столику, он проговорил:

– Я вот сейчас поиграю, нервы малость успокою, может, тогда что вспомню.

– Идет. Мне спешить некуда, могу хоть всю ночь вас слушать.

– Еще отделение пережди, сынок, и все.

Ножка поднял выгнутый клап рояля – поверх клавишей лежала куриная лапа. Он резко захлопнул клап.

– Что ты над душой стоишь! – рыкнул он. – Иди, мне сейчас играть.

– Что это там?

– Ничего. Неважно.

Хорошенькое «ничего» – куриная лапа длиной в октаву, от острого желтого когтя на морщинистом пальце до кровоточащего сустава. Там, где кончаются белые перья, – черный бант на манер подвязки. Как хотите, а это больше, чем ничего.

– Что тут у тебя творится, Свит?

Пришел гитарист, уселся, включил усилитель. Он мельком глянул на Ножку и принялся настраивать громкость: мешала обратная связь.

– Не твое дело, – прошипел Ножка. – Теперь можешь не дожидаться: ничего тебе не скажу, ясно?

– Кому ты дорожку перешел?

– Сгинь!

– Это что, из-за Джонни?

Подошел контрабасист, но Ножка не обратил на него внимания. Он проговорил очень медленно и отчетливо:

– Так. Если ты сейчас, вот прямо сейчас, не выкатишься отсюда к той самой матери – вообще пожалеешь, что на свет родился. Понял, нет?

Я перехватил недобрый взгляд контрабасиста и оглянулся вокруг. Зал был полон. Я чувствовал себя как генерал Кастер во время последнего боя у реки Литтл-Биг-Хорн²⁰.

²⁰ У реки Литл-Биг-Хорн 25 июня 1876 года генерал Кастер атаковал восставших индейцев племени сиу и потерпел сокрушительное поражение.

– Если я им сейчас слово скажу – тебе конец, – добавил Ножка.

– Не трудись. – Я бросил окуроч на пол, придавил его каблуком и вышел.

Машины я припарковал на другой стороне Седьмой, на том же месте, что и в прошлый раз. Я дождался зеленого света и перешел улицу. Компания, торчавшая на углу, куда-то перекочевала, и теперь на месте юнцов стояла худая смуглая проститутка в потрепанной лисе. Она покачивалась на каблуках-шпильках и часто-часто дышала, как кокаинистка на третий день оргии.

– Эй, мистер, интересуетесь? Эй...

– Не сегодня, извини.

Я сел в машину и снова закурил. Тощая жрица любви смотрела на меня, потом повернулась и нетвердо зашагала по улице. Было без нескольких минут одиннадцать.

Около двенадцати у меня вышли все сигареты. Рассудив, что до конца концерта Свит все равно никуда не денется и времени у меня уйма, я оставил свой пост и отправился в ночной винный магазин в полутора кварталах оттуда. Возвращаясь с двумя пачками «Лаки страйк» и полулитровой бутылкой виски, я перешел улицу и постоял немного у входа в «Красный петух». Из недр его доносились громовые раскаты Ножкиного рояля, адская смесь Бетховена и черного джаза.

Ночь была холодная, и я то и дело включал двигатель, чтобы немного согреться. Слишком уж разнеживаться было нельзя: так и заснуть недолго. Без четверти четыре, когда кончилось последнее отделение, пепельница на приборной доске была полна, а бутылка с виски опустела. Я чувствовал себя великолепно.

Минут за пять до закрытия в дверях клуба показался Ножка. Он застегнул свое тяжелое пальто и перебросился шуткой с гитаристом. Потом резко свистнул в два пальца, и проезжавшее такси, взвизгнув тормозами, остановилось перед ним. Я включил зажигание.

Машин было мало, и я решил дать такси фору в пару кварталов. Поэтому я не стал зажигать фары и просто смотрел в зеркало заднего вида. На пересечении со Сто тридцать восьмой улицей такси повернуло и покатило уже в моем направлении. Я пропустил его, дал поравняться с давешним винным магазином, включил фары и отъехал от тротуара.

Я довел его до Сто пятидесятой улицы и вместе с ним свернул налево. Там таксист притормозил посреди квартала Гарлем-ривер²¹, а я проехал дальше до бара Макомба, взял на север, скруглил и оказался снова на Седьмой, с северной стороны того же квартала.

Добравшись до перекрестка, я увидел такси. Водитель дожидался Свита. Дверь машины была открыта, огонька на крыше не было, на заднем сиденье – никого. Очевидно, в этот момент Ножка громыхал по лестнице на свой этаж, чтобы избавиться от куриной лапы. Я выключил фары и припарковался бок о бок с какой-то машиной, чтобы ничего не упустить. Через пару минут Ножка вернулся, на сей раз с красной клетчатой сумкой, в каких носят шары для кегельбана.

Такси свернуло налево возле бара Макомба и рванулось на юг по Восьмой авеню. Я держался на три квартала позади. Доехав до площади Фредерика Дугласа, машина свернула на Сто десятую улицу и двинулась вдоль северной стены Центрального парка к раздвоенным истокам Сент-Николас и Ленокс-авеню. Проезжая мимо, я увидел, что Ножка стоит на тротуаре с бумажником в руке, дожидаясь, пока шофер отсчитает сдачу.

Я резко свернул налево на углу Сэнт-Николас-авеню, тормознул и выбежал обратно на Сто десятую. Я успел увидеть отъезжающее такси и темный силуэт Свита, тенью скользнувшего во мрак и тишину парка.

²¹ Большой жилой квартал, выстроенный на муниципальные средства в 1937 году с тем, чтобы частично решить проблему жилья.

Глава 16

Ножка шел по аллее, ведущей вдоль западной кромки озера Меер. Вдоль аллеи горели фонари, и он то и дело возникал в световых пятнах, как Джимми Дюранте в сцене прощания с миссис Калабаш²². Я крался сзади чуть поодаль, держась неосвященной стороны, но Ножка ни разу не обернулся. Он торопливым шагом обогнул озеро и нырнул под арку Хаддлстонского моста. Впереди по Ист-драйв изредка проносились такси из центра.

За Ист-драйв лежал Лок – самая дальняя и глухая часть Центрального парка. Тропинка, извиваясь, сбегала в глубокую лощину, поросшую деревьями и кустарником и совершенно отрезанную от города. Там было темно и тихо. Я уже было подумал, что упустил Ножку, когда до меня донесся звук барабанов.

В кустах светлячками замигали огоньки. Я осторожно пробрался между деревьями и притаился за большим валуном.

На земле стояли четыре блюда, и на каждом дрожал язычок белой свечи. В неярком свете я насчитал пятнадцать человек. Трое играли на барабанах разных размеров. Самый большой был похож на тамтам. Худой седовласый старик бил в него ладонью и небольшой деревянной колотушкой.

Девушка в белом платье и тюрбане мукой выводила между свечей на земле белые спирали. Она набирала полные горсти муки, как индеец хопи, рисующий песчаные узоры, и струйками сыпала ее на утоптанную землю, покрывая витыми значками пространство возле круглой ямы. Вот она обернулась, и отсвет свечи упал на ее лицо. Это была Епифания Праудфут.

Зрители приплясывали, пели и хлопали в такт барабанам. У нескольких мужчин были тыквы-погремушки. Железная трещотка в руках одной из женщин заходила стаккато. Ножка яростно потрясал парой погремушек, как Хавьер Кугат²³ в сердце ансамбля, шпарящего румбу. Опустевшая клетчатая сумка лежала у его ног.

Епифания, босая, несмотря на холод, плясала в пульсирующем ритме, кружась, рисовала белые спирали первосортной мукой «Пилсбери». Закончив, отпрянула назад, воздела мертвенно-белые руки, словно шоколадный ангелок смерти, и забилась в судорожном шимми. Скоро ее пляска захватила всех.

В неровном свете свечей метались тени чудовищ. Черное сердце барабана выстукивало шаманскую дробь, колдовало, все крепче завладевая людьми. Глаза их закатились, слова гимнов пенились на губах. Мужчины и женщины терлись друг о друга, стонали в экстатическом танце совокупления. Опаловые белки светились на оплывающих потом лицах.

Я подобрался поближе. Кто-то играл на свистульке. Резкие, злые звуки, прорываясь сквозь бречание железной трещотки, вспарывали темноту. И надо всем этим – рокот барабанов, неотступный, как лихорадочный жар, неистовый, туманящий разум. Одна из женщин повалилась на землю. Она извивалась как змея, ее язык мелькал с быстротой змеиного жала.

Белое платье Епифании прилипло к телу от горячего пота. Она нагнулась над плетеной корзинкой и вынула из нее петуха со связанными лапами. Птица горделиво вскинула голову, и ее гребень вспыхнул алым в свете свечей. Епифания плясала с ним, терла его хохолок о свои груди. Потом в пляске обошла каждого и к каждому прикоснулась пылающим гребнем. Яростный крик петуха заглушил барабаны.

²² Знаменитый комик Джимми Дюранте много лет подряд завершал каждое свое выступление словами: «Доброй ночи, миссис Калабаш, где бы вы сейчас ни были». Многие считали, что это вымышленный персонаж, однако миссис Калабаш (Люсиль Кольман) существовала на самом деле. Это была хозяйка ресторанчика в городе Калабаш, с которой Дюранте как-то разговорился и пообещал ей, что сделает ее знаменитой.

²³ Уроженец Испании Хавьер Кугат (1900–1990) – знаменитый музыкант, «король румбы». Был также известен как карикатурист.

Епифания змейкой скользнула к яме, наклонилась над ней и ловким движением бритвы перерезала петуху горло. Кровь хлынула в темную яму. Победная песнь перешла в клекочущий вопль. Умиравшая птица отчаянно била крыльями. Радеющие стонали.

Епифания положила истекающего кровью петуха у края ямы. Он еще недолго бился, держа связанными лапами, потом раскинул крылья, дрогнул в последний раз и медленно сложил их. Один за другим люди склонялись над ямой и бросали в нее приношения. Горсти монет и сушеной кукурузы, печенье, конфеты, фрукты. Одна женщина вылила на петуха бутылку кока-колы.

Потом Епифания взяла обмякшую птицу и подвесила ее к дереву вниз головой. Ритуал подходил к концу. Несколько человек подошли к висящему петуху и зашептали ему что-то, склонив головы и сложив ладони. Остальные собрали свои инструменты, крест-накрест по кругу пожали друг другу руки – сперва правую, потом левую – и растворились в темном парке. Ножка, Епифания и двое-трое других пошли по тропинке в сторону Гарлемского озера. Все молчали.

Я последовал за ними, держась края тропинки и прячась за деревьями. Возле озера тропинка раздваивалась. Ножка пошел налево, Епифания и остальные – направо. Я мысленно подбросил монетку. Получилось, что нужно идти за Ножкой. Он направился к выходу на Седьмую авеню. Так. Даже если он сейчас и не поедет прямо домой, то, вероятно, все равно скоро там объявится. Надо его опередить.

Я, пригибаясь, пробрался сквозь кусты, перелез через стену из грубого камня и помчался через Сто десятую. Добежав до угла Сент-Николас-авеню, оглянулся. У ворот парка мелькнуло белое платье Епифании. Она была одна.

Я подавил в себе желание подкинуть монетку еще раз и побежал к «шевроле». Машин почти не было, и я пролетел перекрестки Седьмой и Восьмой на «зеленой волне». Потом я свернул на Эджкомб-авеню и проехал по Бродхерст вдоль Колониального парка до пересечения со Сто пятьдесят пятой улицей.

Я оставил машину на углу бара Макомба и пешком прошел кварталом Гарлем-ривер. Симпатичные четырехэтажные домики стояли вокруг дворов и супермаркетов. Архитекторы времен Великой депрессии подошли к проблеме государственного жилищного строительства куда цивилизованнее, чем нынешние отцы города, столь возлюбившие жуткие бетонные глыбины, именуемые домами.

На Сто пятьдесят второй я нашел нужную дверь и осмотрел ряд медных почтовых ящиков, вделанных в кирпичную стену. На одном из них должна была быть фамилия Ножки и номер квартиры.

Дверь подъезда я открыл перочинным ножиком за две секунды, поднялся на третий этаж, осмотрел замок на Ножкиной двери и понял, что без набора болванок-вездеходов из моего дипломата делать тут нечего. Я сел на ступеньки лестницы, ведущей на следующий этаж. Что ж, подождем.

Глава 17

Долго ждать не пришлось. Вскоре послышалось натужное пыхтение Ножки, одолевавшего лестницу. Я затушил сигарету о подошву. Не заметив меня, Ножка опустил сумку на пол и принялся рыться в карманах в поисках ключей. Как только он открыл дверь, я перешел в наступление.

Не дав ему выпрямиться (Ножка как раз нагнулся, чтобы подобрать сумку), я одной рукой ухватил его за шиворот, а другой втолкнул в квартиру. Ножка повалился на колени, сумка шумно упала в темноту, как мешок, полный гремучих змей. Я включил верхний свет и запер дверь.

Сопя, словно загнанный зверь, Ножка поднялся на ноги и выхватил из кармана опасную бритву. Я переступил с ноги на ногу.

– Спокойно, старик, не дури – хуже будет.

Он что-то пробормотал и неуклюже подался вперед, размахивая бритвой. Я перехватил его руку левой рукой, сделал шаг вперед и врезал ему коленом в брюхо. Ножка сразу обмяк и, негромко охнув, сел на пол. Я слегка вывернул ему запястье, и он выронил бритву на ковер. Носком ботинка я пнул ее к стене.

– Глупо себя ведешь, Ножка, – заметил я, подобрав и сложив бритву.

Ножка сидел, схватившись за живот, словно боялся, что, если отпустить, он отвалится.

– Что тебе надо? – простонал он – Ты не из журнала.

– Я смотрю, ты умнеешь. Теперь бросай ныть и выкладывай все, что знаешь о Фаворите.

– Мне плохо. Ты мне внутри всё разворотил.

– Ничего, оклемаешься. Дать тебе на что сесть?

Ножка кивнул. Я подтащил поближе оттоманку черно-красной марокканской кожи и помог ему взгромоздиться на нее. Он все охал и держался за живот.

– Слушай, я тут ваши пляски видел в парке. И Епифанию с петухом. Что это еще за чертовщина?

– Обаа, – со стоном выдохнул Ножка, – вуду. Ты что думал, все черные баптисты?

– Так. А Епифания? Она тут при чем?

– Она мамбо, как ее мать была. В нее вселяются могучие духи и говорят с нами. Она с десяти лет в хамфо ходит. В тринадцать уже жрицей была.

– Это когда Евангелина заболела?

– Вроде того.

Я протянул Ножке сигарету, но тот покачал головой. Я закурил и задал новый вопрос:

– А Фаворит этим вашим вуду баловался?

– А ты что думаешь, он с мамбо просто так жил?

– И на радения ваши ходил?

– Конечно, ходил. Много раз. Он был хунси-босал.

– Кто?

– Хунси-босал. Посвященный, но некрещеный.

– А крещеных как зовут?

– Хунси-канзо.

– Ты-то, небось, канзо?

Ножка кивнул.

– Я уж давно крещеный.

– И когда ты его последний раз видел на ваших куроципаниях?

– Говорю тебе: до войны еще.

– Так. А куриная нога? С бантиком, на пианино. Что сей сон значит?

– Значит, болтаю много.

– Про Джонни?

– Про все сразу.

– Что-то ты, Ножка, темнишь. – Я дунул ему в лицо сигаретным дымом. – В гипсе играть не приходилось?

Ножка привстал было, но тут же скривился и повалился обратно на оттоманку.

– Ты что! Ты же не станешь...

– Стану, если понадобится. Я пальцы ломаю, как ты галеты.

В глазах старика Ножки промелькнул нешуточный страх. Я хрустнул костяшками для пущей убедительности.

– Не надо! Я тебе что хочешь скажу, я ведь с самого начала тебе правду говорил.

– Видел Фаворита в последние пятнадцать лет?

– Нет.

– А Евангелина? Не говорила, что, мол, видела, встречалась?

– Не слышал. В последний раз она его лет восемь назад поминала, а то и десять. Я еще запомнил, потому что тогда профессор приезжал. Он книгу писал про Обеа, ну и ему там что-то нужно было, вопросы какие-то. Евангелина ему говорит: белых в хамфо не пускают. А я ее решил подколоть, говорю: только если они поют хорошо.

– А она что?

– погоди, не гони. А что она? Не засмеялась, но и злиться особо не стала. Говорит мне: «Слушай, Ножка, если бы Джонни был жив, – был бы хорошим хунганом. Только это не значит, что я каждого белого писаку буду пускать, если ему в голову взбредет явиться в хамфо». Так что для нее он уж точно умер.

– Хорошо, на этот раз поверю. Что это у тебя за штука на зубе?

Ножка скривился. В свете люстры блеснула белая звездочка.

– Чтоб сразу ясно было, что я черный. Чтоб уж точно.

– А вверх ногами зачем?

– Так красивей.

Я положил на телевизор карточку агентства.

– Вот смотри, карточка, на ней – телефон. Что узнаешь – звони.

– У меня и так бед хватает.

– Как знать, как знать. Может, и пригожусь тебе, коли еще кто курицу в подарок пришлет.

На востоке темное небо порозовело, как девочка из церковного хора. По дороге к машине я достал из кармана бритву с перламутровой рукоятью и выкинул в урну.

Глава 18

Когда я наконец добрался до постели, солнце уже светило вовсю. Я проспал почти до полудня, несмотря на кошмары. В это утро мне приснились вещи позавлекательней любого фильма ужасов. Огромным сердцем стучал барабан. Радеющие стонали. Епифания перерезала петуху горло, и птица забилась, извергая алый фонтан. Кровь текла и текла. Это было как ливень в тропиках, все вокруг напиталось кровью, и радеющие тонули в ней один за другим. Когда волны сомкнулись над головой Епифании, я побежал, скользя в липкой жиже.

Ослепнув от ужаса, я бежал по пустым ночным улицам. По сторонам громоздились пирамиды из мусорных баков, крысы размером с бульдога следили за мной из сточных люков. Воздух пах гнилью. Я бежал и бежал, и вот уже не за мной гнались, а я догонял кого-то, чья тень мелькала далеко впереди в перспективе бесконечных незнакомых улиц.

Я бежал изо всех сил, но не мог его догнать. Он ускользал от меня. Потом улицы кончились, и я гнал его по песчаному берегу, усеянному обломками кораблей и дохлой рыбой.

Впереди поднялась огромная морская раковина высотой с небоскреб. Незнакомец вбежал в нее. Я – за ним.

Внутри было высоко и гулко, как в перламутровом чреве собора. Мы бежали по спирали, стены сдвигались, и за последним поворотом я налетел на него. За его спиной содрогалась огромная плоть моллюска. Выхода не было.

Я схватил его за шиворот и развернул лицом к себе, вдавив в слизистую массу. На меня смотрел мой двойник, лицо из зеркала. Он обнял меня, как брата, и поцеловал в щеку. Господи, те же глаза, подбородок, нос. В груди стало легко и нежно. И тут он вцепился в меня зубами. Братский поцелуй перешел в свирепый укус. Его руки сомкнулись у меня на горле.

Я попытался оттолкнуть его, мы стали падать. Я шарил рукой по его лицу, добираясь до глаз. Потом мы повалились на твердый перламутр. Я вогнал большие пальцы ему в белки, и он отпустил мое горло. За все это время он не издал ни звука. Лицо его странно подавалось под моими пальцами, знакомые черты растекались сырым тестом. Это был сгусток плоти без кости и хряща, руки вязли в нем, как в пудинге с нутряным салом. Я проснулся от собственного крика.

Горячий душ успокоил мне нервы. За двадцать минут я побрился, оделся и выехал в город. Я оставил «шевроле» в гараже и прошелся до киоска с пригородными газетами, что на углу небоскреба «Таймс». На первой странице «Нью-Йоркера Покипси» за понедельник была фотография доктора Альберта Фаулера. «Смерть известного врача».

На углу Парамант-билдинг есть аптекарский магазин Велана (он же забегаловка). Я зашел туда, заказал завтрак и за завтраком прочитал статью. В ней говорилось, что смерть Фаулера признана самоубийством, хотя предсмертную записку обнаружить не удалось. Тело нашли в понедельник. Двое коллег Фаулера, обеспокоенные тем, что он не явился в клинику и не подходит к телефону, зашли к нему домой. В общем и целом, подробности были переданы верно. Женщина на фотографии, которую Фаулер прижимал к груди, была его жена. Ни о морфии, ни о пропавшем кольце ничего не говорилось. О содержимом карманов Фаулера газета не сообщала, так что сам ли он снял кольцо или ему помогли, было неясно.

Я выпил еще чашку кофе и пошел в контору за почтой. Мне пришел обычный набор дешевых проспектов и письмо от некоего господина из Пенсильвании, обещавшего за десять долларов выслать мне брошюру с инструкциями по анализу сигаретного пепла. Я сгреб все в мусорную корзину и задумался над дальнейшим планом действий. Нужно было бы съездить на Кони-Айленд и попытаться найти мадам Зору, любимую гадалку Джонни Фаворита, но потом мне в голову пришла другая идея. Что, если еще раз наведаться в Гарлем? Чем черт не шутит – Епифания Праудфут еще многое может мне рассказать.

Я достал из сейфа свой дипломат и уже застегивал пальто, когда зазвонил телефон. «Междугородняя служба. Вас вызывает Корнелиус Симпсон. Звонок за ваш счет». Я сказал девушке, что согласен все оплатить. На том конце раздался мужской голос:

– Мне горничная передала, что вы звонили. Ей показалось, что дело срочное.

– Вы – Корнелиус Симпсон?

– Он самый.

– Я хотел бы задать вам несколько вопросов о Джонни Фаворите.

– А что за вопросы?

– В последние пятнадцать лет вы его видели?

Симпсон рассмеялся.

– В последний раз я его видел на другой день после Пёрл-Харбора.

– А что тут смешного?

– Ничего. С Фаворитом скорей плакать надо.

– Так что ж вы смеетесь?

– А вот как раз чтобы не плакать. Когда он ушел, знаете, во сколько мне это влетело? Чем рыдать, лучше уж посмеяться... Так что вам нужно?

– Я пишу статью для «Лук» о забытых певцах сороковых годов. Джонни у меня первый в списке.

– А я его изо всех списков вычеркнул.

– Вот и хорошо. Если бы я разговаривал только с теми, кто его любил, статья получилась бы скучная.

– А его никто не любил.

– Может, вы мне расскажете, что у него было с Евангелиной Праудфут? У него же была какая-то из Вест-Индии?

– Понятия не имею. В первый раз слышу.

– Вы знаете, что он занимался вуду?

– Это куклы, булавки и прочая дребедень? Может быть. С него станется: он вечно с какой-то чертовщиной носился.

– То есть?

– Ну, например... А вот был случай. Мы были на гастролях – где, уже не помню – так вот, я смотрю, он на крыше голубей ловит. С такой сеткой еще, как собачник из мультиков. Ну, я подумал, мало ли, может, ему кормежка в отеле не нравится. Потом отыграли, захожу к нему в номер, а у него этот голубь лежит на столе, весь разрезанный, и он у него в кишках карандашом копается.

– Что за бред?

– Вот и я его спросил. Он сказал какое-то иностранное слово, я сейчас не помню уже. Я ему: переведи, а он говорит, что это гадание. Якобы в Древнем Риме так жрецы гадали.

– Что-то больно на черную магию смахивает.

Паук засмеялся.

– Точно. Не одно, так другое: то кишки эти, то йога, то еще чайнки какие-то, гадалки – черт-те что. У него еще кольцо было золотое, толстенное, с какими-то еврейскими надписями. Сам-то он вроде не еврей был.

– А кто?

– А черт его знает. Розенкрейцер какой-то. Он еще с собой череп возил в чемодане.

– Человеческий?

– Одно время и человеческий был. Якобы из могилы какого-то типа, который десять человек убил. Джонни говорил, что он ему силу дает.

– Похоже, он вас разыгрывал.

– Может, и так. Хотя ведь он перед каждым концертом часами на него пялился. Много-много для розыгрыша.

– А вы не знали Маргарет Крузмарк?

– Маргарет... как вы сказали?

– Невесту его.

– А-а, это из высшего общества? Видел пару раз. А что?

– Какая она была?

– Красивая. Молчала все время. Знаете, такие девушки бывают: смотрит в глаза и молчит.

– Я слышал, она гадала хорошо.

– Может быть, не знаю. Мне, по крайней мере, она ничего не нагадала.

– А почему они разошлись?

– Понятия не имею.

– А старые друзья? Есть кто-нибудь, кто все это знает?

– Да говорю же: не было у него друзей. Только череп разве.

– А Эдвард Келли?

– Не слышал. Был один Келли в Канзас-Сити, на фортепьяно играл, но Фаворита тогда и в помине не было.

– Ну, спасибо за разговор. Вы мне очень помогли.

– Не за что.

На этом мы распрощались.

Глава 19

Объезжая выбоины, я добрался по Вестсайдскому шоссе до Сто двадцать пятой улицы и покатил на восток, мимо гостиницы «Тереза», мимо гарлемских кинотеатров «Риальто» и «Аполлон», пока не выехал на Ленокс-авеню. Неоновая вывеска в витрине аптеки мисс Праудфут была погашена. Окошко на входной двери закрывала длинная зеленая штора, а к стеклу липкой лентой была приклеена картонная табличка: «Сегодня аптека не работает». Действительно, все заперто, и ни гласа, ни воздыхания.

Я обнаружил телефон в соседней забегаловке и поискал в справочнике номер Епифании, но там значилась только аптека. Я позвонил, но никто не ответил. Тогда я нашел телефон Эдисона Свита, набрал первые четыре цифры, но передумал. Лучше нагряться без звонка: так больше шансов его разговорить. Спустя десять минут я припарковал машину на Сто пятьдесят второй улице как раз напротив его дома.

У подъезда молодая женщина с двумя ревушими отпрысками у ног рылась в сумочке в поисках ключа, одновременно удерживая пакет с покупками.

– Вам помочь? – спросил я и подержал ей пакет, пока она открывала дверь.

Женщина жила на первом этаже. Я отдал ей ее покупки, она поблагодарила меня с усталой улыбкой. Дети шмыгали носами, вцепившись в ее пальто, и таращились на меня снизу карими глазницами.

Я поднялся на третий этаж и, удостоверившись, что на площадке никого нет, нагнулся изучить конструкцию Ножкиного замка. Выяснилось, что дверь не заперта. Я поддал ее ногой, и моему взору предстала стена, с ярко-красным пятном, как на тестах Роршаха. Может, и краска, конечно, но что-то не похоже.

Я попятился и спиной навалился на дверь. Щелкнул замок.

В комнате царил разгром, на сбитом в гармошку ковре валялась перевернутая мебель. Видимо, драка была нешуточная. В углу лежала полка с цветочными горшками. Проволока на карнизе прогнулась римской пятеркой, и занавески повисли складками, как чулки у проститутки на десятый день кутежа. Посреди хаоса стоял уцелевший телевизор, и на его экране медсестра из сериала обсуждала с внимательным практикантом превратности адюльтера.

Ни к чему не притрагиваясь, я меж опрокинутых кресел пробрался на кухню. Тут не было никаких следов борьбы, на столе с пластиковой столешницей стояла чашка с остывшим черным кофе. Если забыть кавардак в гостиной, все было очень по-домашнему.

По ту сторону бормочущего телевизора был короткий темный коридор и закрытая дверь. Я натянул резиновые перчатки и повернул ручку. Когда я заглянул внутрь, мне очень захотелось выпить.

На узкой кровати лежал Ножка. Его руки и ноги были привязаны к столбикам бельевого веревкой. Он был мертв – мертвое не бывает. К толстому животу прилип мятый, пропитавшийся кровью фланелевый халат. Простыни, жесткие от крови, словно накрахмаленные, сбились складками.

Перед смертью Ножку здорово обработали. Глаза его вылезли из орбит, белки пожелтели, как старинные бильярдные шары из слоновой кости. Рот был открыт, и оттуда торчало что-то похожее на толстый кусок кровяной колбасы. Диагноз ясен и без вскрытия: смерть от удусения.

Я нагнулся, чтобы разглядеть, что торчит из распухших губ, и почувствовал, что одного стакана будет мало. Ножка подавился собственным членом.

Внизу во дворе смеялись дети.

Ничто на свете не заставило бы меня приподнять потемневшую полу халата. Я и так знал, откуда взялось орудие убийства. Стена над кроватью была изрисована детскими каракулями.

Ножкиной кровью были выведены звезды, спирали, длинные ломаные линии-змеи. Все три звезды были пятиконечные и смотрели верхушкой вниз. Многовато стало падающих звезд.

Пора было выметаться. Ничего хорошего мне тут не высидеть. И все же, повинуюсь сыщицкому инстинкту, я сперва проверил комод и платяной шкаф. Минут за десять я обыскал всю комнату, но ничего интересного не нашел.

Свит глядел на меня невидящими глазами. Я попрощался с мертвым Ножкой и закрыл дверь. У меня пересохло в горле, язык не ворочался: господи, умереть с собственным хозяйством во рту! Надо было бы еще осмотреть гостиную, но на полу слишком много всего валялось, и я боялся, что останутся следы ботинок. На телевизоре уже не было моей карточки, и в вещах Ножки я ее не нашел. В кухне я видел пустой бумажный мешок, значит, мусор уже выносили. Я надеялся, что моя карточка покоится на дне бака.

Прежде чем выйти на лестничную площадку, я посмотрел в глазок. Никого. Я оставил дверь чуть приоткрытой, как раньше, стянул перчатки и сунул обратно в дипломат из телячьей кожи. Постоял немного на площадке, прислушиваясь. Полная тишина, на лестнице никого. Женщина с первого этажа, наверно, запомнила меня, но тут уж ничего не поделаешь.

Незамеченный, я спустился по лестнице. На улице никого не было, лишь какие-то малыши играли в классики. Они не обратили на меня внимания.

Глава 20

Три порции неразбавленного виски успокоили меня и настроили на философский лад. Я сидел спиной к телевизору в каком-то тихом местном барчике (не то «У Фредди», не то «У Тедди») и обдумывал положение.

Теперь у меня на руках было уже два трупа. Фаулер и Ножка знали Джонни Фаворита и носили пятиконечные звездочки. Интересно, на месте ли Ножкин зуб с коронкой или же его постигла участь докторского кольца? Вопрос интересный, но не настолько уж, чтобы вернуться и проверить. Ну хорошо. Звездочки могут быть и совпадением: в конце концов, не такой уж редкий символ. Доктор-морфинист и негр, играющий джаз, были знакомы с Джонни – опять-таки совпадение возможно. И все же я нутром чуял, что за этим стоит что-то большее. Неизмеримо большее. Я сгрел сдачу с мокрой стойки и отправился защищать интересы Луи Цифера.

Поездка на Кони-Айленд подняла мне настроение и отвлекла от дурных мыслей. До часа пик было еще далеко, и на шоссе Рузвельта и в тоннеле Бэттери машин было немного. Проезжая по Парковой автостраде, я открыл окно, и в салон стал задувать холодный ветерок с пролива. К тому времени, как я выехал на Кропси-авеню, запах крови больше не преследовал меня.

Я проехал Восточной Семнадцатой улицей до Серф-авеню и припарковался возле «Автодрома». Площадку, где застыли крошечные автомобили с толстыми резиновыми бамперами, окружал дощатый забор. Кони-Айленд, веселый и яркий в сезон аттракционов, казался городом-призраком. Деревянно-металлическая паутина американских горок возносилась к небу, но не слышно было воплей катающейся публики. Только ветер подвывал, скользя между стойками, одиноко, как паровозный гудок.

Какие-то бедолаги шатались по улицам, ища, чем заняться. Ветер гонял газетные листы по широким пустым тротуарам, словно перекасти-поле. Над ними невысоко летали две чайки, высматривая внизу какой-нибудь съедобный мусор. Вдоль улицы стояли киоски, торгующие сахарной ватой, комнаты смеха, рулеточные балаганчики – все наглухо заколоченные, ни дать, ни взять клоуны без грима.

Зато киоск «У Натана» под яркой вывеской с крупными буквами был, как всегда, открыт. Я остановился, купил хот-дог и пиво в картонном стаканчике. Продавец, судя по виду, работал здесь еще со времен Луна-парка.

– Слушай, ты не слыхал о такой гадалке – мадам Зоре?

– Как-как?

– Мадам Зора. Лет пятнадцать назад народ к ней валом валил.

– Не-е. Я тут год всего работаю. Ты лучше спроси про паром до Статен Айленда²⁴. Я пятнадцать лет отстоял за прилавком на «Матери ветерана». Ну давай, спроси что-нибудь!

– Почему ты с парома ушел?

– Плавать не умею.

– И что?

– Утонуть боялся. Сколько можно судьбу искушать?

Он улыбнулся, показав мне четыре дула во рту. Я запихнул в себя остаток хот-дога и побрел дальше, прихлебывая пиво.

Улочка Бовери, что между Серф-авеню и Бордвоком, больше походила на ярмарку с цирком и увеселениями. Я брел меж двух рядов притихших аттракционов и думал, что мне теперь предпринять. Цыган спрашивать бесполезно: у них конспирация покрепче, чем у Ку-клукс-

²⁴ На острове Статен расположены парки, музейный комплекс, старинный форт и пр.

клана в Джорджии. Эти тебе ничего не скажут. Значит, буду бродить здесь, пока не найду кого-нибудь, кто не только помнит мадам Зору, но и захочет поделиться воспоминаниями.

Для начала я решил повидать Дэнни Дринана – удалившегося от дел жулика, содержащего ныне захудалый паноптикум на углу Тринадцатой и Бовери. Я познакомился с ним в пятьдесят втором, когда он только-только вышел из тюрьмы, где отсидел четыре года. Федеральное бюро расследований хотело привязать его к делу о фондовых махинациях, но бедняга Дэнни был только зицпредседателем при Пиви и Манро, затейниках с Уолл-стрит. Я в то время работал на одну из жертв их искусства и мимоходом приложил руку к раскрытию дела. Так Дэнни попал ко мне в должники и теперь время от времени давал мне сведения о разных темных личностях.

Узкое одноэтажное здание паноптикума было зажато между пиццерией и галереей игровых автоматов. Фасад его украшала афиша, на которой полуметровыми ярко-красными буквами было написано:

«Спешите видеть:
галерея американских президентов;
пятьдесят знаменитых душегубов;
убийство Линкольна и Гарфилда²⁵;
Диллинджер²⁶ в морге;
Толстяк Арбакл²⁷ в суде.
Поразительно! Поучительно!
Как живые!»

В билетной кассе древняя гарпия с крашенными хной патлами раскладывала пасьянс механическим движением гадательных автоматов из соседнего заведения.

– Дэнни Дринан здесь?

– Там, внутри, – проскрипела она, вытягивая из-под низа колоды крестового валета. – С витриной возится.

– Можно зайти? Мне с ним поговорить надо.

– Все равно плати четвертак. – Гарпия кивнула усохшей головой в сторону картонной таблички «Вход – двадцать пять центов».

Я порылся в кармане, извлек монету и подсунул ее под зарешеченное окошко.

Паноптикум вонял застоявшейся дрянью из канализации. На провисшем фанерном потолке расплывались рыжие пятна. Покоробленные половицы стонали и скрипели. В стеклянных витринах вдоль стен натужно замерли восковые люди, словно армия деревянных индейцев, украшающих табачные магазины.

Сперва моему взору предстала галерея президентов – двойники больших начальников, облаченные в водевильные обноски. После Рузвельта пошли убийцы. Я шел в лабиринте кошмаров. Холл-Миллз, Снайдер-Грэй, Бруно Хауптман, Винни Рут Джадд, убийцы Одиноких сердец – все они были тут, размахивали гирьками и пилами для разделки мяса, прятали в сундуки руки и ноги своих жертв, плыли океанами бутафорской крови.

В дальнем конце зала я обнаружил Дэнни. Мой приятель стоял на четвереньках в одной из витрин. Это был маленький человечек в выцветшей синей блузе и серых в точку шерстя-

²⁵ Джеймс Эйбрам Гарфилд (1831–1881) – двадцатый американский президент. Убит неким Ч. Гито. Мотивом убийства послужила личная месть.

²⁶ Джон Герберт Диллинджер (1903–1934) – удачливый грабитель банков, «враг общества номер один». В 1934 году был выслежен и убит агентами ФБР. До сих пор существует версия, что в тот день погиб другой человек, а Диллинджеру удалось уйти. У убитого действительно был другой цвет глаз, чем у Диллинджера, и не было шрамов на теле.

²⁷ Роско Арбакл (1887–1933) – известный комический актер немого кино. Был судим по обвинению в изнасиловании. Несмотря на оправдательный приговор, после процесса уже не смог вернуть былую популярность.

ных штанах. Нос пуговкой и редкие светлые усики придавали Дэнни сходство с испуганным хомячком. К тому же когда он говорил, то часто-часто мигал глазами, точь-в-точь как хомячок.

Я постучал в стекло. Дэнни поднял голову и улыбнулся мне, не выпуская изо рта добрый десяток обивочных гвоздей. Он пробубнил что-то неразборчивое, отложил молоток и вылез в маленькое окошечко в задней части витрины. Он как раз воплощал в воске сцену убийства Альберта Анастазии²⁸ в парикмахерской. Знаменитый глава «Корпорации убийц» сидел в кресле закутанный в простыню, двое типов в масках наставляли на него револьверы, а парикмахер преспокойно стоял на заднем плане, поджидая нового клиента.

– Привет, Гарри! – весело сказал Дэнни, неожиданно возникнув у меня за спиной. – Как тебе мой последний шедевр?

– Они у тебя параличные, что ли? Кто там – Умберто Анастазия?

– Да ладно тебе брюзжать. Узнал же? Значит, не так уж и плохо.

– Узнал, как раз вчера был в «Парк Шератоне».

– Вот. Будет у меня гвоздем сезона.

– Опоздал. Год прошел, про него уж забыли все.

Дэнни нервно мигнул.

– Парикмахерское кресло – недешевая вещь, Гарри. В прошлый сезон у меня на обновления денег не было... Слушай, а ведь «Шератону» везет на такие дела: знаешь, что там в двадцать восьмом Ротштейна²⁹ застрелили? Только он тогда еще назывался «Парк Централ». У меня, кстати, и Ротштейн есть. Пойдем, покажу.

– Потом как-нибудь. Мне пока настоящих покойников хватает.

– Надо думать. А что тебя к нам занесло? Хотя, что я спрашиваю – и так понятно.

– А коли понятно, так рассказывай.

– А что рассказывать-то? Я ж ведь не знаю ничего, – запинаясь, забормотал он, и глазки его замигали, как сумасшедшие светофоры. – Просто подумал, раз ты здесь, значит, хочешь что-то спросить...

– Хочу. Знаешь ты что-нибудь про ясновидящую мадам Зору? Она тут на главной улице работала годам в сороковых, в начале.

– О, тут я пас. Я тогда проворачивал аферу с недвижимостью во Флориде. Не афера – конфетка! Золотое было времечко...

Я вытряс из пачки сигарету и протянул было пачку Дэнни, но тот покачал головой.

– Да нет, Дэнни, я не думал, что ты ее лично знал. – Я закурил. – Но ведь ты же тут пообтерся уже? Кто здесь у вас старожилы? Кто может помнить?

Дэнни озадаченно поскреб затылок:

– Я подумаю, конечно, только дело-то вот в чем: у кого деньги есть, почти все сейчас на Бермудах или еще где. Эх, если бы не счета, я бы сам сейчас на солнышке грелся! Нет, я не жалуюсь: после тюрьмы Брайтон-бич – что твои Бермуды.

– Но кто-то же должен быть. Не один же ты тут со своим музеем.

– О! Ты сказал – я вспомнил. Тебе знаешь, к кому надо наведаться? Тут на Десятой, поближе к Бордвоку, есть театр уродцев. Они обычно в это время по циркам работают, но там все уже старые – пенсионеры, считай. Эти по курортам не ездят: особой охоты нет на публике показываться.

– Как это все называется?

– «Чудеса у Вальтера». Только хозяин там не Вальтер, а Хаггарти. Ну, этого ты сразу узнаешь: весь в татуировках, кожи не видно.

²⁸ Альберт Анастазия (1902–1957) – знаменитый преступник. Возглавляемая им «Корпорация убийц» была подразделением «Коза ностры». Последние шесть лет жизни был главой «семьи». В 1957 году убит братьями Галло, лучшими наемными убийцами «Коза ностры», в парикмахерской при отеле «Парк Шератон».

²⁹ Арнольд Ротштейн (1882–1928) – глава банды гангстеров, аферист и бутлегер. Застрелен «коллегой» – аферистом.

– Дэнни, ты кладезь!

Глава 21

Вальтеровы чудеса располагались на Десятой улице рядом с въездом на Бродвок и в еще большей степени, нежели их соседи, напоминали старинный бродячий балаганчик. Фасад невысокого здания был разукрашен флажками и плакатами, на которых весьма безыскусно были изображены живые экспонаты. Огромные полотна с карикатурной простотой выставляли напоказ человеческое уродство. Наивность живописца искупала жестокость замысла.

«Вот так туша!» – кричали буквы на плакате. Под ними толстуха размером с дирижабль прикрывала арбузоподобную голову крошечным зонтиком. Человек-татуировка («Красота требует жертв!») висел между мальчиком-собакой по имени Джо-джо и бородатой принцессой Софией. Тут же были намалеваны гермафродит, девушка, обвитая змеями, человек-тюлень и великан в смокинге.

В окошечке кассы красовалась табличка: «Открыто только по вых. дням». Вход был пере-тянут цепью, наподобие бархатного каната, преграждающего простым смертным путь в ночной клуб, но я поднырнул под нее и вошел.

Внутренность балагана освещалась только мутным окошком на потолке, но я сумел раз-глядеть множество окаймленных флажками платформ по двум стенам. Воздух пропах потом и печалью. В дальнем конце виднелась полоска света, пробившегося из-под закрытой двери. Я постучал.

– Открыто.

Я повернул ручку и оказался в большой пустынной комнате. Несколько просевших, выдавших виды диванов и пестрые цирковые плакаты, развешанные по пятнистым от сырости стенам, создавали подобие домашней обстановки. На диване, казавшемся детским креслицем, восседала толстуха с плаката. Миниатюрная дама с курчавой черной бородой, выющейся по скромному розовенькому платью, увлеченно склонилась над наполовину сложенной голово-ломкой.

Под лампой с пыльным, обтрепанным абажуром привычно играли в покер четыре неле-пых и странных существа. Человек-рыбка с ладонями и ступнями, растущими прямо из туло-вища, сидел, как шалтай-болтай, на большой подушке и держал карты в своих плавничках. Рядом с ним пристроился великан. В его ручищах обыкновенные игральные карты казались не больше почтовых марок. Банкомет был весь покрыт какими-то струпьями, словно затянут в крокодилью кожу.

– Ну, ходишь или нет? – грозно спросил он у иссохшего карлика в майке без рукавов. Карлик был покрыт таким количеством татуировок, что казалось, будто он одет в какой-то при-чудливый обтягивающий костюм. Знаменитый Хаггарти не был похож на своего пестрого двой-ника с плаката: его бледные, словно выцветшие, узоры были лишь линялой копией рекламных чудес.

Окинув взглядом мой дипломат, карлик рявкнул:

– Проваливай, не интересуюсь!

– Я не агент, – ответил я. – Так что ни страхование жизни, ни патентованные громоотводы вам сегодня не грозят.

– Так чего тебе тогда надо? Посмотреть за бесплатно?

– А вы, наверное, мистер Хаггарти? Мне друг сказал, что вы мне можете помочь, под-сказать кое-что.

– Что еще за друг? – спросил разноцветный мистер Хаггарти.

– Дэнни Дринан. У него тут паноптикум за углом.

– А-а, знаю такого. Аферист паршивый. – Карлик харкнул в мусорное ведро и тут же осклабился, чтобы показать, что шутит. – Друг Дэнни – мой друг. Говори, что там у тебя. Чем смогу – помогу.

– Можно есть?

– Приземляйся! – Хаггарты ногой подтолкнул ко мне складное кресло.

Я уселся между ним и великаном, кисло глядевшим на нас с высоты, словно Гулливер на лилипутов.

– Я ищу цыганку мадам Зору, – сказал я, поставив на пол дипломат и зажав его ботинками. – Она тут гадала, до войны к ней народ толпами шел.

– Не припомню что-то, – сказал Хаггарты. – А вы? – Он обернулся к своим товарищам.

– Одно время была такая госпожа Мун, на чайниках гадала, – пропищал человек-рыбка.

– Так то китаянка была, – проворчал великан. – Она потом вышла замуж за аукциониста и уехала в Толедо.

– А зачем она тебе? – спросил человек-крокодил.

– Да она знала парня, которого я ищу. Вот, думал, может, подскажет мне что-нибудь.

– Ты что, сыщик?

Я кивнул. Начни я запираюсь, было бы еще хуже.

– Сыщик, значит. – Хаггарты опять сплюнул. – А что? Всем как-то жить надо.

– Шпиков не перевариваю, – буркнул великан.

– Не перевариваешь, так не ешь.

Мой критик недовольно крикнул и умолк, а Хаггарты расхохотался и треснул по столу кулаком в красно-синих узорах, развалив столбики фишек.

– Я знала Зору.

Это сказала толстуха. Ее голос был нежнее звона фарфоровых чашечек, он словно дышал магнолией и жимолостью.

– Только она была такая же цыганка, как мы с вами.

– Вы уверены?

– Конечно. Эл Джолсон³⁰ вон черной краской мазался, а негром от этого не стал.

– И где она сейчас?

– Не знаю. С тех пор как она отсюда снялась, я ее не видела.

– А когда снялась?

– В сорок втором, весной. Взяла и ушла. Бросила тут все, даже ни с кем не попрощалась.

– Расскажите мне о ней?

– Да мне и рассказать-то особо нечего. Мы с ней иногда кофе пили, болтали о погоде, о том, о сем...

– А про Джонни Фаворита она вам ничего не говорила?

Толстуха улыбнулась – где-то там, внутри этой груды сала, мне улыбнулась маленькая девочка, которой подарили нарядное платье.

– Джонни Золотое Горлышко! Душка, настоящий фаворит, – счастливо улыбаясь, она напела старую песенку. – Я как-то читала в газете, что Зора ему гадала. Хотела ее расспросить, но она ни в какую. Небось, у них как у священников: тайна исповеди.

– А еще что-нибудь помните? Хоть что-нибудь?

– Не знаю, как вам и помочь. Мы ведь с ней не сказать, чтоб подруги-то были. Ой! Вам знаете, с кем надо поговорить...

– С кем?

– С Полом Больцем. Он у нее зазывалой работал. Он до сих пор здесь.

³⁰ Эл Джолсон – настоящее имя Аса Йолдон (1886–1950) – уроженец Литвы, популярный комический актер, часто выступавший в черном гриме. В 1927 году снялся в первом в мире звуковом фильме.

- А где его искать?
- Как в «Стипель-чез» идти, знаете? Он там сторожем.
Толстуха, как веером, обмахнулась телевизионным журналом.
- Послушай, Хаггарты, а нельзя как-нибудь отопление убавить? А то тут жара, как в Африке, я растаю скоро.
Хаггарты расхохотался:
- Я тебе растаю! Ты ж нас всех тут утопишь к чертовой бабушке!

Глава 22

На Бродвоке и на Брайтон-бич не было ни души. Там, где летом сплошным тюлевым лежбищем потели многочисленные отдыхающие, теперь бродили только несколько целеустремленных стервятников с палками для изыскания в песке бутылок от газировки. Сразу за стервятниками начинался чугунного цвета Атлантический океан. Черные буруны налетали на волнорезы, брызгая свинцовой пеной.

Парк «Стипл-чез» занимал десять гектаров. Над огромным стеклянным павильоном шестидесятиметровым зонтиком торчала парашютная вышка, оставшаяся после всемирной ярмарки тридцать девятого года.

Вывеска над входом зазывала: «Заходи, повеселимся!» Чуть пониже была намалевана ослабленная физиономия Джорджа Тилью – отца-основателя заведения. В несезон «Стипл-чез» мало располагает к веселью, и, глядя на Джорджеву улыбку, я не смог доискаться причин его искрометного оптимизма.

Я нашел подходящую дыру в сетчатой ограде, пролез внутрь и, подергав ручку входной двери, стукнул кулаком по стеклу. В пустом и гулком павильоне прокатился грохот, как будто дюжина полтергейстов затеяла попойку с танцами. Не спи, старик! Проспишь царствие небесное! Я двинулся вдоль стены, не забывая лупить ладонью по стеклу.

Завернул за угол и уперся лбом в дуло револьвера. Это был полицейский кольт тридцать восьмого калибра, но мне он показался чуть ли не Большой Бертой³¹.

Револьвер был зажат в бестрепетной длани старика в бурой униформе. Поверх носа, напоминающего головку столярного молотка, на меня уставилась пара свинячьих глазок.

– Замри! – приказал старик.

Близость револьвера давала странный эффект: голос сторожа доносился до меня как будто из-под воды. Я замер.

– Вы, наверное, мистер Больц? Пол Больц, да?

– Не твое дело! Ты кто такой?

– Меня зовут Ангел. Я частный детектив. Я сейчас расследую одно дело, хотел задать вам пару вопросов.

– Детектив? Чем докажешь?

Я полез было за бумажником, но в ту же секунду ствол красноречиво уперся мне в пряжку ремня.

– Левой доставай! – рявкнул Больц.

Я взял дипломат в правую руку и левой вынул бумажник.

– Брось на землю и два шага назад.

– Вышел месяц из тумана, вынул пушку из кармана...

– Чего? – Продолжая целиться мне в пупок, Больц нагнулся и поднял бумажник.

– Ничего. Так, сам с собой разговариваю. Расстегните кармашек, там сразу сверху копия удостоверения.

– Так... Значок? Барахло. У меня дома таких жестянок валяется – во, по горло.

– Да бог с ним, со значком. Я и не говорю, что он настоящий. Вы копию посмотрите.

Страж молча перебирал визитки в классере, свиные глазки бегали по строчкам. Я хотел было врезать ему, но передумал.

– Ну хорошо, убедил. Что тебе от меня надо?

– Вы – Пол Больц?

– Допустим. Дальше что? – Он швырнул бумажник мне под ноги.

³¹ Немецкая пушка времен Первой мировой войны.

Я нагнулся и подобрал его левой рукой.

– Слушайте, у меня сегодня денек выдался – не дай бог. Уберите револьвер. Я же сказал: мне надо с вами поговорить. Я по-человечески прошу.

Больш оgleдел револьвер, словно прикидывая, хорош ли он будет в жареном виде под соусом, потом спрятал его в кобуру, но застегивать ее не стал – с намеком.

– Ладно, я Больш. Выкладывай, чего у тебя там?

– Вообще-то, холодно. Тут зайти некуда?

Больш мотнул своей кривой тыквой, мол, иди первый. Я пошел, и он двинулся следом в полшаге от меня. Спустившись по короткой лестнице, я уперся в дверь с надписью «Не входить».

– Давай, там открыто, – сказал Больш.

Наши шаги пушечными выстрелами отдавались в пустом павильоне. Ну и аэродром! Сюда спокойно поместилась бы парочка ангаров и еще пяток баскетбольных залов. Большая часть аттракционов осталась еще от старых, немеханизированных времен. В дальней части павильона блестящим черным водопадом извивался желоб большой деревянной горки. Еще одна, под названием «Водоворот», начиналась у самого потолка и винтом спускалась к «Бильярду» – деревянной площадке с полированными вращающимися дисками. Ну и старина! Эти горки помнят девушек начала века в платьях с огромными рукавами, их элегантных кавалеров в соломенных канотье и каллиопу³², играющую любимые песни наших бабушек.

Мы зашли в комнату смеха и остановились перед первым рядом зеркал.

– Ну что у тебя за дело? – спросил Больш, изучая двух уродцев в зеркале.

– Я ищу цыганку мадам Зору. Вы ведь работали на нее в начале сороковых?

Больш расхохотался, клокоча мокротой. Между увешанных лампочками балок заматались звуки, похожие на лай дрессированного тюленя.

– Э-э, уже ошибочка.

– Что такое?

– Да то, что не цыганка она была.

– Да, я что-то такое слышал, только не знал, правда это или нет.

– Теперь будь уверен. Уж я-то ее делишки знал.

– Можете поподробней?

– Ладно, слушай, говорю как есть: не цыганка она была и не Зора. А была она с самого верха. Вот так.

Да, вот это удар так удар. Я молчал, дожидаясь, когда ко мне вернется дар речи.

– Вы знали ее настоящее имя?

– Что ж я, по-твоему, совсем дурак? Я про нее все знал. Звали ее Маргарет, а фамилия – Крузмарк. У папаши ее больше кораблей, чем в английском военном флоте.

Моя физиономия, и без того растянутая зеркалом, удлинилась еще на полметра. Резиновые губы зашевелились:

– Когда вы ее в последний раз видели?

– В сорок втором, весной. Она тогда раз – и нет ее. А я, как дурак, остался с ее магическим шаром.

– А певец к ней не заходил? Джонни Фаворит?

– Еще как заходил! Она же его любила – как кошка.

– А что она про него говорила – помните?

– Что-то про власть.

– То есть?

– Ну что у него какая-то там власть есть.

³² Американский клавишный инструмент.

– И все?

– Да ты думаешь, я всю эту ерунду слушал? Я в эти их шарлатанские дела не верю, – Большц откашлялся и сглотнул. – Вот Зора – та верила. По-настоящему.

– А Фаворит?

– И он тоже. По глазам видно было.

– Не видели его потом?

– Не видел. Черт его знает: может, он на луну улетел на метле, и Зора вместе с ним.

– А Ножку Свита она не поминала? Это такой негр был, на пианино играл.

– Не.

– Еще помните что-нибудь?

Большц сплюнул между ботинок.

– А что помнить-то? Дело давнее, былшем поросло.

Поскольку других тем для разговора как-то не нашлось, Большц проводил меня до выхода и отпер ворота. Секунду поколебавшись, я все-таки дал ему карточку с номером агентства.

– Если что вспомните – звоните.

Звонить Большц не обещал, но и карточку не порвал. Значит, был шанс.

Я позвонил Миллисент Крузмарк из первой же телефонной будки, но никто не ответил. Ну и черт с ней. И так день задался – не продохнуть. В конце концов, детективы тоже люди, можно и отдохнуть часок. По дороге в Манхэттен зашел в Хайтс и устроил себе рыбный пир в ресторане Гэйджа и Толлнера. После лосося на пару и бутылки холодного шабли жизнь уже не казалась мне путешествием по дну сточной канавы.

Глава 23

Ножка попал на третью страницу «Дейли Ньюс»: «Кровавое жертвоприношение вуду». Об оружии убийства ничего не говорилось. Тут же были две фотографии: выведенные кровью каракули и Ножка, играющий на фортепиано. Труп обнаружил Ножкин же гитарист, заехавший за боссом перед работой. В полиции с него сняли показания и отпустили с миром. Подозреваемых не было, хотя в Гарлеме хорошо знали, что Ножка давно уже был членом тайной секты вуду.

Я оставил машину на стоянке возле гостиницы «Челси» и на метро поехал в центр. В вагоне я и прочитал про Ножку.

Первая остановка – Публичная библиотека. Помотавшись от библиотекаря к библиотекарю, я сумел наконец сформулировать вопрос и был вознагражден телефонным справочником Парижа. Некая М. Крузмарк жила на рю Нотр-Дам-де-Шанз. Я записал все в блокнот.

По дороге в контору я присел на скамейку в парке Брайант, выкурил одну за другой три сигареты и заново выстроил картину событий. У меня было ощущение, что я гоняюсь за тенью. Джонни Фаворит жил в странном, подпольном мире вуду и черной магии. Когда он уходил со сцены, начиналась другая жизнь. Тайная. С черепом в чемодане и невестой-ясновидящей. С посвящением в вуду. Хунси-босал. Ножка заговорил, и его убили. Фаулер тоже был как-то в это замешан. Джонни Фаворит отбрасывал длинную тень.

Когда я добрался до конторы, был уже почти полдень. Я перебрал почту, нашел чек на пятьсот долларов от Пиппина и компании, смел остальное в корзину и позвонил в службу секретарей-телефонисток. Никто мне ничего не передавал. Правда, утром три раза звонила какая-то женщина, отказавшаяся назваться или оставить номер телефона.

Затем я позвонил в Париж Маргарет Крузмарк, вернее, провел двадцать минут в безуспешных попытках ей дозвониться: телефонистка по ту сторону океана повторяла, что номер не отвечает. Далее я связался со Штрейфлингом и поблагодарил за чек. Поверенный поинтересовался, как идут дела, и я ответил, что идут хорошо и что мне надо бы поговорить с Цифером.

– Господин Цифер будет сегодня у меня в конторе по делу, я ему передам.

Я поблагодарил Штрейфлинга, и мы церемонно попрощались.

Я уже натягивал пальто, когда зазвонил телефон. Подхватив трубку на третьем звонке, я услышал голос Епифании Праудфут.

– Мне надо с вами встретиться прямо сейчас, – выдохнула она.

– Что такое?

– Не хочу по телефону.

– Ты откуда звонишь?

– Из аптеки.

– Тогда не торопись. Я сейчас выйду перехвачу что-нибудь, а ты подъезжай ко мне в контору в четверть второго, идет? Как ехать, знаешь?

– У меня ваша карточка.

– Ну и хорошо. Через час жду.

Она молча повесила трубку.

Прежде чем уйти, я решил припрятать чек, полученный от Штрейфлинга. Я встал на колени перед сейфом, и тут в приемной послышался свист пневматической дверной пружины. Клиентам я всегда рад, и на двери у меня под названием конторы написано «добро пожаловать», однако же клиенты, как правило, стучат, прежде чем войти. Если же посетитель вваливается без стука, это означает либо, что он из полиции, либо, что стряслась какая-то неприятность. А иногда и то и другое сразу.

На сей раз незваным гостем оказался полицейский детектив в штатском. Его мятый серый габардиновый плащ был расстегнут и являл свету бурый шерстяной костюм с узкими и короткими брючками, из-под которых выглядывали белые спортивные носки и ботинки в дырочку.

– Ангел? – пролаял полицейский.

– Ангел.

– Я лейтенант Стерн. Это мой напарник сержант Деймос. – Стерн кивнул в сторону двери, где с мрачной миной застыл громила, одетый как портовый грузчик.

Для встречи со мной Деймос надел вязаную шапочку и толстую фланелевую куртку в черно-белую клетку. Он был гладко выбрит, но зарождающаяся щетина уже чернела сквозь кожу, как пороховой ожог.

– Здравствуйте, джентльмены, чем могу служить?

– Ответишь нам на пару вопросов.

Стерн был высокий малый. Его физиономия с тяжелой челюстью и носом, похожим на нос ледокола, воинственно устремлялась в мир поверх сутулых плеч. Когда он говорил, то почти не двигал губами.

– С удовольствием, – ответил я. – А я как раз собирался поесть. Составите мне компанию?

– Лучше здесь поговорим, – сказал Стерн.

Его напарник закрыл дверь.

– Хорошо. – Я зашел за стол и достал из ящика литровую бутылку канадского виски и коробку заветных рождественских сигар.

– Больше, к сожалению, ничего предложить не могу. Бумажные стаканчики там, у водоохладителя.

– На службе не употребляю, – заявил Стерн, загребая целую горсть сигар.

– А на меня не обращайтесь внимания, у меня обед. – Я прошел с бутылкой к водоохладителю, налил себе полстаканчика и добавил на два пальца воды. – Ваше здоровье.

Стерн запихнул свою добычу в нагрудный карман.

– Где ты был вчера в одиннадцать утра?

– Дома был. Спал.

Стерн ухмыльнулся уголком рта.

– Ничего себе жизнь у свободных художников, а, Деймос?

Деймос только крякнул.

– Как это так, а? Все люди в трудах, а ты дрыхнешь...

– Ночью допоздна работал.

– Где именно?

– В Гарлеме. А в чем дело?

Стерн достал что-то из кармана плаща и протянул мне:

– Узнаешь?

– Моя визитка.

– Может, тогда объяснишь, как она попала в квартиру к убитому?

– К Свиту?

– Давай, выкладывай.

Стерн уселся на угол стола и сдвинул серую шляпу на лоб.

– Да выкладывать-то нечего. В Гарлеме я ездил из-за него. Я сейчас веду одно дело и думал, Свит сможет мне помочь. Но оказалось, он толком ничего не знает, – да я, в общем, и не надеялся особенно. А визитку я ему дал на всякий случай: мало ли, вдруг его осенит.

– Что-то маловато. Давай-ка еще раз.

– Ну ладно. Я ищу одного человека. Пятнадцать лет назад он исчез – как в воду канул. Зацепиться почти не за что. Была фотография, где он вместе с Ножкой. Вчера вечером я ездил к Свиту в центр, думал, он мне поможет. Я с ним сперва в «Красном петухе» говорил, но он

что-то темнил. Я дождался, пока они закроются, и проследил за ним. Он пошел в Центральный парк, на шабаш вуду у Гарлемского озера. Плясали-плясали, потом петуха зарезали. Прямо Африка какая-то, честное слово.

– Погоди. Кто петуха зарезал? – спросил Стерн.

– Да черные какие-то. Человек пятнадцать, и мужчины, и женщины. Я, кроме Ножки, не знаю никого.

– И что потом?

– Да ничего. Ножка ушел один, я его проводил до дома и там с ним побеседовал по душам. Он сказал, что, как они сфотографировались, он его больше не видел. Я ему оставил визитку, сказал, чтобы позвонил, если что-то вспомнит. Ну что, теперь довольны?

– Да не особенно. – Стерн равнодушно оглядел свои панцирные ногти. – Как же ты его разговорил?

– На психологии сыграл.

Стерн приподнял брови и посмотрел на меня с таким же выражением, с каким секунду назад взирал на свои ногти.

– А кто этот тип, которого ты ищешь?

– Без согласия клиента я не могу вам дать такие сведения.

– Брось. Много ты на своего клиента наработаешь, если я тебя в участок отправлю. А я отправлю, если запираешься будешь.

– Ну зачем же так сразу? Я работаю на адвоката по фамилии Штрейфлинг и, значит, как и он, имею право вам не отвечать. Ну заберите вы меня, а через час все равно отпустите. Поберегите лучше казенный бензин.

– Давай телефон адвоката.

Я записал номер и полное имя, вырвал из настольного блокнота листок и протянул лейтенанту.

– Все, что знал, я сказал. Судя по статье, его оприходовал кто-то из своих. Если поймаете кого, рад буду помочь при опознании.

– Экой ты добрый, Ангел. – Ухмыльнулся Стерн.

– Что это? – поинтересовался вдруг сержант Деймос.

Все это время он бродил по кабинету, сунув руки в карманы, и тыкал нос куда ни попадя. Его заинтересовал йельский юридический диплом Эрни Кавалеро, висевший в рамке над картотекой.

– Диплом человека, который начинал это дело, – сказал я. – Он уже умер.

– Дорог как память? – не разжимая губ, поинтересовался Стерн. Прямо чревоушатель какой-то.

– Для солидности.

– И что там написано? – спросил Деймос.

– А кто ж его знает? Я в латыни не силен.

– Так это, значит, латынь?

– Она.

– Да хоть иврит, тебе-то что? – заметил Стерн.

Деймос пожал плечами.

– Еще будут вопросы?

Стерн опять уставился на меня своим мертвецким взглядом. Ну и глаза – он, небось, за всю свою жизнь ни разу не улыбнулся. Даже на допросе с пристрастием. Ну да, для него же это работа.

– Нет. Иди, обедай. Право он, видите ли, имеет... Мы тебе, может, позвоним еще, но особо не надейся. Было бы дело стоящее, а так... негра пристукнули. Невелика потеря.

– Звоните, если понадобится.

– Позвоним, не волнуйся. Вежливый какой, а, Деймос?
Мы втиснулись в крошечный лифт и в полном молчании поехали вниз.

Глава 24

Забегаловка Гофа, что на Сорок третьей улице напротив башни «Таймс», была забита до отказа, но я кое-как протиснулся в дальний угол у стойки. Времени у меня было не так уж много, поэтому я заказал ржаной сэндвич с ростбифом и бутылку эля. Несмотря на толпы клиентов, официантки поворачивались быстро, и я уже приканчивал свою бутылку, когда ко мне подошел Уолт Риглер: он, оказывается, тоже был здесь и заметил меня уже на выходе.

– Что привело тебя в сей приют борзописцев, Гарри? – прокричал он, перекрывая гудение насыщающихся журналистов. – Я думал, ты у Дауни обедаешь...

– Стараюсь не заводить привычек.

– Разумно. Что новенького?

– Да ничего почти. Спасибо, что дал порыться мне в архиве. За мной должок.

– Брось считаться! Скажи лучше, как там твоё таинственное расследование? Жареного много откопал?

– Не то слово. Вот думал вчера, что ниточку нашел, да сорвалось. Пошел к этой девице, которая гадает, к Крузмарк, а их, оказывается, две. Мне-то, оказывается, не эта нужна, а другая.

– Какая это другая?

– Там две колдуньи: одна белая, а другая черная. Моя живет в Париже.

– Гарри, друг мой, ты что?

– Близняшки они, понимаешь? Ясновидящие сестры Крузмарк. Одна – Мэгги, другая – Милли.

Уолт потер загривок и нахмурился.

– Похоже, тебя водят за нос. У Маргарет Крузмарк нет сестер.

Я чуть не поперхнулся элем.

– Это точно?

– Сто процентов: я только вчера проверял. У меня их папка весь вечер на столе лежала. От жены у Крузмарка была только одна дочь. Одна. «Таймс» в таких вещах не ошибается.

– Вот я идиот, а?!

– Не спорю.

– Она меня как младенца провела, а я и проглотил! А ведь мог бы догадаться: выходило-то у нее слишком уж гладко...

– погоди, я опять ничего не понимаю.

– Прости. Это так, мысли вслух. Слушай, сколько на твоих? У меня пять минут второго.

– Около того.

Я не стал забирать сдачу.

– Мне пора.

– Ну иди, раз пора, что с тобой делать. – Уолт улыбнулся своей кривой улыбкой.

Когда я вошел в контору, Епифания уже дожидалась меня в приемной. В своей шотландской юбочке и синем кашемировом свитерке она была похожа на студентку.

– Прости, я задержался.

– Не извиняйтесь, это я раньше пришла.

Она отбросила истрепанный спортивный журнальчик и вытянула ноги. От ее присутствия даже подержанное, поддельной кожей обитое кресло, в котором она сидела, выглядело много лучше обычного.

Я открыл дверь в перегородке из пупырчатого стекла.

– Ты что хотела?

– Контора у вас не очень-то.

Прижав к груди мою коллекцию допотопных журналов, она другой подхватила со столика свою сумочку и сложенное пальто.

– Видно, не такой уж вы знаменитый сыщик.

– Предпочитаю не тратиться на обстановку, – отвечал я, пропуская ее вперед. – Мне за работу платят, а не за интерьеры.

Я закрыл дверь и повесил пальто на вешалку.

Епифания подошла к окну с золотыми буквами и выглянула на улицу.

– Кто вам поручил искать Джонни? – спросила она, всматриваясь в свое отражение.

– Это я тебе не могу сказать. Конфиденциальность – часть моей профессии. Садись.

Я взял у нее пальто и повесил его рядом с моим. Епифания тем временем уселась в мягкое кожаное кресло напротив стола. Это был единственный приличный предмет мебели в моей конторе.

– Ну, что у тебя? – спросил я, опускаясь в свое вертящееся кресло.

– Эдисона Свита убили.

– Да, я видел в газете. Только что же ты удивляешься? Ты сама его под монастырь подвела.

Епифания вцепилась в сумочку, лежавшую у нее на коленях.

– Вы что, с ума сошли?

– Может, и сошел, только я не дурак. Одна ты знала, что я говорил с Ножкой. Ты же и заплатила, чтобы ему подсунули лапу с бантиком.

– Вы все не так поняли.

– Да неужели?

– Никому я не платила. Когда вы ушли, я позвонила племяннику, он как раз рядом с «Петухом» живет. Ну и попросила, чтобы он взял куриную лапу и сунул Ножке под крышку рояля. Ножка трепался много. Надо было сделать ему внушение, чтобы лишнего не болтал.

– Хорошо же ты ему внушила. Основательно.

– Вы что думаете, если бы я его убила, я к вам вот так просто бы пришла, да?

– Кто знает. Ты у нас девочка способная. Вон что в парке вытворяла, прямо талант.

Епифания вздрогнула и принялась хмуро кусать пальчик. Прямо малолетняя прогульщица пред ясными очами директора. Если она притворялась, то притворялась умело.

– Какое вы имеете право за мной следить? – спросила она, глядя в сторону.

– Какое право? А ты спроси в управлении парков или в Христианском обществе. Они тебе объяснят. Да-а... ну и религия у вас, прямо мороз по коже.

Теперь Епифания смотрела на меня в упор. Глаза ее потемнели от ярости.

– Обеа не нужен распятый бог! У нас не было ни газавата, ни инквизиции!

– Ну да, резонно. А петух – подумаешь. Все одно ему судьба в суп попасть...

Я закурил и выпустил в потолок облачко дыма.

– Только меня-то не петухи интересуют. Тут уже пианистов убивать начали.

– Вы думаете, меня это не волнует?

Она подалась вперед, и ее остренькие грудки натянули тонкую ткань синего свитера. Сладкая девочка, как говорят в определенных кругах. Смотри, съем ведь.

– А что мне думать? Я не знаю. Сначала ты звонишь, говоришь, что нужно срочно встретиться. Теперь приходишь, и получается, что ты мне одолжение делаешь.

– Может быть, и делаю.

Она откинулась в кресле и положила ногу на ногу. Хм. Красиво.

– Вы приходите, расспрашиваете всех про Джонни, а через день человека убивают. Это же не совпадение!

– А что же?

– А то, что теперь из-за Ножки в газетах вуду склоняют, только Обеа тут ни при чем. Вообще ни при чем.

– Откуда ты знаешь?

– Вы фотографии видели?

Я кивнул.

– Вы знаете, как они эти каракули называют? Ну, кровь на стене. Якобы это символы вуду?

Еще один кивок.

– Ну так вот: полицейские ваши в вуду ничего не смыслят! Кто-то хотел, чтобы думали, что это веве. А это не веве.

– Что такое веве?

– Это магические письмена. Вы – непосвященный, я вам много не могу сказать, но главное, что эти каракули – такое же веве, как Санта Клаус – Иисус Христос. Я не первый год мамбо, в таких вещах разбираюсь.

Я затушил сигарету в пепельнице с надписью «Клуб „Аист“», оставшейся мне в наследство после одного романа столетней давности.

– Я и не сомневаюсь. То есть эти значки не настоящие?

– Настоящие, только написано неправильно. Не знаю, как вам объяснить... Ну вот, как если бы кто-то вместо «пенальти» все время говорил «угловой» – понимаете?

Я развернул газету на третьей странице и ткнул пальцем в змеевидные зигзаги, спирали и ломаные кресты.

– То есть эти значки похожи на символы вуду или веве – не знаю, как вы их там зовете, – но употреблены неправильно, так, что ли?

– Да. Вот видите круг? Змея глотает свой хвост. Такой знак действительно есть. Это Дамбалла, она символизирует геометрическое совершенство Вселенной. Только посвященный никогда не стал бы ее рисовать рядом с Бабако.

– Значит тот, кто это рисовал, все-таки кое-что знал о вуду? По крайней мере, он знал, как выглядят Дамбалла и Бабако.

– Так я вам уже час это объясняю! Вы знаете, что Джонни одно время увлекался Обеа?

– Я знаю, что он был хунси-босал.

– Да-а, Ножка был то еще трепло. Что он вам еще разболтал?

– Только, что у Джонни был роман с твоей мамой.

Епифания состроила кислую рожицу.

– Это правда. – Она покачала головой, словно отказываясь от собственных слов. – Джонни – мой отец.

Да, вот уж новость так новость. Я замер, вцепившись в ручки кресла.

– Кто еще об этом знает?

– Никто. Я, вы и мама. Мама умерла, значит, только мы.

– А Джонни?

– Мама ему не сказала. Мне еще года не было, когда его в армию забрали. Я вам правду говорила: я его действительно никогда не видела.

– А почему ты сейчас вдруг решила мне все рассказать?

– Мне страшно. То, что Ножку убили, – это как-то со мной связано. Как – не знаю, но это точно, я сердцем чувствую.

– И ты думаешь, что Джонни как-то в этом замешан?

– Я не знаю, что мне думать. Это вы должны думать. Просто я решила, что вы должны все знать. Может, вам это как-то поможет.

– Может быть. Если ты что-то от меня скрываешь, сейчас самое время сказать.

Епифания уперлась взглядом в сложенные ладошки.

– Больше ничего.

Она быстро поднялась, вся собранная, деловитая.

– Мне пора идти. Да и у вас, наверно, работы много.

– Да я как раз сейчас и работаю.

Я встал.

Она сняла пальто с вешалки.

– Вы ведь серьезно говорили про конфиденциальность?

– Все, что ты мне рассказала, останется между нами.

– Надеюсь.

Епифания улыбнулась. Она ничего не хотела от меня, просто улыбнулась, и все.

– Не знаю, может, это неправильно, но я вам верю.

– Спасибо.

Я стал выбираться из-за стола, но она сама открыла дверь.

– Не беспокойтесь, я найду дорогу.

– Телефон мой у тебя есть?

Она кивнула.

– Если узнаю что-нибудь, я позвоню.

– Не узнаешь – тоже звони.

Она кивнула еще раз и исчезла. Я замер у стола, прислушиваясь. Как только закрылась наружная дверь, я в три прыжка выбежал в приемную, попутно прихватив дипломат, содрал с вешалки пальто и заперев кабинет.

Я постоял, приложив ухо к двери, дождался, пока хлопнула дверь лифта, и вышел в коридор. Там не было ни души. Тишину нарушало лишь стрекотание арифмометра и специфический электрический гул: пока Айра Кипнис трудился над графой «итого» в запоздалой налоговой декларации, мадам Ольга избавляла клиенток от лишней растительности. Я рванул к пожарной лестнице и, перепрыгивая через три ступеньки, ссыпался вниз.

Глава 25

Обогнав лифт секунд на пятнадцать, а то и больше, я приоткрыл дверь с черного хода и приник к щели. Я дождался Епифанию и вышел на улицу вслед за ней. Она свернула за угол и спустилась в метро. Я не отставал.

Епифания села в поезд линии Интерборо. Я вошел в соседний вагон и, как только состав тронулся, перебрался на скачущую железную платформу над сцепкой. Отсюда в стеклянное окошко двери мне хорошо было видно Епифанию. Она сидела, сдвинув колени, как благовоспитанная девочка, и изучала череду рекламных плакатов, наклеенных над окном. Через две остановки она вышла у площади Колумба.

Епифания пошла на восток по Южной улице вдоль Центрального парка, мимо памятника линкору «Мейн»³³ с колесницей, влекомой морскими коньками и отлитой, как известно, из пушки с затонувшего корабля. Народу было немного, и я держался на расстоянии: мне даже не было слышно, как стучат ее каблучки по восьмиугольным асфальтовым плитам.

Потом она свернула на Седьмую авеню и, глядя в номера домов, торопливо пошла в сторону центра вдоль Атлетического клуба и украшенных статуями «Меблированных комнат Алвин Корт». На углу Пятьдесят седьмой ее окликнула старушка, нагруженная тяжелой сумкой с покупками, и я остановился у входа в прачечную, дожидаясь, когда они договорят. Епифания объясняла старушке дорогу, тыча пальчиком в сторону парка и совершенно не замечая меня.

Потом я чуть было не потерял ее из виду, когда она вдруг рванулась через улицу за секунду до того, как зеленый свет сменился на красный. Я застрял на тротуаре в безвыходном положении, но, на мое счастье, на той стороне она пошла медленней, изучая номера магазинов, расположенных в здании Карнеги-холл. Не успела еще загореться зеленая надпись «Идите», а Епифания уже вошла внутрь, помедлив секунду у двери в дальнем конце дома. Адрес известный: Седьмая авеню, 881. Резиденция Маргарет Крузмарк.

Медная стрелочка отсчитала этажи с первого по одиннадцатый, а в левом окошке ее сестричка двинулась вниз. Из лифта вышел целый струнный квартет с инструментами. Наверх, кроме меня, ехал только мальчишка из бакалейного магазина, нагруженный картонной коробкой с продуктами, которую он нес на плече. Он вышел на пятом этаже, и я сказал лифтеру: «Девятый, пожалуйста».

Под бешеный ритм чечеточных курсов, помещавшихся где-то внизу, я поднялся по лестнице на одиннадцатый этаж. Где-то в дальнем конце пустого коридора тирольскими напевами переливалось все то же сопрано.

Я остановился у двери со значком Скорпиона, положил дипломат на вытертый палас и щелкнул замочками. Лежавшая сверху папка-гармошка с липовыми формулярами и какими-то бумажками придавала моему другу благопристойно-официальный вид. Внизу же, в тайном отделении, я хранил свой профинвентарь. В полиуретановых гнездышках уютно устроился набор воровских инструментов из особо прочной стали, контактный микрофон, миниатюрный магнитофончик, бинокль «Лейц» с десятикратным увеличением, фотокамера «Минокс» с особым пюпитром, чтобы снимать документы, связка болванок-вездеходов, подходящих к замкам разных серий, за которую я в свое время выложил пятьсот долларов, никелированные наручники и, наконец, заряженный «смит-вессон» сорок восьмого калибра с корпусом из сверхлегкого сплава.

³³ Памятник работы Аттилио Пиккирилли (1866–1945). «Мейн» – американский линкор, гибель которого в 1889 году привела к началу американо-испанской войны.

Я вытащил микрофончик и сунул в ухо наушник. Удобная все-таки вещь этот микрофон. Приложил к двери – и пожалуйста: слышишь все, что происходит внутри. А если вдруг кто появится, я сую микрофон в нагрудный карман, а наушник превращается в слуховой аппарат.

Но никто ниоткуда не появился, коридор был пуст, и в пустоте эхо сопранных трелей сливалось с ученическими гаммами. Потом послышался голос Маргарет Крузмарк:

– Не разлей вода мы с ней не были, но я очень уважала твою мать.

Епифания что-то пробормотала в ответ.

– Мы с ней часто виделись, когда еще ты не родилась. Она обладала большой силой.

– Вы долго были помолвлены с Джонни? – спросила Епифания.

– Два с половиной года. Тебе, детка, с лимоном или со сливками?

Видимо, там опять пили чай.

Епифания попросила с лимоном и сказала:

– Все то время, что вы были помолвлены, мама встречалась с Джонни.

– Девочка моя, неужели ты думаешь, что я не знала? У нас с Джонни не было секретов друг от друга.

– Поэтому вы и разошлись?

– Разорвали помолвку – единственно ради газет. Когда мы пустили слух, что расстаемся, у нас были свои, личные причины. На самом деле, мы никогда не были так близки, как в последние месяцы перед тем, как его забрали на войну. Да, я не отрицаю, отношения у нас были не совсем обычные. Но ты, я надеюсь, достаточно умна, чтобы не забивать себе голову буржуазной чушью. Твоя мать никогда не имела предрассудков на этот счет.

– Менаж-а-труа – куда уж буржуазией...

– Никакого менаж-а-труа у нас не было! Ты что думаешь, мы там оргии устраивали?

– Я вообще не знаю, что у вас было. Мне мама о вас никогда не рассказывала.

– А зачем ей было рассказывать? Для нее Джонатан умер. А больше нас ничего не связывало.

– Он не умер.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю.

– Что, кто-то приходил, спрашивал о нем, да? Детка, говори! Может, от этого зависит наша жизнь!

– Как это?

– Неважно. Кто-то приходил, да?

– Да.

– Как он выглядел?

– Не знаю. Человек как человек.

– Крупный такой, да? Не толстый, но в теле? Неухоженный? Ну то есть одет кое-как, костюм синий, мятый весь, ботинки не очень чистые. Еще усы, да? Большие черные усы. Волосы короткие, с проседью, так?

– Глаза синие, добрые. В первую минуту видишь только глаза.

– Он Ангелом назвался?

В голосе Маргарет зазвенела нешуточная тревога.

– Да, Гарри Ангелом.

– Что он хотел?

– Он ищет Джонни.

– Зачем?

– Не сказал. Он детектив.

– Из полиции?

– Нет, частный. А что?

Легонько звякнула фарфоровая чашечка.

– Я сама толком не знаю. Он и ко мне приходил. Не сказал, что детектив, просто просил погадать. Ты меня извини, что я тебя выгоняю, но мне нужно сейчас уйти. Обязательно.

– Нам грозит опасность? – голосок Епифании дрогнул на последнем слове.

– Сама не знаю. Если Джонатан вернулся, случиться может что угодно.

Девочка не выдержала:

– У нас одного человека убили в Гарлеме. Он маму знал и Джонни. Ангел и к нему приходил.

По паркетному полу проехало кресло.

– Мне нужно идти, – сказала Маргарет. – Вот твоё пальто. Спустимся вместе.

Послышались приближающиеся шаги. Я выдернул наушник, сунул его вместе с микрофоном в карман пальто, подхватил под мышку дипломат и помчался по коридору, как чемпион по спринту. Добежав до пожарной лестницы, я затопал вниз, перепрыгивая через пять ступенек и хватаясь за перила, чтобы не упасть.

Дождаться лифта на девятом этаже было рискованно: была опасность наткнуться на моих дам, поэтому я продолжил спускаться по черной лестнице. В пустом холле я, задышав, остановился у лифтов и глянул на стрелочки. Левая шла вверх, а правая вниз. Так или иначе, они скоро будут здесь.

Я выбежал наружу, под аккомпанемент гудков, спотыкаясь, перебрался через дорогу и остановился у лотка с горячими крендельками. Я сипел и отдувался, как старикан с эмфиземой легких. Гувернантка, катившая детскую коляску, сочувственно прищелкнула языком.

Глава 26

Епифания и Маргарет вышли из дома вместе и прошли еще квартал по направлению к Пятьдесят седьмой улице. Я двигался по другой стороне, держась на одном уровне с ними. На углу Маргарет с чувством поцеловала Епифанию в щеку: ни дать, ни взять старая дева с любимой племянницей.

Дождавшись зеленого света, Епифания перешла на мою сторону. Маргарет Крузмарк отчаянно махала рукой проезжающим такси.

Заметив новенькую машину с шашечками на борту и огоньком на крыше, я остановил ее и запрыгнул внутрь, прежде чем Епифания заметила меня.

– Куда едем? – спросил щекастый водитель, опуская флажок.

– Хочешь два бакса сверх счетчика?

– А что надо?

– На хвост кой-кому сесть. Остановись-ка вон у «Русского кафе».

Водитель притормозил у входа и обернулся ко мне. Я открыл бумажник и мельком показал ему значок.

– Видишь дамочку в твидовом пальто? Вон в такси садится у Карнеги-холл. Надо за ней проследить.

– Сделаем.

На перекрестке с Пятьдесят седьмой такси с Маргарет Крузмарк развернулось и поехало в обратную сторону. Мой водитель, чуть повременив, повторил тот же маневр. Такси свернуло на Седьмую и двинулось к центру города. Мы держались на расстоянии в полквартиры, чтобы не вызывать подозрений.

Щекастый перехватил мой взгляд в зеркале заднего вида:

– Так что, пятерка сверху будет?

– Будет, если не погоришь.

– Да вроде не первый день за рулем.

Мы добрались по Седьмой до Таймс-сквер, проехали мимо моей конторы и вслед за такси свернули на Сорок вторую. Виртуозно ныряя между машинами, мой водитель держался близко, но не чересчур. Потом чуть прибавил, чтобы проскочить на зеленый на Пятой авеню, иначе мы бы их потеряли.

Между Пятой и Центральным вокзалом была такая пробка, что машины еле ползли.

– Видел бы ты, что тут вчера творилось, – заметил водитель. – Они тут парад устроили в честь Дня святого Патрика, так весь вечер не протолкнуться было.

Такси перед нами снова свернуло в сторону жилых кварталов на углу Лексингтон-авеню и остановилось напротив Крайслер-билдинг. Загорелся огонек на крыше. Маргарет Крузмарк собиралась выходить.

– Давай здесь, – сказал я водителю.

Щекастый притормозил у Ченин-билдинг. Счетчик показывал доллар с половиной. Я дал щекастому семь бумажек.

– Сдачу оставь себе.

Хоть он и вымогатель, но деньги заработал честно.

Я перешел Лексингтон-авеню. Второе такси уже уехало, и Маргарет нигде не было видно. Ну и бог с ней. Ясно было, куда она пошла. Я толкнул вращающуюся дверь и оказался в холле из хрома и мрамора с великим множеством углов. Если верить перечню контор, то «Морские перевозки Крузмарка» располагались на сорок пятом этаже.

Всю дорогу я намеревался поговорить с Мэгги и ее папашей начистоту, но когда поднялся наверх, то вдруг передумал. Рановато еще пожинать плоды: уцепиться как следует пока не за что.

Итак, дочка узнала, что я ищу Джонни Фаворита, и побежала к папочке. Очевидно, разговорчик будет интересный, иначе она бы ему просто позвонила. Я как раз прикидывал, сколько бы я заплатил за возможность поприсутствовать на семейном совете, когда на глаза мне попался мойщик окон, направляющийся к месту службы.

Это был лысый дядя лет сорока с вдавленным носом удалившегося на покой боксера. Он веселенькой походочкой шел по сияющему коридору и, фальшивя на полтона, насвистывал «Воларе». Помнится, прошлым летом все с ума сходили от этой песенки. На нем был грязный зеленый комбинезон, а его страховочная сбруя болталась сзади, как отстегнутые подтяжки.

– Эй, друг, есть минутка?

Он оборвал мелодию на полуноте и повернулся ко мне. Губы его были все еще сложены трубочкой, словно в ожидании поцелуя.

– Знаешь, кто нарисован на полусотенной бумажке? Спорим, что нет?

– Чего это? Передача «Скрытой камерой», что ли?

– Никаких камер. Я тебе говорю: спорим, ты не знаешь, кто нарисован на полусотенной?

– Вот пристал. Ну Джефферсон нарисован.

– А вот и нет.

– Ну и пес с ним. Что тебе надо-то?

Я достал из бумажника сложенную полусотенную бумажку (я всегда ношу с собой пятьдесят долларов на случай дачи взятки или других непредвиденных обстоятельств) и показал ему так, чтобы была видна цифра.

– Да так. Я думал, может, ты захочешь сам узнать, чей там портрет.

Дядя прокашлялся и мигнул.

– Ты что, псих?

– Ты сколько получаешь? Да говори уж, не государственная тайна...

– В час четыре с полтиной: профсоюз расстарался.

– Так. А хочешь без профсоюза десять раз по столько?

– И что ж я должен сделать за такие бабки?

– Ничего. Дашь мне напрокат свой комбинезон, а сам пойдешь прогуляешься, выпьешь пивка.

Мой собеседник потерял лысину, хотя в дальнейшей полировке нужды не было.

– Ты псих, да? – В голосе его звучало неподдельное восхищение.

– Тебе-то что за печаль, псих я или кто? Давай мне свои обноски и помалкивай. Я тебе полсотни даю за то, чтобы ты час ничего не делал. Что тебе еще-то надо?

– Ничего. Договорились. Как говорится, дают – бери...

– Ну вот и молодец.

Мойщик мотнул головой, мол, пошли, и отвел меня в конец коридора, где возле пожарного выхода была узкая дверь в чулан.

– Потом оставишь все здесь, понял?

Он отстегнул сбрую и вылез из грязного комбинезона.

– На, держи.

Я повесил пальто и пиджак на ручку швабры. Комбинезон был жесткий и пахивал аммиаком, как пижама после оргии.

– Только галстук сними, а то у нас одни кандидаты перед выборами так наряжаются.

Я сунул галстук в карман пальто и попросил показать, как действовать со сбруей. Вышло довольно просто.

– А ты часом не наружу собрался? – поинтересовался мойщик.

- С ума сошел! Я над знакомой хочу подшутить. Она тут на этаже в приемной работает.
- Бога ради. Только тряпье потом в чулан забрось.

Я сунул сложенные полсотни ему в карман:

- Ну все, иди. Примите там по маленькой с Улиссом Симпсоном Грантом.

По дядиной физиономии я понял, что это имя ничего ему не говорит.

- На портрет посмотри.

- А-а.

Насвистывая, он неспешно удалился.

Я сунул дипломат под бетонную раковину, предварительно достав из него «Смит-Вессон». Хорошая модель: ствол всего пять сантиметров и без курка, станешь доставать – ни за что не зацепится. А то еще был случай: я его вынуть не успел, пришлось через карман стрелять. Пиджак, естественно, с концами, но уж лучше дырявый, чем без спины, как на покойников надевают.

Я переложил микрофон в другой карман и сунул свой миниатюрный пятизарядник в комбинезон. Затем, вооружившись ведром и щеткой, я направил свои стопы к внушительной стеклянno-бронзовой двери, отделявшей «Морские перевозки» от остального мира.

Глава 27

В приемной лежали ковры, вдоль стен стояли модели танкеров в стеклянных витринах и висели гравюры, изображающие клипера. Дама за конторкой посмотрела сквозь меня. Я подмигнул ей, но она отвернулась от меня в своем крутящемся кресле. Двери из матового стекла, ведущие в святая святых, вместо ручек были украшены бронзовыми якорями. Напевая песенку про сундук мертвеца, я толкнул их и вошел внутрь.

Предо мной простирался длинный коридор с кабинетами по обе стороны. Покачивая ведром, я разбитной походочкой двинулся вперед, попутно читая таблички на дверях, но имена все были не те.

В конце коридора была большая комната, где, словно механические секретарши, стрекотали два телетайпа. У одной стены стоял большой деревянный штурвал, а по другим висели все те же клипера. Возле стеклянного столика, пестревшего журналами, стояли удобные кресла, а за конторкой в форме буквы L восседала бойкая блондиночка, вскрывавшая конверты. Тут же была дверь из полированного черного дерева. Резные бронзовые литеры, прибитые на уровне глаз, гласили: Итан Крузмарк.

Блондинка подняла глаза, улыбнулась мне и с мушкетерской лихостью пронзила конверт ножом для бумаг. Перед ней высилась полуметровая стопка деловых писем. Мои надежды уединиться под дверью с микрофончиком, можно сказать, вылетели в окно – метафора довольно опасная, учитывая грядущие события.

Блондинка, занятая своим несложным делом, не обращала на меня никакого внимания. Я пристегнул ведро к поясу моей сбруи, открыл вертикальное окно и зажмурился. У меня вдруг застучали зубы, и, увы, неожиданно нахлынувший холод был тут ни при чем.

– Скорей, пожалуйста, а то мне все сдует! – крикнула секретарша.

Вцепившись в подоконник, я подлез под нижнюю раму и уселся спиной к улице, свесив ноги внутрь. Затем пристегнул ремень сбруи к внешней раме. От блондинки в спасительных пределах приемной меня отделяло лишь тонкое стекло, но мне казалось, что до нее теперь миль сто. Я перехватил руки и пристегнул второй ремень.

Теперь нужно было встать. На это ушло все мое мужество. Я попробовал было думать о войне, о своих приятелях-десантниках: у иных бывало по триста прыжков и ни одной царапины... Увы, все это мне ничуть не помогло, а мысли о парашютах повергли в еще больший ужас.

На карнизе едва хватало места, чтобы стоять на цыпочках. Я закрыл окно, и порывы ветра заглушили успокоительное потрескивание телетайпов. Я приказал себе не смотреть вниз и тут же посмотрел.

На дне раскинувшегося внизу темного каньона Сорок второй улицы, ползали муравьишки-пешеходы и железные жуки автомобилей. К востоку, за коричневым в вертикальную белую полосу зданием редакции «Дейли ньюс» и блестящей зеленой глыбиной Секретариата ООН, по реке пыхтел крошечный буксир, а за ним в серебряной полосе пены тянулась череда барж.

Резкий ледяной ветер хлестал меня по лицу, по рукам, он трепал широкие отвороты моих брюк, и те хлопали как паруса. Ветер хотел сорвать меня с фасада и потащить за собой над крышами, мимо кружащих голубиных стай и пышущих паром труб. От холода и страха у меня дрожали ноги. Суставы побелели от напряжения. Если даже ветру не удастся отодрать меня от окна, участь моя решена все равно: как всякое вибрирующее тело, я, в конце концов, сам съеду с немилосердно узкой поверхности подоконника... Господи! Я тут погибаю, а секретарша сидит себе и вскрывает конверты как ни в чем не бывало! Она и думать-то обо мне забыла.

Мне вдруг стало дико смешно: Гарри Ангел, человек-муха! В памяти всплыли цирковой шпрыхштальмейстер, громовое «алле», какие-то «небесные ангелы». Я рассмеялся в голос. Слегка подавшись назад, я с радостью убедился, что сбруя держит меня. Значит, не так уж все и плохо. В конце концов, мойщики каждый день так висят – и ничего.

Я чувствовал себя альпинистом, совершающим свое первое восхождение. На высоте нескольких этажей надо мной на углах химерами лепились архитектурные выступы. Еще выше игла из нержавеющей стали, венчающая здание, блестела на солнце, как непокоренная вершина.

Пора. Я отстегнул правый ремень и прицепил его к тому же кольцу, что и левый. Потом, по шажочку продвигаясь вдоль карниза, отстегнул левый и вслепую протянул руку к соседнему окну. Пошарив по кирпичному простенку, я нащупал кольцо на соседней раме и пристегнул ремень.

Теперь я был прицеплен к обоим окнам. Так. Теперь шаг левой – отстегнуть – пристегнуть – шаг правой. Все. Есть.

Мои перемещения заняли пару секунд, не больше, но мне показалось, что прошло лет десять.

Пристегивая левый ремень, я заглянул внутрь. Моему взору предстал кабинет Итана Крузмарка. Это была большая угловая комната. На моей стороне было еще два окна, три других выходили на Лексингтон-авеню. Рабочий стол с непомерной овальной столешницей из цельной глыбы пентелийского мрамора был абсолютно пуст, если не считать начальника телефона о шести кнопках и бронзовой статуэтки, изображающей Нептуна, простершего трезубец над волнами. Бар в нише неподалеку от входной двери сиял хрусталем. На стенах висели картины французских импрессионистов. Сразу видно кабинет босса: никаких тебедохлых клиперов.

Отец и дочь сидели на длинной бежевой кушетке у дальней стены. На низком мраморном столике поблескивали два коньячных бокала. Крузмарк был похож на свой портрет: краснорожий стареющий пират с аккуратно расчесанной пышной серебряной шевелюрой. На мой взгляд, он смахивал скорее на капитана Флинта, чем на Кларка Гейбла.

Маргарет сменила мрачную черную хламиду на крестьянскую блузку и баварскую вышитую юбку с корсетом, но кулончик-звездочку оставила.

Я вынул микрофон, завернул его в большую тряпку и сделал вид, что вытираю стекло. Когда отец или дочь взглядывали на меня, я принимался возить перед лицом мыльной губкой.

Голоса в наушнике звучали так ясно и четко, словно я сам сидел на кушетке рядом с говорящими.

– ...и он знал дату рождения Джонатана? – спросил Крузмарк.

Маргарет нервно теребила кулончик.

– Да, он все точно назвал.

– Ну это, в общем, нетрудно узнать. Ты уверена, что он детектив?

– Дочь Евангелины говорит, что да. Он приходил к ней и спрашивал про Джонатана. Для этого нужно что-то о нем знать.

– А врач из Покипси?

– С врачом все. Я звонила в лечебницу: он несколько дней назад покончил с собой.

– Теперь не узнаешь: говорили они или нет.

– Мне это все не нравится. Столько лет прошло... Ангел уже сейчас знает слишком много.

– Ангел?

– Да, Ангел. Такая фамилия. Слушай, пожалуйста, когда с тобой говорят!

– Я слушаю, Мэг, просто мне нужно все это переварить. – Крузмарк отхлебнул коньяка.

– Почему ты не хочешь от него избавиться?

– А что толку? Таких дешевых сыщиков как собак нерезанных. Дело не в Ангеле, а в тех, кто ему платит.

Маргарет обеими руками схватила отца за руку:

– Он же вернется! Ангел вернется за гороскопом.

– Так составь ему гороскоп.

– Уже составила. Там все, как у Джонатана, только место рождения другое. Я могла бы по памяти составить.

– Ну и хорошо. – Крузмарк осушил свой бокал. – Если он хоть что-то соображает, то к тому времени уже выяснит, что никакой сестры не существует. Поиграй с ним, потяни время. Ты же умная девочка. Если так не проболтается, брось ему что-нибудь в чай. Мало ли что можно сделать, чтобы человек разговорился. Нам нужно знать, кто его нанял. Пока мы не узнаем, кто за этим стоит, Ангела трогать нельзя.

Крузмарк поднялся на ноги.

– Мэг, меня ждут, важные встречи намечаются, так что если это все, то...

– Да, это все. – Маргарет встала и оправила юбку.

– Ну и славно. – Он приобнял ее за плечи. – А как только этот Ангел объявится, сразу звони мне. На Востоке я научился искусству убеждения. Посмотрим, на что я еще гожусь.

– Спасибо.

– Я тебя провожу. Чем займешься?

– Не знаю, думала сначала в «Сакс»³⁴ зайти, а потом...

Конец фразы пропал за тяжелой дверью черного дерева.

Я сунул микрофон вместе с тряпкой в карман комбинезона и попробовал окно: не заперто. Небольшое усилие, и оно открылось. Я отстегнул один ремень и перекинул дрожащие ноги через подоконник. Так, теперь второй, и вот уже я в относительной безопасности. Получается, что не зря я рисковал. Восточное искусство убеждения! После такого прогулка по стене кажется пикником.

Я закрыл окно и огляделся. Очень хотелось тут порыться, но не было времени. На мраморном столике Маргарет оставила едва пригубленный бокал с бренди. Сюда-то уж точно ничего не подсыпали. Я вдохнул фруктовый аромат и отпил немного. Бархатное пламя разлилось у меня в горле. Я прикончил бокал тремя быстрыми глотками. Конечно, старый и дорогой коньяк заслуживал более уважительного обращения, но, увы, я спешил.

³⁴ Дорогой магазин.

Глава 28

Выходя из кабинета, я громыхнул дверью, но секретарша едва взглянула на меня. Может, она привыкла, что мойщики окон запросто захаживают в кабинет к ее боссу. В длинном коридоре я повстречал самого Крузмарка. Он вышагивал, выпятив грудь так, словно его серый фланелевый костюм был увешан медалями. Проходя мимо меня, он недовольно хрюкнул. Очевидно, ожидал, что я паду ниц. Вместо этого я послал его куда подальше, но он со своих высот ничего не услышал. Как с гуся вода.

На обратном пути я послал смачный поцелуй вяленой вобле в приемной. В ответ она скорчила такую рожу, словно набрала полный рот червяков, зато два рекламных агента, поджидавшие своей очереди в одинаковых креслах стиля баухаус, по достоинству оценили мою эскападу.

Молниеносно переодевшись в чулане (Супермен умер бы от зависти, честное слово), я за недостатком времени распахнул пистолет и микрофон по карманам пальто, сунул комбинезон с упряжью в побитое ведро и вышел на свет божий. Уже в лифте я вспомнил про галстук и кое-как, вслепую, завязал кривой узел.

Я вышел на улицу, огляделся, но Маргарет нигде не было. Она что-то говорила про «Сакс», наверно, взяла такси. Ну, может, еще передумает и поедет домой. Надо подождать.

Я пересек Лексингтон-авеню, через боковые двери вошел в здание Центрального вокзала, спустился по пандусу в Устричный бар³⁵ и заказал себе дюжину устриц. Мигом покончив с ними, я допил сок из раковин и спросил еще полдюжины. За этих я принялся уже основательно и с чувством. Двадцать минут спустя я отодвинул опустевшую тарелку и двинулся к телефону-автомату. У Маргарет Крузмарк никто не ответил. На десятом гудке я повесил трубку. Значит, она в «Саксе». Может, зайдет и еще в пару шикарных магазинов.

Поезд метро доставил мою нафаршированную устрицами тушку на станцию «Таймсквер», где я пересел на Бруклин-Манхэттенскую линию и поехал в центр, в сторону Пятьдесят седьмой улицы. На углу дома Маргарет была телефонная будка. Я позвонил и снова услышал длинные гудки. Проходя мимо дверей, я заметил, что в холле трое дожидаются лифта. Я прогулялся до угла Пятьдесят шестой и вернулся. На сей раз путь был свободен. Я сразу прошел на черную лестницу: лифтер мог узнать меня, а это не входило в мои планы.

Одиннадцатый этаж – пустяк, если вы готовитесь к марафону. Если же внутри у вас кувыркаются восемнадцать моллюсков, то это испытание не из легких. Поэтому я не стал торопиться и через каждые два-три этажа останавливался передохнуть под какофонию фортепьянных, скрипичных и прочих уроков.

К тому времени, как я добрался наконец до двери Маргарет Крузмарк, я все же изрядно запыхался и сердце мое стучало как взбесившийся метроном. Холл был пуст. Я открыл дипломат и натянул резиновые хирургические перчатки. Замок был стандартной конструкции. Я пару раз позвонил, потом достал свою связку дорогих вездеходов и принялся подбирать нужную серию.

Третья попытка увенчалась успехом. Я взял дипломат, вошел в квартиру и закрыл за собой дверь. Воздух был пропитан запахом эфира. Летучий и терпкий, он напомнил мне о больнице. Я достал револьвер и медленно двинулся вдоль стены. Не нужно было быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, что случилось что-то очень и очень скверное.

В тот день Маргарет Крузмарк все-таки не пошла в «Сакс».

³⁵ В здании вокзала расположено много дорогих магазинов и ресторанов.

Она лежала навзничь на низком кофейном столике в залитой солнцем гостиной среди пальм и прочей растительности. Кушетка, на которой мы недавно пили чай, была отодвинута к стене. Маргарет была распята посреди комнаты, словно на алтаре.

Из разорванного ворота ее крестьянской рубашки смотрели маленькие бледные груди. Картина была бы довольно приятная, если бы не рваная рана, разъявшая грудь до самой диафрагмы и до краев полная крови. Кровь ручейками стекала по ребрам, собиралась в лужицы на столе. По крайней мере, одно было хорошо: глаза Маргарет были закрыты.

Я убрал револьвер и кончиками пальцев тронул ей шею. Сквозь тонкие перчатки еще чувствовалась тающая теплота ее кожи. Лицо Маргарет было спокойно, почти как у спящей. Мне показалось даже, что на губах ее играет легкая улыбка.

Часы на каминной полке пробили пять.

Орудие убийства лежало тут же под столиком. Это был ацтекский жертвенный нож. Блестящее лезвие из вулканического стекла помутнело от засыхающей крови. Я не стал его трогать.

В комнате не было никаких следов борьбы. Нетрудно было представить себе, как все произошло.

Маргарет передумала идти в «Сакс» и вернулась домой. Убийца уже ждал ее в квартире. Когда она вошла, он – или она – подкрался к ней сзади и прижал к ее лицу марлю, смоченную эфиром. И Маргарет не успела ничего сделать: она потеряла сознание.

У двери валялся смятый молельный коврик – значит, ее тащили из прихожей в гостиную. Бережно, почти что нежно, убийца положил ее на стол и отодвинул всю мебель, чтобы расчистить место.

Я как следует осмотрелся, но как будто ничего не пропало. Все оккультные штучки на своих местах, кроме жертвенного ножа, но с ножом все ясно. Ни открытых ящиков, ни перевернутых платяных шкафов. Никаких попыток инсценировать ограбление.

У высокого окна между филодендроном и дельфиниумом меня поджидала небольшая находка. В чаше, венчавшей бронзовый треножник в античном стиле, лежал блестящий, напитанный кровью мышечный ком размером с теннисный мяч. Собаки иногда притаскивают с улицы такие вот жуткие штуковины. Я долго смотрел на него и, наконец, понял. Нарядные сердечки в День святого Валентина навеки будут связаны у меня с этим воспоминанием. В чаше лежало сердце Маргарет Крузмарк.

Какая простая штука – человеческое сердце. День за днем и год за годом оно гоняет кровь по жилам, а потом приходит некто, вырывает его, и вуаля: кусок из собачьей миски. Все восемнадцать устриц разом ринулись на выход. Я поскорей отвернулся от затихшего моторчика Уэлслейской ведьмы.

Немного потыкавшись по углам, я обнаружил тряпку с эфиром в плетеной мусорной корзине в холле. Пусть лежит. Будет с чем поиграться деятелям из отдела убийств. Отвезут ее в лабораторию вместе с трупом, исследуют, накачают отчеты в трех экземплярах. Это все их работа, не моя.

В кухне ничего интересного не обнаружилось. Стандартный набор: поваренные книги, ложки-поварешки, полочка с приправами и полный холодильник остатков. Еще мусор в пакете, но и тут ничего такого: кофейная гуща да куриные кости.

А вот спальня – другое дело. Кровать не покрыта, мятые простыни испачканы спермой. У нашей ведьмы был, значит, знакомый колдун. Рядом, в маленькой ванной, я обнаружил пластиковую коробочку из-под диафрагмы. Если у Мэгги утром были гости, значит, она ее так и не вынула. Вот еще одна находка для полиции.

Настенная аптечка не могла вместить все пузырьки и пузыречки, и они разбежались по полкам, с двух сторон обрамлявшим зеркало над раковиной. Зубной порошок, взвесь магнезии, аспирин и другие лекарства пытались выпихнуть долой банки с вонючими зельями, укра-

шенные этикетками с непонятными алхимическими значками. В жестяных коробочках-близнецках хранились ароматические травы. Я понюхал, но по запаху узнал только мяту.

На пачке салфеток лежал скалящийся череп. На тумбочке рядом с тампонами помещалась ступка с пестиком. На крышке бачка – обоюдоострый кинжал, модный журнал, щетка и четыре толстые свечи из черного воска.

За банкой крема для лица я обнаружил засушенную человеческую кисть. Почерневшая и сморщенная, как выброшенная перчатка, она оказалась такой легкой, что я от неожиданности едва не выронил ее. Тритоньего глаза я, правда, не нашел, хотя и искал.

В стене спальни был небольшой альков – что-то вроде кабинета. Шкаф, набитый гороскопами клиентов, ни о чем мне не говорил. Я проверил отделения с литерами «Л» и «Ф» – Либлинг и Фаворит, – но ничего не нашел. Тут же рядом стояли книги по колдовству и глобус. Книги подпирала запечатанная алебастровая урна размером с сигарную коробку. На крышке был вырезан трехглавый змей.

Я перелистал книги, надеясь найти какой-нибудь спрятанный листок, но там ничего не было. Роясь в путанице бумаг на столе, я заметил небольшую карточку с черным обрезом. Поверх пентаграммы в круге была нарисована козлиная голова. Внизу крупным затейливым шрифтом было напечатано: MISSA NIGER и еще что-то по-латыни. По нижнему краю шли цифры: III.XXII.MCMLIX. Дата, значит. Вербное воскресенье – это через четыре дня. Рядом лежал конверт с тем же символом, адресованный Маргарет Крузмарк. Я убрал в него карточку и сунул его в дипломат.

Бумаги на столе по большей части составляли астрономические расчеты. Еще было много недописанных гороскопов. Я просмотрел их без особого интереса и вдруг наткнулся на собственное имя. Вот подарок для Стерна! Надо было сразу сжечь, но я, как дурак, сунул его в дипломат.

Гороскоп навел меня на мысль проверить настольный календарь, и вот пожалуйста: понедельник, шестнадцатое, Ан. Гар. 13:30. Я вырвал листок и положил в дипломат к остальным бумажкам. Сегодня у Маргарет была назначена встреча на полшестого. Мои часы немного спешили, но, в общем и целом, было где-то пять двадцать.

Уходя, я оставил дверь немного приоткрытой. «Кто-нибудь наткнется на тело и позвонит в полицию. Мне в эти дела лезть необязательно», – думал я. Как же! К тому моменту я увяз уже по самые уши.

Глава 29

По пожарной лестнице я спустился не торопясь: на сегодня физзарядки достаточно. Добравшись до холла, сразу прошел в бар «Карнеги». Я всегда пропускаю стаканчик, когда нахожу труп. Так сказать, старая семейная традиция.

В баре был «счастливый час» и, следовательно, аншлаг. Я протолкался к стойке и заказал двойной «Манхэттен» со льдом. Сделав изрядный глоток, взял стакан и, шагая по чужим ногам, стал продираться в обратном направлении к телефону-автомату.

Я набрал номер Епифании. Мой стакан уже опустел, а на другом конце так и тянулись бесконечные гудки. Я повесил трубку. Скверно, очень скверно. Последний раз такие вот гудки я слушал перед визитом к Маргарет Крузмарк, ныне покойной, взрезанной на манер рождественского гуся. Я оставил пустой стакан на полочке под автоматом и пробился на улицу.

В полквартале от меня остановилось такси и высадило кого-то возле похожего на мечеть Центрального театра. Я крикнул водителю, чтобы не уезжал, и тот не стал закрывать дверь. В небольшом состязании с напористой дамой, мчавшейся через дорогу и яростно махавшей зонтиком, я пришел первым.

В ответ на просьбу отвезти меня на угол Сто двадцать третьей и Ленокс-авеню негр-водитель и глазом не моргнул. Очевидно, решил, что я хочу расстаться с жизнью, и рад был напоследок содрать с покойничка. Мы ехали в полном молчании. Из транзистора на переднем сиденье остервенело тараторил ведущий: «Суперпрямая трансляция, интернациональная сенсация...»

Через двадцать минут негр высадил меня напротив аптеки мисс Праудфут и умчался под звуки ритм-энд-блюза. Аптека была по-прежнему закрыта, и длинная зеленая штора на двери висела как поникший флаг разбитой армии. Я долго и безрезультатно стучался и гремел ручкой – никого.

Вспомнив, как Епифания говорила, что у нее квартира над аптекой, я прошел по Ленокс до входа в само здание и изучил почтовые ящики. На третьем слева было написано: «Праудфут – 2-Д». Дверь была не заперта, и я вошел внутрь.

В узком коридоре с кафельными стенами пахло мочой и варящимися свиными ножками. По иззубренным от старости мраморным ступеням я поднялся на второй этаж. Где-то наверху спустили в туалете воду.

Квартира Епифании была в дальнем конце площадки. На всякий случай я позвонил в дверь, но мне никто не открыл.

Замок был ерундовый: у меня к нему подходило с полдюжины болванок. Я надел резиновые перчатки и открыл дверь, инстинктивно приносясь, не пахнет ли эфиром. В большой угловой гостиной окна выходили и на Ленокс и на Сто двадцать третью. Здесь стояла недорогая практичная мебель и красовались африканские резные штучки.

Кровать в спальне была аккуратно застелена, справа и слева от туалетного столика из пестрого клена гримасничали две маски. Я осмотрел платяной шкаф и ящики комода, но ничего не нашел, кроме одежды и личных вещей. На прикроватном столике стояло несколько фотографий в серебряных рамках. С них смотрела женщина с тонким, надменным лицом: та же, что у Епифании, нежная грусть в изгибе рта, но нос плоский и глаза другие – распахнутые, безумные глаза одержимой. Это была Евангелина Праудфут.

Евангелина приучила дочь к порядку. На кухне было чисто, все стояло на своих местах. Ни грязных тарелок в раковине, ни крошек на столе. Единственный признак человеческого присутствия – свежие продукты в холодильнике.

В последней комнате было темно как в пещере. Выключатель не работал, и я зажег фонарик. Поскольку мне вовсе не улыбалось споткнуться об очередную труп, я прежде всего осмот-

рел пол. Очевидно, когда-то давно это была вторая спальня, но теперь и стены, потолок, и даже оконное стекло были выкрашены в густой темно-синий цвет. Поверх синевы вилась неоновая радуга росписи. На одной стене сплетались цветы и листья, на другой резвились грубо нарисованные рыбы и русалки. С потолка смотрели месяцы и звезды.

Это был храм вуду. К дальней стене был пристроен кирпичный алтарь, уставленный рядами глиняных горшочков с крышками и похожий на ярмарочный прилавок. В центре его стоял тонкой работы чугунный крест, увенчанный потрепанным шелковым цилиндром. Сбоку был привешен деревянный костыль. Множество оплывших свечей лепилось к кирпичу под аляповатыми литографиями с изображением католических святых. Кудрявые от времени листки были похожи на древние рекламные плакаты. Перед алтарем в пол была воткнута ржавая сабля. Я тронул ее, и она слегка покачнулась.

На полке рядом с несколькими гремушками из тыквы и парой железных кастаньет теснились разноцветные бутылочки и кувшинчики. Над алтарем почти во всю стену был с детской наивностью нарисован грузовой паром.

...Епифания в белом платье поет и стонет, живым сердцем бухает барабан, гремушки шепчут, словно змеи в сухой траве. Ловкое движение маленькой руки – и яркий алый фонтан.

Выходя из хамфо, я приложился головой о пару нарядных, обтянутых кожей тамтамов, подвешенных к потолку.

В шкафу в коридоре ничего не обнаружилось, зато, вернувшись в кухню, я заметил узкую лестницу, ведущую в магазин. Я спустился вниз, прошел в заднюю комнату и порылся в сушеных корнях, порошках и травах, не очень-то представляя, что именно ищу.

В торговом зале было полутемно и пусто. На стеклянной столешнице прилавка высилась стопка нераспечатанных конвертов. Я зажег фонарик. Там был телефонный счет, несколько писем от поставщиков лекарственных трав, стандартное машинописное обращение от конгрессмена Адама Клэйтона Пауэлла и листовка какой-то медицинской организации, помогавшей беременным. В самом низу лежала картонная афишка. Мое сердце сделало сальто-морале: с афишки на меня глянул Луи Цифер.

На нем был белый тюрбан. Его кожа была отшлифована пустынным ветром. Над портретом была надпись: «Эль Сифр, повелитель неведомого». По нижней кромке шли строчки: «В субботу, 21 мая 1959 года достославный и всеведущий Эль Сифр будет говорить с прихожанами в Новом храме надежды по адресу: Восточная 144-я улица, 139. Начало в 20:30. Вход свободный. Добро пожаловать».

Я припрятал афишку в дипломат: как не пойти, коли даром.

Глава 30

Я запер квартиру, дошел до Сто двадцать пятой улицы и поймал такси напротив кафе «Пальма». Пока мы ехали по Вестсайдскому шоссе, у меня было достаточно времени для размышлений. Гудзон был черней ночного неба. Яркие освещенные трубы шикарных лайнеров светились на фоне складов на пристани, словно корабли собрались на морской карнавал.

Карнавал смерти! Вниманию почтеннейшей публики предлагается смертельный ритуал вуду! Спешите, не то опоздаете на ацтекское жертвоприношение! Впервые на арене, спешите, спешите!

Не дело, а цирк шапито. Ведьмы и ясновидящие. Клиент, наряженный как арабский шейх. И я – деревенский пентюх посреди карнавала, ошалевший от фокусов и ярких огней, смотрю на экран в театре теней и не могу понять, что движет фигурами.

Надо было найти бар поближе к дому, так, чтобы потом доползти до собственной двери. «Серебряный брус» на перекрестке Двадцать третьей и Седьмой авеню вполне подходил. Как я попал домой после закрытия – не помню, может, на четвереньках. Как нашел свою кровать – тоже загадка. В ту ночь сны казались живой яви.

Мне снилось, будто я очнулся от глубокого забытья из-за криков под окнами. Я встал и, раздвинув занавеску, увидел, что улица полна людей. Толпа выла и металась, словно худой и жилистый зверь. Сквозь нее пробиравась на шатких ногах древняя кляча, влачащая двухколесную повозку. В повозке сидели мужчина и женщина. Я достал из дипломата бинокль: женщина была Маргарет Крузмарк. Рядом с ней сидел я.

И вот благодаря мгновенному волшебству сна я уже еду в тряской повозке, вцепившись в необструганный деревянный брус, а вокруг злым морем беснуется толпа. Маргарет лукаво и жарко улыбается мне. Мы сидим так близко, это так похоже на объятие. Что же это? Она ведьма, и ее везут на костер? А я? Кто я? Палач?

Повозка едет дальше, и вот над головами поднимается знакомый силуэт гильотины, установленной на ступенях общежития для христианской молодежи.

Франция. Царство террора. Неправедно осужденные.

Повозка дрогнула и встала. Чьи-то руки протянулись к Маргарет, грубо стащили ее с шаткого сиденья. Толпа затихла. Маргарет дали самой взойти на эшафот.

В первых рядах зевак и революционеров я заметил человека в черном с пикой в руке. Это был Луи Цифер. Его лихо надвинутый фригийский колпак украшала яркая трехцветная кокарда. Увидев меня, он салютовал мне пикой и отвесил насмешливый поклон.

Я не видел, как это случилось. Прокатилась барабанная дробь, упал нож гильотины. Когда я поднял глаза, палач стоял спиной ко мне, поднимая над ликующей толпой отрубленную голову Маргарет. Кто-то выкрикнул мое имя, и я слез с повозки, чтобы было куда поставить гроб. Цифер оскалился: он наслаждался зрелищем.

Доски эшафота напитались кровью. Я повернулся лицом к хохочущей толпе, поскользнулся и чуть было не упал. Солдат подхватил меня под руку и почти что нежно подвел к гильотине. «Лягте, сын мой», – сказал кюре.

Я опустился на колени для последней молитвы. Палач стоял рядом. Вдруг налетевший ветер откинул край его черного капюшона, и я узнал напомаженные волосы и злую усмешку Джонни Фаворита.

Я очнулся с воплем и не сразу расслышал телефонный звонок. Я рванул к трубке и вцепился в нее, как утопающий в спасательный круг.

– Алло... алло! Мистер Ангел?

Это был Герман Штрейфлинг, мой любимый поверенный.

– Слушаю. – Язык мой словно распух и еле поворачивался во рту.

– Боже мой, где вы пропадаете? Я вам уже несколько часов звоню в контору.

– Я спал.

– Спали?! Но уже почти одиннадцать!

– Я вчера поздно закончил. Я детектив, а не юрист с Уолл-стрит. У меня свое расписание. Если Штрейфлингу не пришлось по вкусу мое замечание, у него хватило ума этого не показать.

– Разумеется, каждый работает, как считает нужным.

– А что за срочность такая, что нельзя было сообщение оставить?

– Вы, кажется, вчера говорили, что хотите встретиться с господином Цифером?

– Да.

– Так вот, он приглашает вас сегодня отобедать.

– Где? Там же, где в прошлый раз?

– Нет. Господин Цифер полагает, что вы были бы не против встретиться с ним в «Ле Ваузен». Это на Парк-авеню, дом 575.

– Когда?

– В час. Если вы сейчас снова не заснете, то еще успеете.

– Еду.

Штрейфлинг повесил трубку без своих фирменных любезностей.

Я сволок с постели свой агонизирующий полутруп и похромал в ванную. Двадцать минут под горячим душем, три кружки черного кофе – и вот я уже почти человек.

Я облачился в идеально отутюженный шерстяной костюм кофейного цвета и свежайшую белоснежную рубашку. Я повязал незапятнанный галстук. В таком виде я не ударил бы в грязь лицом в шикарнейшем из шикарных французских ресторанов.

Я поехал по Парк-авеню в сторону центра, нырнул в бывший железнодорожный тоннель под холмом Мюррей и двинулся по эстакаде, с двух сторон огибающей Центральный вокзал подобно раздвоенной горной дороге. В четырех кварталах впереди возвышался готический шпиль Нью-Йорк Централ-билдинг – восклицательный знак посреди Парк-авеню. Эстакада скользнула в арку под зданием и влилась в верхнюю часть авеню, где на месте каньона кирпичных и каменных стен вырастали понемногу стерильно-стеклянные Кордильеры.

Я нашел свободное местечко на углу Шестьдесят третьей и Парк-авеню неподалеку от церкви христианской науки, припарковал машину и перешел авеню в восточном направлении. Хотя на козырьке над окнами «Ле Ваузен» горделиво красовалась надпись: «Парк-авеню, 575», вход был все же с Шестьдесят третьей улицы. Я сдал в гардероб пальто и дипломат и огляделся по сторонам. Вся обстановка до последнего гвоздя была под стать лощеным и преуспевающим завсегдатаям.

Метрдотель приветствовал меня сдержанно, но учтиво. Я сказал, что пришел на встречу с Цифером, и он провел меня мимо стойки с пирожными к столику у стены. Завидев меня, Цифер поднялся. На нем был синий клубный пиджак, свободные брюки из серой фланели и красно-зеленый фуляровый аскотский галстук³⁶. Нагрудный карман пиджака украшала вышитая эмблема теннисного клуба, а на лацкане поблескивала золотая булавка в виде звездочки. Маленькой перевернутой звездочки.

– Рад вас снова видеть, Ангел. – Цифер крепко пожал мне руку.

Мы сели и заказали напитки. Я спросил бутылку привозного пива, дабы умиловить похмелье, а Цифер – кампари с содовой. Пока несли наш заказ, мы говорили на темы, принятые в подобных случаях. Цифер сказал, что собирается на Страстной неделе отправиться в путешествие. Париж, Рим, Ватикан... Он сообщил мне также, что первый день Пасхи в соборе святого Петра – зрелище незабываемое, и что ему назначил аудиенцию сам Папа.

³⁶ Аскотский галстук – галстук с широкими, как у шарфа, концами.

Я глядел на него безо всякого выражения и мысленно пририсовывал над его патрицианским лицом белый тюрбан. Эль Сифр, повелитель Неведомого, встречается с Его Святейшеством Папой Римским.

Когда принесли напитки, мы заказали обед. Цифер говорил с официантом по-французски, и я ничего не понял из их беседы. Сам-то я знаю ровно столько, сколько нужно, чтобы кое-как разобраться в меню. Я взял турнедо Россини и салат из листьев цикория.

Как только мы остались одни, Цифер перешел к делу:

– А теперь, мистер Ангел, будьте добры полный отчет.

Он улыбнулся и отпил немного рубиново-красного напитка.

– Да, – начал я, – рассказать есть о чем. На этой неделе много чего случилось, и, надо думать, кое-что еще предстоит. Во-первых, доктор Фаулер мертв. По мнению полиции, он покончил с собой, но лично я в этом сомневаюсь.

– Почему же? Вы его разоблачили, он мог поплатиться карьерой...

– Просто было еще два убийства, и оба связаны с моим расследованием.

– Как я понимаю, Джонатана вы не нашли?

– Пока нет. Зато я о нем много узнал и любовью не проникся.

Цифер помешал в высоком стакане особой палочкой.

– Вы думаете, он еще жив?

– Похоже на то. В понедельник вечером я был в Гарлеме, говорил с одним старым джазменом, с Эдисоном Свитом. Я нашел древнюю фотографию, где они с Джонни вместе выступают, и решил проверить: мало ли что. Я проследил за ним и выяснил, что он член городской секты вуду. У них там все как полагается: тамтамы, жертвоприношения, весь набор. В сороковые годы Джонни тоже этим занимался. Он жил с их жрицей, Евангелиной Праудфут, и вся эта чертовщина сильно его занимала. Мне об этом Свит рассказал. А на следующий день его убили. Убийца хотел, чтобы думали, что это связано с вуду, но оказался слабоват в веве.

– Веве? – Цифер непонимающе поднял бровь.

– Это такие магические письма. Он там все стены кровью исписал, только вот знающие люди говорят, что это все ненастоящее. Кто-то хотел пустить всех по ложному следу.

– Вы еще говорили о втором убийстве.

– Да, сейчас я до этого дойду. Это как раз была моя вторая ниточка. Я заинтересовался этой его подружкой из высшего общества и стал копать в том направлении. Правда, пока ее не нашел, пришлось побегать, хотя она у меня под носом была. Это оказалась Маргарет Крузмарк, она еще астрологией занималась.

Цифер живо подался вперед, как деревенская сплетница.

– Это дочь судовладельца?

– Она самая.

– Что же произошло?

– Вообще-то, я процентов на девяносто уверен, что это они с папашей тогда Фаворита забрали. Ну вот, я пошел к ней и заказал гороскоп. Тут-то она меня и провела, отправила по ложному следу. Ну, потом-то я сообразил, в чем дело, пошел к ней на квартиру поискать чего полезного.

– Вы выломали дверь?

– Да нет, болванкой обошелся.

– Чем?

– Ключом-болванкой.

– Понятно. Продолжайте, пожалуйста.

– Ну так вот. Зашел я в квартиру, хотел там все мелким гребнем прочесать, вхожу в гостиную, а она уже все, готова. Ей сердце вырезали, оно там же лежало.

– Какой ужас. – Цифер промокнул губы салфеткой. – В газетах об этом ничего не писали.

– А полиция часто так делает. Сейчас знаете, сколько психов признаваться побежит? Надо же их как-то проверять.

– Вы вызвали полицию? Я не видел вашего имени в газетах.

– А никто не знает, что я там был. Я не стал сообщать. Не самый умный ход, конечно, но я и так уже фигурирую в деле Свита, лишние осложнения мне ни к чему.

Цифер нахмурился.

– Каким образом вы фигурируете в деле Свита?

– Да я дал ему свою визитку, а полиция нашла ее потом у него в квартире.

Эта новость, кажется, не особенно порадовала моего собеседника.

– А Крузмарк? Вы давали ей карточку?

– Нет. Тут я вне подозрений. У нее в календаре была записана моя фамилия, и еще был мой гороскоп, но я все забрал.

– И где же это теперь?

– В надежном месте. Не беспокойтесь.

– Почему вы от них не избавитесь?

– Сперва я так и хотел, а потом подумал, что, может, гороскоп меня на что-нибудь выведет. Я ведь дал ей день рождения Джонни.

В этот момент появился официант. Он поставил перед нами тарелки и шикарным движением фокусника снял с них колпаки. Тут же материализовался и сомелье с бутылкой бордо. Цифер исполнил весь ритуал с нюханьем пробки и задумчивым смакованием пробного глотка и лишь тогда одобрительно кивнул головой. Сомелье наполнил наши бокалы и исчез вместе с официантом с беззвучностью карманника, работающего в толпе.

– Это «Шато Марго» сорок седьмого года, – сказал Цифер. – То был прекрасный год для медокских виноградников. Я взял на себя смелость заказать вино, которое, думаю, подойдет и к вашему, и к моему блюду.

– Спасибо. Я не очень большой знаток вина.

– Я думаю, это вам понравится. – Цифер поднял бокал. – За ваши успехи. Я надеюсь, в разговоре с полицейскими мое имя не упоминалось?

– Они попытались было на меня надавить, но я им сказал, что работаю на Штрейфлинга, а значит, как и он, имею право молчать.

– Вы весьма находчивы, мистер Ангел. И каковы ваши выводы?

– Выводы? Пока что никаких выводов нет.

– Вы думаете, всех убил Джонатан?

– Исключено.

– Почему же? – Цифер быстрым движением подцепил вилкой кусочек паштета.

– Потому что похоже, что все это подстроено. Я думаю, его хотят подставить.

– Интересная гипотеза.

Я пригубил вино и посмотрел в стеклянные глаза Цифера, но ничего не смог прочесть в его взгляде.

– Беда в том, что я не знаю, зачем им это нужно. Все ответы остались в прошлом.

– Так найдите их. Раскопайте.

– Мне было бы легче, если бы вы, мистер Цифер, были со мной откровенны.

– Прошу прощения?

– Вы мне совсем не помогаете. Все, что я о нем знаю, я нашел сам. Вы мне никакой ниточки не дали. Вы с ним общались, у вас была сделка. И вообще странно: вы – и этот сиротка с голубями и черепом в чемодане. Тут много непонятного.

Цифер крест-накрест положил серебряный прибор на тарелку.

– Когда мы познакомились, Джонатан работал помощником официанта. Ни о каких черепах я не знал. Если у вас есть вопросы, я буду рад на них ответить.

– Хорошо. Почему вы носите звездочку вверх ногами?

– Эту? – Цифер глянул на свой лацкан. – Хм, действительно, вверх ногами...

Он бережно перевернул звездочку.

– Это знак Сынов Республики. Это такие, знаете ли, фанатики-патриоты. Я им помог с кампанией по сбору средств, и они избрали меня почетным членом. Слыть патриотом никогда не повредит. – Цифер подался вперед и обнажил сахарно-белые клыки. – Во Франции, например, я всегда ношу трехцветный значок.

Он подмигнул мне. Ужас прошлой ночи накатил на меня. Я замер, не в силах оторвать взгляд от его безупречной улыбки. Я узнал ее, я видел ее, когда стоял на эшафоте.

Во Франции, например, я всегда ношу трехцветный значок.

– Что с вами, мистер Ангел? Вы как будто побледнели...

Он играл со мной, улыбаясь как Чеширский кот. Я сцепил руки на коленях, чтобы не видно было, что они дрожат.

– Что-то в горле застряло.

– Надо осторожнее. Так и задохнуться недолго.

– Все в порядке. Не беспокойтесь, до правды я все равно докопаюсь.

Цифер отодвинул тарелку. Доедать изысканный паштет он не стал.

– Правда, истина... Не так-то легко поймать за хвост истину, мистер Ангел.

Глава 31

Мы не стали брать десерт и сразу перешли к коньяку и сигарам. Ароматные Циферовы панателы были действительно великолепны. О деле мы больше не говорили. Я, как мог, поддерживал беседу, а в животе тяжелым комом залег страх. Но, может, мне только показалось, что Цифер подмигнул? Может, и не было насмешки в его взгляде? В конце концов, телепатия – трюк, известный со времен Адама. Я все понимал, но руки мои дрожали.

Выходили мы вместе. У тротуара Цифера дожидался серебристо-серый «роллс-ройс». Шофер в ливрее открыл заднюю дверцу.

– Мы с вами еще увидимся. – Он сжал мою руку и уселся в просторном салоне автомобиля. Внутри была сплошь лоснящаяся кожа и полированное дерево, как в джентльменском клубе, куда еще не всякого примут. Стоя на тротуаре, я смотрел, как «роллс-ройс» мягко огибают угол.

Когда я сел в «шевроле» и поехал в центр, мой железный друг показался мне несколько потрепанным. В салоне пахло, как в кино на Сорок второй улице: застарелый табак и забытые воспоминания. Я ехал по Пятой авеню, следуя зеленой линии, оставшейся от давешнего парада. На перекрестке с Сорок пятой я повернул на запад. Между Шестой и Седьмой авеню нашлось свободное местечко для парковки, чем я не замедлил воспользоваться.

У себя в приемной я обнаружил Епифанию: она спала, свернувшись на буром диване, обитом поддельной кожей. На ней была серая атласная блузка с широким воротником и синий шерстяной костюм. Свое темно-синее пальто она сложила и подсунула под голову на манер подушки. Рядом на полу стоял дорогой саквояж. Епифания поджала ноги, а руками обхватила пальто. Получился прелестный зигзаг, резная фигурка на носу корабля.

Я тихонько тронул ее за плечо. Ее ресницы дрогнули.

– Епифания?

Она распахнула сияющие янтарные глаза и подняла голову.

– Который час?

– Почти три.

– Уже? Ох, я так устала.

– И давно ты ждешь?

– С десяти. У вас, видно, гибкий график.

– С клиентом встречался. Ты где была вчера вечером? Я в аптеку заходил, тебя не было.

Она села и спустила ноги на пол.

– У подружки была. Страшно было дома ночевать.

– Почему?

Епифания посмотрела на меня, как на несмышленика.

– А вы как думаете?! Сначала Ножка. Потом в газете читаю: убили женщину, с которой Джонни был помолвлен. Кто следующий? Я?

– Почему ты так говоришь: «Женщина, с которой Джонни был помолвлен?» Ты что, не знаешь, как ее зовут?

– А откуда мне знать?

– Врать нехорошо, Епифания. Когда ты вчера ушла, я за тобой следил. Ты поехала к Маргарет. И я слышал, о чем вы говорили. Так что ты из меня дурака не делай.

Ноздри ее маленького носа раздулись, глаза вспыхнули, как пара драгоценных камней.

– Я жить хочу!

– Тогда не мечись. Что там у вас с Маргарет было?

– Ничего. Я с ней только вчера познакомилась.

– Неубедительно.

– А что вам надо? Чтобы я наврала?

Епифания выбралась из-за низкого столика и подошла ко мне.

– После того как я с вами вчера по телефону поговорила, мне позвонила эта ваша Круз-марк. Сказала, что она мамина подруга еще с незапамятных времен и хочет приехать пови-даться. Я сказала, что еду в город, и тогда она предложила зайти к ней, когда будет время. И все. Ни про какого Джонни разговора не было, пока я не приехала. Это правда.

– Ладно, поверю на этот раз. Свидетелей все равно нет. Где ты ночевала?

– В отеле «Плаза». Я решила, что в таком шикарном месте никто чернокожую искать не будет.

– И что, ты до сих пор там?

Епифания покачала головой:

– На такое у меня денег нет. Да мне и там страшно было: всю ночь глаз не сомкнула.

– Значит, здесь тебе не страшно. По крайней мере, когда я пришел, ты спала как сурок.

Она ладошкой разгладила лацкан моего пальто.

– С вами мне гораздо спокойнее.

– Ну да, я же ведь великий и бесстрашный сыщик!

– Не скромничайте.

Епифания взяла меня за лацканы. Она стояла совсем близко. Ее волосы пахли свежо и нежно, как чистое белье, высушенное на солнце.

– Вы должны мне помочь...

Я взял ее за подбородок так, чтобы можно было заглянуть ей в глаза, и провел кончиками пальцев по ее щеке.

– Ты можешь пожить у меня. Все лучше, чем в конторе ночевать.

– Спасибо.

Это прозвучало торжественно и скромно, словно я был учитель музыки, похваливший ее за хорошую игру.

– Давай я тебя прямо сейчас отвезу.

Глава 32

Я припарковался почти что на углу Восьмой и Двадцать третьей, напротив старого Гранд-Опера, бывшего некогда штаб-квартирой железнодорожной компании «Эри». Цитадель, в которой забаррикадировался от разъяренных вкладчиков Джим Фиск³⁷ по прозвищу Транжир и в которой он лежал потом при полном параде после досадного инцидента с Недом Стоксом³⁸, была превращена в гнездо местного отделения РКО³⁹.

– А где тут гостиница «Гранд Централ»? – спросила Епифания, когда мы вышли из машины.

– Там, дальше по Бродвею, не доходя до Бликер-стрит. Только теперь он называется «Бродвей Централ». А в свое время его еще называли Ла Фарж.

– А вы много знаете о Нью-Йорке, – сказала Епифания, взяв меня под руку на переходе.

– Детективы как таксисты: работаешь-работаешь, понемногу географию и выучишь.

По дороге я выполнял роль экскурсовода, поясняя все и вся. Епифании нравилось быть туристкой, и она изредка поощряла мои старания вопросами.

Ей приглянулись чугунные украшения на фасаде старого торгового здания на Двадцать третьей улице.

– А я тут, кажется, и не была ни разу.

Проходя мимо ресторана Кавано, я заметил: «В сем заведении Джим Брэди⁴⁰ по прозвищу Бриллиант окучивал Лиллиан Рассел⁴¹. В девяностых годах это был очень популярный район. Площадь Мэдисон была, считай, центром города, а на Шестой были все шикарные магазины: братья Стерн, Альтман, Зигель-Купер, Хью О'Нил. Теперь там склады, но дома-то все те же. Ну вот, здесь я и живу».

Епифания, запрокинув голову, с улыбкой оглядела викторианское великолепие Челси, воплощенное в красном кирпиче. Ей особенно понравились изящные чугунные решетки балконов, украшавшие каждый этаж.

– Где тут ваши окна?

– На шестом. Видишь, под аркой?

Довольно непривлекательный холл немного оживлял камин, охраняемый грифонами из черного камня, но Епифания не обратила на него внимания, точно так же, как и на бронзовые таблички снаружи. Правда, явление из лифта седовласой дамы с леопардом на поводке заставило ее слегка изменить свое мнение о моем обиталище.

В моей квартире было всего-то две комнаты и кухонька-ниша с балкончиком на улицу. Не слишком шикарно по нью-йоркским меркам, но по личику Епифании можно было подумать, что она попала в гости к самому Рокфеллеру.

– Обожаю высокие потолки, – сказала она, вешая пальто на спинку дивана. – Чувствуешь себя важной птицей.

Я взял ее пальто и повесил в шкаф рядом с моим.

³⁷ Джим Фиск (1834–1872) – плейбой, биржевой делец и спекулянт, вместе со своим партнером Джейм Гулдом скупал железнодорожные компании. Одно время им принадлежала и «Эри». Эпизод в Гранд-Опера относится к тому времени, когда Корнелиус Вандербильт пытался взять компанию «Эри» под свой контроль. После биржевого трюка, имевшего целью обойти Вандербилта, Фиску и его партнерам пришлось скрываться в отеле от представителей судебной власти.

³⁸ Нед Стокс, известный бонвиван, застрелил Джима Фиска на лестнице нью-йоркской гостиницы «Бродвей фанд Централ», приревновав к нему Джози Мэнсфилд, актрису сомнительного дарования.

³⁹ Одна из американских сетей радиостанций.

⁴⁰ Джеймс Буханан Брэди (1865–1917) – американский финансист и филантроп, «король позолоченного века». Он был известен также своей коллекцией бриллиантов и невероятным аппетитом, заставлявшим его поглощать чудовищное количество ресторанной снеди.

⁴¹ Лиллиан Рассел (1861–1922) – американская певица и танцовщица.

- Выше, чем в отеле «Плаза»?
- Почти. А комнаты здесь больше.
- Только бара внизу нет. Налить тебе что-нибудь?

Епифания одобрила мою идею, и я удалился на кухню, чтобы сделать нам виски с содовой. Когда я вернулся со стаканами, она стояла, прислонившись к дверному косяку, и рассматривала двуспальную кровать в соседней комнате.

- Чем богаты, тем и рады. Но ты не волнуйся, мы как-нибудь устроимся.
- Я протянул ей стакан.
- Не сомневаюсь, – в ее хриловатом голосе прозвучал недвусмысленный намек.
- Она пригубила напиток, сообщила, что коктейль что надо, и села на диван возле камина.
- Его можно зажигать?
 - Можно, если дрова купить.
 - Я тебе напомню. Грех таким камином не пользоваться.
- Я достал из дипломата Циферову афишку и показал ей:
- Знаешь такого?

– Эль Сифра? Знаю. Он пророк или что-то вроде того. По крайней мере, сколько я себя помню, он у нас в Гарлеме подвизается. У него и своя секта есть, маленькая, но он везде проповедует: куда позовут, там и выступает. Хоть за Грейса⁴², хоть за Дивайна⁴³, хоть для мусульман – все равно. Один раз даже в абиссинской церкви⁴⁴ выступал. Мне его афиши несколько раз в год присылают, а я их выставляю в витрине. Ну знаешь, как плакаты Красного Креста или фонда сестры Кенни⁴⁵. Информировать общественность.

- А самого его ты когда-нибудь видела?
- Нет. А зачем он тебе? Он что, как-то с Джонни связан?
- Может быть. Пока точно сказать не могу.
- То есть не хочешь?
- Так, давай сразу договоримся: ничего из меня не вытягивать.
- Прости. Просто мне интересно, это ведь и меня касается.
- Да, и еще как. Потому-то тебе лучше ничего не знать.
- Боишься, что я кому-нибудь расскажу?
- Нет, боюсь, что кто-то решит, что тебе есть что рассказать.

Епифания побренчала льдинками в опустевшем бокале. Я налил нам еще и сел с ней рядом. Она подняла бокал:

- Чин-чин.

Мы чокнулись.

– Я тебе врать не буду. С тех пор как мы познакомились, я все еще топчусь на месте. Ведь он же был твой отец, твоя мама наверняка что-то о нем рассказывала. Вспомни. Ну хоть что-нибудь, даже если это мелочи какие-то.

- Она о нем почти не вспоминала.
- Но хоть что-то же она должна была говорить.

⁴² Епископ Чарльз Грейс, или Папа Грейс (1881(?)–1960) – уроженец островов Зеленого Мыса, «чернокожий мессия». В двадцатых годах основал Всеобщий Дом Молитвы и собрал вокруг себя огромную паству. Богослужения сопровождаются музыкой, пением, плясками, криками и кружением: таким образом верующие «улавливают» Дух Святой. Папа Грейс нажил огромные богатства, его церковь и по сей день помогает едой и одеждой беднейшим членам общины.

⁴³ Преподобный Отец Дивайн (Божественный) (?–1965) – популярнейший чернокожий проповедник. Год рождения и настоящее имя его – предмет споров. Преподобный Дивайн основал массовое движение под названием «Миссия мира». Члены движения верят, что Дивайн был Богом и что дух его по-прежнему живет на земле. Дивайн проповедовал всеобщее равенство, патриотизм, самодостаточность и скромность.

⁴⁴ Абиссинская баптистская церковь – старейшая «чернокожая» конгрегация Нью-Йорка, возникшая в 1808 году.

⁴⁵ Элизабет Кенни (1870–1952) – медсестра, известная общественная деятельница, занимавшаяся борьбой с полиомиелитом. В 1947 году удостоилась аудиенции у папы Пия XII и получила из его рук Медаль Святого Семейства.

Епифания теребила сережку, маленькую камешку, оправленную в золото.

– Мама говорила, что у него была власть. Сила. Он был волшебником, он многое хотел познать, не только Обеа. Мама сказала, что он научил ее многим темным искусствам, но что лучше бы он этого не делал.

– То есть?

– То есть, играя с огнем, в конце концов обожжешься.

– Твоя мама не интересовалась черной магией?

– Она была добрая женщина. С чистой душой. Она говорила, что Джонни так близко подошел к сердцу зла, что ближе некуда.

– Может, в этом была его изюминка?

– Может быть. Знаешь, девушкам обычно нравятся всякие темные личности.

«Интересно, а я тебе нравлюсь?» – подумал я.

– А больше она ничего не говорила?

Епифания улыбнулась, взгляд ее был неподвижен, как у кошки.

– Говорила. Говорила, что он был потрясающий любовник.

Я прокашлялся. Епифания откинулась на подушки: твой ход. Я извинился и ретировался в ванную. К зеркалу в полный рост была прислонена торчащая из ведра швабра: горничная поленилась дойти до чулана, который запирают в конце рабочего дня. На ручке швабры, как забытая тень, бессильно повис рабочий халат.

Я застегнул штаны и посмотрел на себя в зеркало. Дурак. Связался с подозреваемой. Глупо, неэтично и рискованно. Делом надо заниматься. Делом. А спать пойдешь на диван. Вот так.

Мое отражение ослабло с совершенно идиотским видом.

Когда я вошел, Епифания улыбнулась. Она уже сняла туфельки и пиджак. Ее стройная шейка в треугольнике раскрытого ворота была неизъяснимо грациозна.

– Еще хочешь? – Я потянулся к ее пустому стакану.

– Можно.

Я прикончил бутылку, получилось крепковато. Передавая ей стакан, я заметил, что две верхние пуговицы у нее на блузке расстегнуты. Я повесил пиджак на спинку кресла и распустил галстук. Топазовые глаза Епифании провожали каждое мое движение. Молчание накрыло нас стеклянным колпаком.

Под бешеный стук в висках я опустился рядом с нею на диван, взял у нее недопитый стакан и поставил его на столик. Губы ее приоткрылись. Я притянул ее к себе, и она затаила дыхание.

Глава 33

В первый раз это была сумасшедшая сцепка одежд и тел. Три недели воздержания неважно сказались на моих способностях, но я пообещал исправиться, если мне повезет и дадут еще один шанс.

– Везение тут ни при чем. – Она сбросила с плеч расстегнутую блузку. – Сливаясь друг с другом, мы говорим с богами.

– Может быть, тогда продолжим беседу в спальне? – спросил я, выпутываясь из брюк.

– Я серьезно, – прошептала она, развязывая мне галстук и медленно расстегивая рубашку.

– Это было еще до Адама и Евы. Мир родился, когда боги познали друг друга. Когда мы вместе, мы заново создаем мир.

– Это что-то уж слишком серьезно...

– Серьезно? Это же прекрасно!

Она сбросила лифчик, расстегнула помятую юбку и осталась в одних чулках с пояском.

– Женщина – это радуга, а мужчина – молния и гром. Вот, смотри.

Она откинулась назад и выгнулась мостом с ловкой грацией цирковой гимнастки. У нее было тонкое сильное тело, под кожей цвета корицы видна была нежная игра мускулов. Плавный рисунок ее движений напоминал переливчатый лет птичьей стаи. Она уперлась руками в пол, воплотив безупречную радугу. Это медленное, легкое движение было совершенно, как все нерукотворные чудеса.

Она опускалась все ниже, и вот уже опиралась лишь на локти и ступни. Никогда еще я не видел такой божественно-бесстыдной позы.

– Я – радуга, – прошептала она.

– Молния бьет дважды.

Я пал пред ней на колени, ярим псаломщиком охватил алтарь ее чресел. Но она, словно в пляске лимбо⁴⁶, подалась вперед и поглотила меня. Радуга превратилась в тигрицу. Я чувствовал, как пульсирует ее плоский живот.

– Не двигайся, – шепнула она, в ритме сердца сокращая потаенные мышцы.

Я едва не закричал, когда блаженство достигло зенита.

Епифания примостилась у меня на груди. Я ласково потерся губами о ее влажный лоб.

– А с барабанами еще лучше, – промурлыкала она.

– Вы, что же, при всех это делаете?

– Бывает, что в человека вселяются духи. Когда танцуешь банду или на бамбуше. Тогда мы пьем и пляшем всю ночь и любим друг друга до утра.

– А что такое банда и бамбуше?

Епифания с улыбкой тронула мои соски.

– Банда – это танец во славу Гуэде. Священный танец, злой и бешеный. Его всегда танцуют в хонфоре общины. Хонфор – это храм.

– А Ножка говорил «хамфо»...

– Это одно и то же, просто диалекты разные.

– А бамбуше?

– Бамбуше – просто вечеринка. Это когда община хочет немножко выпустить пар.

– Вроде церковного пикника?

– Ага. Только интересней.

⁴⁶ Индийский танец. Танцующие должны сильно выгибаться назад.

В тот день мы были как блаженные нагие дети. Мы смеялись, бегали в душ, опустошали холодильник, говорили с богами. Епифания поймала на радио какую-то пуэрториканскую станцию, и мы плясали, обливаясь горячим потом. А когда я предложил пойти куда-нибудь поужинать, моя мамбо с лукавым смешком заманила меня на кухню и там перемазала нас взбитыми сливками. Даже у Кавано Джимми Брильянт и его пышногрудая Лил не едали ничего слаще.

Когда стемнело, мы выбрали с пола разбросанную одежду и перебрались в спальню. Мы нашли в чуланчике несколько свечей, в их мерцании тело моей девочки светилось изнутри, как спелый плод. Хотелось попробовать ее всю.

В перерывах мы разговаривали. Я спросил Епифанию, где она родилась.

– В роддоме на Сто десятой улице. Но до шести лет я жила у бабушки на Барбадосе. В Бриджтауне. А ты?

– Есть такое место в Висконсине, ты, наверно, о нем и не слышала. Под Мэдисоном. Хотя теперь-то, наверно, это уже часть города.

– Похоже, ты туда не часто выбираешься.

– Я там не был с тех пор, как пошел в армию. А было это на другую неделю после Пёрл-Харбора.

– Почему? Неужто там так плохо?

– А мне туда не к кому ездить. Родители погибли, когда я в госпитале лежал. На похороны не смог приехать, рана не пустила. А когда комиссовали, дом уже забываться стал. Так вот и получилось.

– Ты у родителей один был?

– Да. Я был приемный, но от этого они меня еще больше любили.

Я говорил, как бойскаут, дающий клятву верности. Вера в родительскую любовь заменяла мне патриотизм. Она одна оказалась не подвластна времени, стершему даже их черты. Как ни пытался я вспомнить прошлое, всплывали только размытые фотографии.

– Висконсин... То-то ты у нас специалист по церковным пикникам.

– Ага, а еще по кадрили, по старым колымагам, по благотворительным кондитерским ярмаркам, по сельским молодежным клубам и пивным пирушкам.

– Что это за пивные пирушки?

– Это что-то вроде бамбуше для старшекласников.

Епифания уснула у меня на груди, а я еще долго смотрел на нее. Ее круглые грудки чуть вздымались в такт ее дыханию, в свете свечей темнели шоколадные соски. За ее веками скользили тени снов, ее ресницы вздрагивали. Сейчас она казалась мне маленькой девочкой. Ее лицо было невинно, оно было так не похоже на страстную маску тигрицы, стонавшей и бившейся в моих объятиях.

Это безумие. Нельзя было сходить с ней. Ее тонкие пальцы умеют держать нож. Она не моргнув глазом приносила в жертву животных. Если это она убила Ножку и Маргарет, то я себе не завидую.

Я не помню, как я заснул. Просто медленно погрузился в сон, мучимый нежностью к девочке, которой должен был опасаться. Вооружена и очень опасна – прямо как в полицейской ориентировке.

В ту ночь меня посетила вереница кошмаров, полных яростной злобы и гнетущей пустоты.

Я потерялся в неизвестном городе. Улицы были пусты. Указатели на перекрестке ослепли. Ни одного знакомого дома. Очень высокие здания без окон.

Потом я увидел вдалеке человека, клеящего к глухой стене части большой афиши. Из разрозненных кусков понемногу складывалось целое. Я подошел поближе. С афиши глядел Луи Цифер: злая улыбка карточного джокера растянулась во всю стену, как оскал мистера

Тилью из «Стиплъ-чеза». Я окликнул расклейщика, и тот со смехом обернулся ко мне, сжимая в руке длинную кисть. Это был Цифер.

Афиша распахнулась, как театральный занавес, и за ней открылась бесконечная череда поросших лесом холмов. Цифер бросил кисть и ведро с клеем и убежал внутрь. Я не отставал, гнал его сквозь кусты, как зверя. Потом он пропал, и я понял, что заблудился.

Я пошел по звериной тропе, петлявшей между парков и долин. Потом остановился, чтобы напиться из ручья, и увидел на берегу след каблука, отпечатавшийся во мху. Секунду спустя тишину пререзал крик.

Крик повторился еще и еще, и я побежал на него. На той стороне небольшой опушки медведь терзал женщину. Я рванулся туда. Огромный зверь трепал свою обмякшую жертву, как тряпичную куклу. Я узнал залитое кровью лицо. Это была Епифания.

Не раздумывая, я бросился на медведя. Зверь встал на дыбы и ударом лапы свалил меня наземь. Я видел, как медвежьи черты превращаются в знакомое лицо: сквозь клыкастую, перемазанную слюной и кровью морду проступил лик Цифера.

Когда, отброшенный далеко назад, я поднял голову, все сомнения исчезли: это был он. Нагой, он уже не терзал Епифанию, он овладевал ей в высокой траве, и она стонала. Я подбежал к нему, схватил за глотку и оттащил в сторону. Мы боролись в траве рядом с Епифанией. Он был сильнее меня, но я держал его за горло. Я сжимал руки, покуда лицо его не почернело от крови. Где-то за спиной кричала Епифания. Ее крики разбудили меня.

Я сидел у нее на бедрах в коконе сбитых простыней. В ее распахнутых глазах застыли боль и ужас. И я сжимал ее горло обеими руками, смертельной хваткой, и она уже не кричала...

– Господи!!! Ты жива?

Я слез с нее, и она, задыхаясь, забилась в угол кровати.

– Псих! – крикнула она между приступами кашля.

– Иногда я сам так думаю.

– Что на тебя нашло?

Епифания потерла шею. На безупречной коже темнели синяки от моих пальцев.

– Сам не знаю. Воды принести?

– Да.

Я пошел на кухню и вернулся со стаканом ледяной воды.

– Спасибо. – Она улыбнулась. – Ты всегда подружек душишь?

– Обычно нет. Мне сегодня сон приснился.

– Какой?

– Приснилось, что кто-то сделал тебе больно.

– Ты его знаешь?

– Да. Он мне каждую ночь снится. Мне снятся безумные сны, страшные. И каждый раз он издевается надо мной, мучит. Сегодня он мучил тебя.

Епифания отставила стакан и взяла меня за руку.

– Похоже, что какой-то боко наслал на тебя сильную вангу.

– Слушай, детка, давай будем говорить на родном языке.

Епифания рассмеялась.

– Лучше я тебе быстренько все объясню. Боко – это злой хунган. Такой, который только черной магией занимается.

– А хунган это кто?

– Жрец Обеа. То же самое, что мамбо, только мужчина. А ванга – это проклятие или злое заклинание. Ну сглаз, понимаешь? Судя по тому, что ты рассказываешь, ты попал под власть какого-то колдуна.

У меня застучало сердце.

– Значит кто-то наложил на меня заклятие?

- Похоже, что так.
- Тот человек из моих снов?
- Скорей всего. Ты его знаешь?
- Ну, можно сказать и так. В последнее время я с ним связан.
- Это Джонни?
- Нет. Но из той же оперы.
- Епифания вцепилась мне в руку.
- Это то, чем отец занимался. Он служил дьяволу.
- А ты разве нет? – Я погладил ее по волосам.
- Она обиженно отпрянула.
- Ты что, правда так думаешь?
- Ну ты ведь мамбо.
- Да, и я сильная мамбо. Я служу добру, но это не значит, что я не знаю, что такое зло.

С сильным врагом лучше быть настороже.

Я обнял ее одной рукой.

- А ты можешь мне сделать амулет, чтобы защищал меня в моих снах?
- Если бы ты был верующий, то да.
- А я уже обращаюсь, и чем дальше, тем больше. Прости, что сделал тебе больно.
- Ничего. – Она поцеловала меня в мочку уха. – Я знаю один способ – все как рукой

снимает.

Способ оказался весьма действенный.

Глава 34

Я открыл глаза и увидел узкий луч раннего утреннего солнца. В луче плясали пылинки. Епифания лежала рядом, из-под одеяла выглядывали ее коричневое плечико и худенькая рука. Я сел, откинувшись на подушку, и потянулся за сигаретой. Луч разделил кровать на две половины, тоненьким золоченым шоссе прочертил топографию наших тел.

Я наклонился и поцеловал спящие глаза Епифании.

И тут раздались громовые удары в дверь. Только полицейские объявляют о себе таким грохотом.

– Эй, Ангел! Открывай!

Стерн.

Епифания испуганно распахнула глаза. Я прижал палец к губам.

– Кто там? – прохрипел я, как будто со сна.

– Лейтенант Стерн. Открывай давай, да поживее.

– Сейчас, сейчас.

Епифания села в кровати, перепуганными, сумасшедшими, непонимающими глазами уставилась на меня.

– Полиция, – шепнул я. – Не знаю, что им надо, наверно, вопросы задать. Ты можешь тут посидеть.

– Ну долго еще? – проревел Стерн.

Епифания замотала головой и в два прыжка умчалась из комнаты. Запихивая ногой под кровать ее разбросанные вещички, я услышал, как тихонько закрылась дверь в ванную. Стерн не жалел кулаков и лупил без передышки. Я взял ее раскрытый чемодан и сунул в шкаф на верхнюю полку под собственные пустые кофры.

– Иду, иду! – крикнул я, натягивая мятый халат. – Иду! Не надо дверь ломать!

В гостиной на спинке дивана обнаружился чулок. Я обвязал его вокруг пояса под халатом и открыл дверь.

– Свершилось, – фыркнул Стерн, проталкиваясь внутрь мимо меня.

За ним следовал сержант Деймос, облаченный в оливковый костюм из быстросохнущей ткани и соломенную шляпу с полосатой ленточкой. Стерн остался верен мохеровой паре, но на этот раз был без своего плаща.

– Посмотришь на вас, ребята, и сразу видно: весна, – сказал я.

– А ты все спишь?

Стерн сдвинул на затылок шляпу с темными пятнами пота и окинул взглядом комнату:

– Тут, что, драка, что ли, была?

– Встретил вчера дружка боевого, пошумели малость.

– Как люди-то живут, а, Деймос! Ночью – гулянки, на работе – виски, спи – не хочу. А мы с тобой, как дураки, в полицию пошли. И как зовут этого твоего дружка?

– Эзра Паунд.

– Эзра – имя какое-то деревенское. Фермер, что ли?

– Нет, запчастями торгует в Айдахо. А сейчас домой улетел. Утром сегодня был рейс из Мичигана, так он в пять утра собрался – и в аэропорт.

– А не врешь?

– Вам – никогда! Лейтенант, если я сейчас не выпью кофе, мне каюк. Ничего, если я кофейник поставлю?

Стерн присел на ручку кресла.

– Валяй, нам-то что: бурду сваришь – в унитаз выльем.

И тут, как по сигналу, что-то грохнуло в ванной.

– Там, что, есть кто-то? – поинтересовался Стерн, тыча большим пальцем в сторону двери.

Дверь отворилась, и на пороге возникла Елифания с ведром и шваброй. На ней был рабочий халат, волосы собраны в узел и покрыты каким-то грязным лоскутом. Она ссутулилась и шаркала ногами, как столетняя старушенция.

– Все, миста Ангел, в ванне все, – уныло прогундосила она, глотая половину звуков, прямо как настоящая негритянская карга. – У вас гости, да? Я тогда сейчас пойду, а потом вернусь, ладно?

– Хорошо, Этель. – Я едва сдержал улыбку, когда она в той же манере прошаркала мимо меня. – Я скоро ухожу, ты тогда сама откроешь, когда захочешь.

– Хорошо. – Она причмокнула губами, словно водворяя на место беглый зубной протез и двинулась к двери. – Доброе утро, жентльмены. Простите, что помешала.

Стерн взирал на нее, разинув рот. Деймос замер на месте и только скреб в затылке. Я затаил дыхание: заметят или нет, что она босиком? Фу-у, обошлось. Елифания благополучно исчезла за дверью.

– Господи, прямо как с пальмы слезла, – пробормотал Стерн. – Зря их тогда освободили. Сидели бы на плантациях...

– Напрасно вы так. Этель у меня молодец, – отозвался я из неглубокой кухонной на кухне, где как раз наполнял кофейник. – Она не Эйнштейн, конечно, но квартиру держит в порядке.

Сержант Деймос ослабил:

– А что, правда, должен же кто-то и толчки чистить.

Стерн с усталым отвращением оглядел напарника, видимо, думая, что того самого неплохо бы сослать на подобные работы. Я прибавил огонь на двухконфорочной плите:

– Ну что у вас за дело ко мне?

Я опустил в тостер кусок хлеба.

Стерн встал с дивана, прошел в мою нишу и прислонился к стене рядом с холодильником.

– Тебе знакомо имя Маргарет Крузмарк?

– Слышал.

– Что ты о ней знаешь?

– Да то, что в газетах писали.

– А именно?

– Дочь миллионера. Ее убили на днях.

– А еще?

– Я не могу каждое убийство расследовать. У меня своих дел по горло.

Стерн переступил ногами и возвел глаза к потолку.

– Когда ж ты ими занимаешься? Когда проспишься?

– А это что? – поинтересовался из соседней комнаты Деймос.

Я выглянул в коридор. Деймос стоял над открытым дипломатом и рассматривал карточку, которую я нашел на столе у Маргарет.

Я улыбнулся:

– Приглашение на конфирмацию моего племянника.

– А почему не по-нашему написано?

– Это латынь.

– У него все по-латыни, – не разжимая губ, заметил Стерн.

– А эта штука наверху что значит? – спросил Деймос, указывая на перевернутую пентаграмму.

– Вот сразу видно, что вы не католики. Это орден Святого Антония. Мой племянник у них служба в церкви.

– Вроде такая штука у Крузмарк на шее висела.

Мой тост выскочил из тостера, и я щедро намазал его маслом.

– Ну и что? Может, она тоже была католичкой.

– Эта? Ну уж нет, – сказал Стерн. – Она скорее уж, язычницей была.

Я захрустел тостом.

– Пусть так, только что вам до нее? Вы же Ножкой занимаетесь?

Стерн посмотрел на меня своими трупными глазами.

– Занимаемся. Только вот обстоятельства в обоих случаях больно похожие.

– Думаете, тут есть связь?

– Это я у тебя хотел спросить.

Кофе начал закипать, и я убавил огонь.

– У меня? Можно и у портье внизу спросить с тем же успехом.

– Не умничай, Ангел. Черномазый вуду занимался, а баба была ясновидящая, да, похоже, еще и черной магией баловалась. И убивают их с разницей в один день. Кто – неизвестно, но при очень похожих обстоятельствах.

– При каких же?

– Это наше дело.

– Так как же я помогу, если не знаю даже, что вам надо?

Я взял из буфета три кружки и рядом поставил на стол.

– Темнишь?

– А с чего мне откровенничать? – Я выключил газ и разлил кофе по кружкам. – Я, кажется, в полиции пока не служу.

– Так. А теперь послушай: я звонил этому болтуну адвокату. Тут ты, похоже, нас обошел: ты можешь молчать, а я тебе ничего не могу сделать. Только смотри: узнаю, что ты хоть припарковался не в том месте – костей не соберешь. Тебе в городе не только что лицензию, тебе арахисом торговать не дадут.

Я прихлебнул кофе, с наслаждением вдохнув ароматный парок.

– Я уважаю закон, лейтенант.

– Рассказывай! Для таких, как ты, закон – фиговый листок. Ну ничего, скоро где-нибудь проколешься, я тебе тогда не спущу.

– У вас кофе остынет.

– Да иди ты со своим кофе! – рявкнул Стерн. Оскалив кривые желтые клыки, он сшиб со стола обе кружки, да так, что они отлетели к противоположной стене и осколками брызнули по всей кухне. Стерн задумчиво оглядел кофейное пятно, как эстет, разглядывающий авангардистскую картину.

– Нехорошо получилось, – заметил он. – Ну ничего. Я уйду – твоя обезьяна подотрет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.